

ГАЛИНА БЕЛЯКОВА СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЧТО ТАКОЕ МИФОЛОГИЯ И КТО ТАКИЕ СЛАВЯНЕ (Вместо предисловия)

Мифологические представления древних славян — настоящий клад мудрости наших предков. Это не только дохристианские божества, но также представления о космосе и земле, о природе и ее законах, о жизни зверей и птиц, о человеческой судьбе, о домашнем очаге, его устройстве и украшении, об одежде, утвари и т. п. Славянская мифология — отражение знаний, выработанных столетиями, а быть может, и тысячелетиями человеческой практики.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даль так определил понятия «миф» и «мифология»: «Миф — происшествие или человек баснословный, сказочный, иносказанье в лицах, вошедшее в поверье. Мифология — баснословие, басни веры, по преданию, боговщина». Как видим, в объяснении смысла этого слова есть два главных понятия — «басня» и «вера», они в какой-то степени противоположны, но эта противоположность характерна для их современного понимания, тогда же они были синонимами.

В детстве все мы верим басням и сказкам и с ними постепенно осознаем мир. Так и в далеком детстве человечества — в первобытном обществе — мифология была основным способом осмысления окружающего природного и человеческого мира. Мифы — рассказы о предках — составляли духовное сокровище племени.

Славянскую мифологию называют *языческой*. Что же такое язычество? Академик Б. А. Рыбаков, написавший множество трудов по этой теме, в том числе книги «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси», считает язычеством тот пласт культурного развития, который накоплен человечеством за многие тысячелетия его существования, т. е. язычество — это не только простая совокупность мифов, преданий и т. п., но и жизнь их в истории славян и всего человечества. Глазная идея язычества выросла из самой жизни, а потому оно охватывало мировоззрение и «жизневоззрение» людей древнего мира. Кроме того, слово «язык» для древних славян означало то же, что «народ», «этнос». Это хорошо отражает само существо верований: они были этническими (народными) в противоположность надэтническим (мировым) религиям.

Однако в культуре человечества вряд ли найдется другое такое явление, о котором в науке высказывались бы столь противоположные суждения, как мифология. Одни ученые связывают ее, чуть ли не отождествляя, с религией, другие резко противопоставляют ей. Одни не видят различий между мифологией и народными легендами, преданиями, сказками, другие полностью разделяют их.

Вплоть до XIX в. европейцам была известна только *античная мифология* — рассказы древних греков и римлян о богах и других сверхъестественных существах. При этом часто греческие мифы смешивались с римскими, у греческих богов были латинские имена — ведь латинский язык гораздо более известен, чем греческий. В XVIII в. в России в среде дворянства стало модным употреблять эти имена в аллегорическом смысле: говоря «Марс», подразумевали войну, «Венера» означала любовь, «Минерва» — мудрость, «Диана» — девственность, «музы» — разные

искусства и науки. Этот обычай отчасти сохранился и до наших дней, особенно в поэзии.

Однако уже в первой половине XIX в. ученые обратили внимание на *мифы других индоевропейских народов* — древних индийцев, иранцев, германцев, а в России появились первые исследователи мифологии М. Д. Чулков, А. С. Кайсаров, И. М. Снегирев, А. Ф. Вельтман, И. П. Сахаров, которые собирали и изучали славянские мифы.

В западной науке по вопросу о сущности и происхождении мифологии высказывались весьма различные точки зрения,¹ в России же на рубеже 40—50-х годов XIX в. сложилась «мифологическая школа», представители которой видели в мифах олицетворенное описание и объяснение явлений природы, преимущественно небесных.²

Русские ученые, ставя перед собой важную гражданскую задачу изучения мифов как проявления самосознания народа, способствовали решению сложных проблем русского общества. Известный русский языковед XIX в. Ф. И. Буслаев писал: «Заботливое собрание и теоретическое изучение народных преданий, пословиц, песен, легенд не есть явление изолированное от разнообразных идей политических и вообще практических нашего времени: это один из моментов той же дружной деятельности, которая освобождает рабов от крепостного ярма, отнимает у монополии право обогащаться за счет бедствующих масс, ниспровергает застарелые касты и, распространяя повсеместно грамотность, отбирает у них вековые привилегии на исключительную образованность».³ Это написано в 50-х годах XIX в., но гражданский пафос мыслей Ф. И. Буслаева созвучен гуманистическим идеям наших дней.

Славянскую мифологию чаще всего подразделяют на три области, соответствующие племенам южных, западных и восточных славян. Этим трем главным областям соответствуют и три главные ступени их языческой религии: 1) непосредственное поклонение природе и стихиям; 2) поклонение божествам, олицетворяющим эти явления; 3) поклонение кумирам, вознесшимся над людьми. Представители мифологической школы отождествляли мифологию и древнюю религию, но уже с конца XIX в. были предприняты попытки разграничить их. Однако вопрос о соотношении мифологии и религии оказался весьма не простым. *Происхождение мифологии связано не с религией, а прежде всего с естественной любознательностью первобытного человека, расширявшейся по мере расширения его трудового опыта.* Тем не менее уже на ранних этапах развития мифология органически дополняется *религиозно-магическими обрядами.* Миф дает им идейное обоснование и объясняет их появление характерным для мифологии

¹ Существуют четыре точки зрения относительно сущности мифологии: 1) «мифологическая теория», сторонники которой видели в мифах олицетворенное описание и объяснение явлений природы, преимущественно небесных; 2) «эвгемерическая», согласно которой мифологические персонажи — это реальные люди, предки, а мифы — приукрашенные фантазией рассказы об их подвигах (Г. Спенсер); 3) «биологическая», рассматривавшая мифологию как фантастическое порождение подавленных подсознательных сексуальных влечений человека (З. Фрейд, фрейдисты); 4) «социологическая теория», понимающая мифы как непосредственное выражение связи первобытного общества с окружающим миром (Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский).

² Основателем русской мифологической школы был крупнейший ученый, профессор Московского университета Ф. И. Буслаев. В русле этой школы работали также А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, А. А. Котляревский, А. А. Потебня, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский и др.

³ Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. — СПб., 1887.

способом: он признает их древнейшее происхождение и связывает их с мифическими персонажами («культовый миф»). Но благодаря этому и сам миф становится таким же священным, тайным, как и обряд. Так появляется *эзотерическая* мифология.⁴ Для непосвященных в тайны обряда, для их устрашения специально создаются страшные фантастические образы духов, чудовищ, которые являются главными «действующими лицами» *эзотерической* мифологии.⁵

Что же такое *магические обряды*? Это обряды, имеющие целью непосредственное воздействие на человека, на тот или иной материальный объект сверхъестественным способом ради достижения какого-либо определенного результата. *Магические обряды отличаются от религиозных*, которые связаны с верой в личные божества, духов, в умиловление высших существ, в их сверхъестественное вмешательство, в чудо.

Различают несколько *типов* магии:⁶ «контактная магия» с простейшим способом передачи магической силы через соприкосновение; «инициальная магия»,⁷ когда производится только начало желаемого действия (например, если объект находится на расстоянии); «контагиозная», или «парциальная магия»,⁸ когда действие направлено не на объект, а непосредственно на его заместителя (например, не на человека, а на его отрезанные волосы, ногти, слюну); «имитативная магия»⁹ с направленностью действия на объект через его подобие или на изображение объекта. К последнему типу относятся магические обряды, состоящие в подражании тому действию, которое хотят вызвать (пляски, вызывающие дождь, имитирующие охоту, военные действия). Эти типы магии имеют *положительную* или, напротив, *агрессивную* направленность. Их цель — сообщить объекту положительный или отрицательный заряд.

Другие типы магии имеют целью отстранить, отогнать, удалить вредные влияния. Эти типы магии имеют *защитительный, оборонительный* характер. Суть так называемой отгоняющей магии — отпугнуть враждебные силы с помощью амулетов, «оберегов», разных жестов, звуков. С этой целью на голове или других частях тела рисуют линии, круги.

Еще один тип магических действий — *обряды очищения* огнем, омовением, окуриванием и т. п. от предполагаемых злых явлений, проникающих в тело или душу человека, в его жилище.

Особый тип составляет «*магия слова*» — магические заговоры, заклинания.

⁴ Эзотерическая («обращенная внутрь»), окруженная глубокой тайной мифология — сокровенное достояние тех, кто посвящен в соответствующий ритуал.

⁵ Эзотерическая («обращенная вовне») мифология специально нацелена на запугивание «непосвященных».

⁶ Магия — совокупность верований и специфических колдовских действий, с помощью которых люди пытаются сверхъестественным способом воздействовать на окружающие предметы и явления.

⁷ «Инициальная магия» — от лат. *initio* — начало.

⁸ «Контагиозная» — от лат. *contagiosus* — заразительный, или «парциальная магия» — от лат. *pars, partis* — часть.

⁹ «Имитативная магия» — от лат. *imitatio* — подражание.

Различают еще и *виды* магии – вредоносную, военную, любовную, предохранительную, промысловую, метеорологическую и прочие второстепенные виды.

С магией связаны и *гадания* (мантика), предназначенные не вызвать какие-то события, а только узнать о них. Цель гадания – узнать то, что человек естественным путем узнать не может. Мантические обряды близки к магии и часто переплетаются с настоящими магическими действиями.

Другая близкая к магии и мантике группа явлений – *вера в приметы*, когда человек вообще не реагирует на происходящее, а лишь наблюдает его. Но как только человек начинает реагировать, так эта вера приобретает сходство с магией.

Мифологическая фантазия, родственная по своему происхождению сказочной фантазии, может сохранять и известную независимость от религии. Хотя мифология играет важную роль в истории религии, поставляя материал для содержания религиозных верований, тем не менее она не является существенной стороной религии, поскольку в мифы можно было и не верить, тогда как в религиозные каноны верить обязательно. Кроме того, миф мог быть и антирелигиозным.

Мифология – это прежде всего произведение народной фантазии, в которой факты реального мира олицетворяются мифическими существами. Но в отличие от народной легенды миф не связан с конкретным историческим событием, а дает объяснение какому-то общему явлению природы или социальной жизни. Эта *объясняющая функция* мифа не позволяет отождествлять его с народной сказкой, которая содержит в себе не объяснение, а морально-назидательный элемент. *Единственное, что роднит мифологию и религию, – это олицетворяющая фантазия.*

Позднее в мировых религиях мифы утратили деление на экзотерические и эзотерические и стали религиозными догматами. Но у некоторых народов, особенно в Древней Греции, развитие мифологической фантазии привело к тому, что и отвлеченно философские и даже атеистические идеи нередко облекались в мифологическую форму.

Древним славянам было свойственно *космоцентрическое мировоззрение*, которое по своему отношению к природе значительно отличалось от современного – *технологического*. Человек знал, что его жизнь зависит от природы, поэтому для него было характерно и самоограничение, нежелание своим вмешательством навредить ей, и, наконец, обожествление природы. Подобные представления породили дохристианских языческих божеств – Перуна и Велеса, Дажьбога и Мокошь, Стрибога и Хорса, а также русалок, леших и домовых, фантастических зверей и птиц. Тогда-то и расцвели на полотенцах и под стрехами крыш дивные фантастические узоры.

Мир предстал перед человеком *единым органическим целым*: все в нем было взаимосвязано, и всему было свое место и время. Естественно, мир не стоял на месте, в нем постоянно появлялось что-то новое, и если это новое не противоречило жизненному укладу людей, их здравому смыслу, нравственным законам, а также климатическим условиям, то оно тоже обожествлялось. В извечной борьбе Добра и Зла, Правды и Кривды, Света и Тьмы люди что-то отсеивали, что-то оставляли. Так подготавливался следующий виток жизненной спирали, жизненного круга.

Древние славяне одухотворяли (анимизм) ¹⁰ и олицетворяли (фетишизм) ¹¹ всю

¹⁰ «Анимизм» (от лат. *anima* – душа, дух) – вера в существование душ и духов, обязательный элемент любой религии.

природу — землю, воду, огонь, почитали растения и животных, и на этой основе формировались различные верования и первобытные религии, свойственные всем народам в определенные периоды их развития.

В русских народных верованиях долго сохранялись следы культа, например *Матери-сырой-земли*, которая олицетворялась в образе женского божества плодородия. Существовало также почитание камней, наделявшихся сверхъестественными свойствами. Фетишистский культ камней в почти неизменном виде влился в христианские культы «святых мест», амулетов и т. д.

В. М. Васнецов. Иван-царевич на сером волке

Столь же древними объектами поклонения были *вода* и *огонь*, которым приписывали предохраняющее, очищающее, оплодотворяющее действие. Известны древние поверья и ритуалы, относящиеся к растительности. Многие из них имели характер аграрно-магической практики и были направлены на «обеспечение» земного плодородия, урожая. Символом плодородящего начала служили магические изображения женщин-родоначальниц, обнаруженные археологами еще в искусстве палеолита.¹² Символ плодородия в виде женского божества входил в содержание позднейших праздничных обрядов, главным образом весенне-летнего цикла (масленица, семик и т. п.), в которых более ярко воплощен культ растительности.

В фантастических, сверхъестественных существах — добрых, благожелательно настроенных к людям или злых, враждебных им, будто бы управляющих окружающей природой, ее отдельными объектами (леших, водяных, русалках, берегинях, полевицах) — запечатлено поклонение силам природы в разнообразных олицетворениях ее стихий. Это «*низшая мифология*», противопоставляемая «*высшей*» — культу Перуна, Дажьбога и т. п.

Почитали славяне и *животных*. Отголоски древнего культа животных обнаруживаются в масленичных инсценировках ряженных, одетых в зооморфные (звероподобные или звериные) маски медведя, козы, журавля, курицы, лошади и т. п.

В качестве остаточных элементов веры в сверхъестественные свойства отдельных животных выступают поверья о животных-оборотнях.

Мифология пронизывает и весь аграрный календарь древних славян. Об этом свидетельствуют не только, скажем, обряды «вызывания» дождя или «заговаривания» засухи, но и все стороны трудовой и бытовой жизни населения Древней Руси. Систематически наблюдая за состоянием природы, крестьянин-славянин накапливал запас знаний, представлений об окружающем мире. В частности, он установил, что в годовом круговороте природы существуют естественные периоды, определяющие чередования трудовых процессов. Эти реалистические наблюдения переплетались со стремлением воздействовать на природу «сверхъестественными» путями. И не удивительно, что календарные праздники с их традиционными увеселениями, игрищами, развлечениями

¹¹ Фетишизм (от франц. *fetich* — идол, талисман) — культ неодушевленных предметов (фетишей), наделенных, по представлениям верующих, сверхъестественными свойствами. Вера в обереги, амулеты, талисманы.

¹² Палеолит — древний каменный век. Продолжался с возникновения человека (св. 2 млн. лет назад) до 10 тыс. до н. э.

включали многообразные религиозно-магические обряды, ритуалы, гадания, в которых отразились мечты о высоком плодородии, благополучии, здоровье.

Русский аграрный календарь складывался из нескольких циклов. Новый год начинали святки, приходившиеся на время зимнего солнцестояния. С принятием христианства они были приурочены к рождественско-крещенским церковным праздникам: Масленица символизировала проводы зимы и встречу весны. Богатая и живучая весенняя обрядность, определявшая, по мнению древних земледельцев, перспективы лета и осени, впоследствии отчасти слилась с пасхальной христианской обрядностью. Летний цикл праздников, соотнесенный позднее с христианскими праздниками Троицей и днем Иоанна Крестителя, приходился на период расцвета природы. Осенние зажиночные и дожиночные обряды были посвящены окончанию полевых работ, сбору урожая.

Семейно-родовой культ предков отчетливо проявлялся в представлениях об умерших и в похоронно-поминальных обрядах. Последние характеризуются двойственностью представлений об умершем: древнейшее воззрение на умершего как на «живого» мертвеца переплеталось в них с более поздними представлениями – верой в загробную жизнь души покойника.

Древнеславянский летописный свод «Повесть временных лет» донес до нас сведения о славянском культе антропоморфных (человекообразных) божеств, а также имена богов языческого пантеона,¹³ относящегося ко времени принятия христианства на Руси, – пантеона князя Владимира.

Верховные боги так называемой высшей славянской мифологии олицетворяли главные природные стихии и выступали в качестве покровителей хозяйства, как боги-родоначальники: сначала это бог грозы и молнии, а позже оружия и присяги Перун; солнечные божества Дажьбог, Хорс; старый бог и бог ветров Стрибог; божество женского начала природы, плодородия и женских работ Мокошь; бог-родоначальник Род; бог загробного мира, поэзии, скотоводства и богатства Велес и другие.

«Высшая мифология» славян также имела глубокие корни в народных верованиях. Бог Перун олицетворял собой *грозные* природные стихии – грозу, молнию, дождь, от которых, по представлению древнего земледельца, зависела судьба урожая. Черты Перуна впоследствии были полностью перенесены на христианского святого Илью Пророка.

Солярный (солнечный) культ славян свидетельствует о том, что *солнечные божества* всегда олицетворяли собой солнце как оплодотворителя земли и человеческого плодородия. В летописях они выступали под именами Дажьбог, Сварог, Хорс, а в описаниях обрядов восточных славян – Ярила, Купала. Солярный культ и был народным земледельческим культом. Ряд христианских святых («защитник» земледельцев Никола, «ведающие» скотоводством святые Власий, Георгий, Флор и Лавр) заменили сходных по значению древних покровителей крестьянского хозяйства. Имена многих предшественников православных святых впоследствии забылись или вообще остались неразгаданными, но традиции политеизма (многобожия), свойственного славянскому язычеству, унаследовало русское православие помимо всего прочего еще и благодаря тому, что освоило множественный культ дохристианских божеств-покровителей. Они продолжали жить под внешним обликом и христианскими облачениями многочисленных святых православной церкви.

Кто же такие *славяне*, откуда они пришли? Сегодня многие ученые полагают, что

¹³ Пантеон (греч.) – место, посвященное всем богам.

термин «славяне» не происходит ни от «слова», ни от «славы», а скорее напоминает топографическое (от названия местности происходящее) название, аналогичное названиям «римляне», «краковяне», «киевляне», и указывает на связь с местом обитания.

Прежде славянские языки были распространены на гораздо большей, чем теперь, территории Европы. Странствующие купцы в XVI в. утверждали, что в Любеке на Балтике и в Греции говорят по-славянски. Об этом свидетельствуют и многочисленные географические названия на территории, заселенной в настоящее время немцами, венграми, датчанами и другими народами. Берлин – древнеславянское название рыбацкого селения, которое было расположено на землях славян, живших за Одером. Один из районов Берлина носил название «Нова Весь» («Новое село». – польск.), и только Гитлер переименовал его. Хемниц – это Каменица, Лейпциг – Липск, Дрезден – Дрезно. В XVIII в. по-славянски говорили на левом берегу Лабы (Эльбы), к юго-востоку от Гамбурга. Название Будапешта образовано от славянских слов «Буда» (славянское «будына» – строение) и «Пешт» (по-старославянски «пец» – пещера на скалистом берегу Дуная). Славянские названия сохранились в Дании на островах Лолланд и Фальстер. В Греции, на Пелопоннесе, около 11 % географических названий славянского происхождения: реки Велика, Сандава, Белица, Каменица, Быстрица. В разных вариантах появляется слово «озеро»: езеро, незеро, незеристра; горы – Малево, Габрово, Гребнево и т. п.

О прародине славян существует множество гипотез. Одни утверждают, что такой прародиной была Восточная Европа, другие помимо Восточной Европы включают сюда и территорию до Урала и Казахстана, третьи считают ею Парфию или Предгорья Гималаев, четвертые – территорию от Каспийского и Черного морей до Паннонии (Венгрии).

Древняя славянка

По мнению ученых, до эпохи неолита¹⁴ на огромной территории от нынешней Европы до Индии существовало индоевропейское языковое единство, но уже в неолите произошло его разделение в результате переселений: тогда, например, выделились германцы, которые ушли на северо-запад Европы. В начале бронзового века (2000–1500 гг. до н.э.) от индоевропейской общности¹⁵ отделились балто-славяне. Эта балто-славянская общность распространилась на обширной территории от Карпатских гор на юге до Балтийского моря на севере и от Днепра на востоке до Вислы на западе. Она просуществовала около 1000 лет.

Дальше формирование славянского этноса шло в контакте с четырьмя индоевропейскими этносами – иранцами, кельтами, германцами и италиками. Некоторые ученые считают, что наиболее значительное воздействие на славян оказали кельты (с запада), иранцы (с юго-востока), иллирийцы (с юга). Сравнительное языкознание прослеживает влияние германцев, но более всего иранцев и кельтов.

Автор первоначальной русской летописи «Повести временных лет» (ПВЛ) Нестор прародиной славян считал Дунай, и эта версия просуществовала до XX в.,

¹⁴ Неолит – новый каменный век.

¹⁵ Общность (здесь) – объединение этносов (племен) по языковому принципу.

поддержанная русскими историками М. П. Погодиным,¹⁶ С. М. Соловьевым,¹⁷ В. О. Ключевским¹⁸ и другими. «По мнозех же временах сели суть словене по Дунаеви, где есть ныне Угорьская земля и Болгарская. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася именъ своими», — рассказывал летописец.

Н. М. Карамзин¹⁹ в труде «История государства Российского» писал о славянах и других народах, составивших государство Российское, и, пересказав значительную часть «Повести временных лет», доказывал, что «славяне издревле обитали в странах Дунайских». Вместе с тем историк вспоминал слова Нестора о том, как св. апостол Андрей, проповедуя в Скифии имя Спасителя, дошел до озера Ильмень и там нашел славян, известных до Рождества Христова под именем венедов, а также гетов, покоренных Траяном.²⁰ Упомянул Н. М. Карамзин и о каком-то древнем предании славянских народов, согласно которому праотцы их имели дело с Александром Великим,²¹ но оставил без ответа вопрос о том, «откуда и когда славяне пришли в Россию».

Память о Подунавье долго жила на Руси. Один из первых летописцев, рассказывая о расселении славян, в качестве их прародины указывал Норик.²² Позднее эта земля называлась Ругией, Русью, Рутенией, и на ней, судя по многим источникам, жило племя полян, а летописец отождествил «полян» и «русь», т. е. признал название «русь» вторым названием племени полян.

Современные ученые разошлись во мнениях. Скажем в самых общих чертах: В. В. Седов также считает полян русью, Б. А. Рыбаков производит русь от речки Рось, О. Н. Трубачев — от индо-арийцев Причерноморья.

Вообще отделить славянские племена от «руси» практически очень трудно. До сих пор сделать это никому не удалось, но было предложено несколько гипотез. Загадочно, например, отношение полян к своему названию «русь»: с одной стороны, киевский летописец, сам полянин по происхождению, называл полян «русью» («поляне яже ныне зовомая русь») (ПВЛ. — 1. — С. 25–26), с другой — воспринимал это понятие как чужое и ошибочно относил его происхождение к варягам.²³ «от тех

¹⁶ *Погодин Михаил Петрович* (1800–1875) — русский историк, писатель, академик Петербургской Академии наук, автор многотомных трудов по истории Древней Руси.

¹⁷ *Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879) — русский историк, академик Петербургской Академии наук, автор многотомного труда «История России с древнейших времен».

¹⁸ *Ключевский Василий Осипович* (1841–1911) — русский историк, автор «Курса русской истории».

¹⁹ *Николай Михайлович Карамзин* (1766–1826) — русский писатель, историк, автор 12-томного труда «История государства Российского».

²⁰ *Траян* (53–117) — римский император. В результате войн Траяна Римская империя достигла максимальных границ.

²¹ *Александр Великий (Александр Македонский)* (356–323 до н. э.) — царь Македонии, создатель крупнейшей мировой монархии древности, известен своими походами.

²² Норик — с конца I в. до н. э. римская провинция между верхним течением Дравы и Дунаем. Неоднократно завоевывалась германскими и славянскими племенами. В 408 г. была завоевана королем вестготов Аларихом, в конце V в. — остготами.

²³ Варяги — наемные дружинники русских князей в IX–XI вв.

варяг прозвася русская земля» (там же. — С. 20).

Вопрос, от какой «руси» «прозвася русская земля», до сих пор вызывает много споров. С ним, в частности, тесно соприкасается «норманнская теория».²⁴ Ее приверженцы считают, что название «русь» принесли скандинавы-варяги. Они же якобы были и основателями русской государственности. По мнению оппонентов норманизма, например современного историка А. Кузьмина, племя «русь» славянское, но жило в среде так называемых варягов-россов. В этом племени был свой княжеский род, от одного из представителей которого — от князя Гостомысла — и происходит Рюрик с братьями, призванные княжить на Руси.

Но как появилось племя «русь» на севере, если оно не скандинавское? Интересное рассуждение на эту тему находим у одного из первых русских историографов И. Елагина:²⁵ «Все древнейшие летописи наши предлагают происхождение русского народа от плодovitого скифского корня... В самые древнейшие времена жил между Хвалынским (Каспийским) и Черным морями, за хребтом Кавказских гор, на пространных степях, кочующий народ, россами называющийся. Россы придерживались реки, которую греки Оракс называли, а еще Рос, Рас, Аракс и Арас. Задолго еще до рождения Христа Спасителя /этот народ/, оставя прежнее жилище, пришел к морю Хвалынскому и даже до реки Волги распространил кочевья свои. Сей великой реке дали россы на память оставленного ими Аракса сокращенное наименование Ра, под которым в Птолемеевом²⁶ землеописании Волгу находим... Отсюда пошли они в разные страны и, может, частью — к Западу, частью — к Северу. Сии последние названы Птолемеем порусами, ибо они держались Волги, тогда называемой Ра, что и учинит по Расе или Русе до ея вершины, по нынешнему землеописанию в Новгородском наместничестве находящейся. Первые, поселясь в юго-западной стороне, по местоположениям прозвались поляне, лютичи, радимичи, древляне, дреговичи, а последние под именем поруссов глубокого достигли севера и не прежде стали называться славяноруссами, как по пришествию к озеру Ильменю и по созданию двух великих городов — Славянска и Русы».

Решить спорные вопросы помогут только новые факты и основанные на них выводы специалистов различных отраслей науки — археологов, лингвистов, этнографов, историков культуры.

Сегодня наиболее аргументированной представляется точка зрения тех археологов и лингвистов, которые относят разделение славянства на три зоны — западную, восточную и южную — к периоду расселения славян с их прародины и ассимиляции (слияния) их с местным населением. Так, ученый-языковед О. Н. Трубачев считает, что первоначально Славия была не языковым монолитом, а его противоположностью. Не случайно летописец говорил, что во всех славянских странах один язык — славянский, а «словньский язык и русский — одно есть».²⁷

²⁴ Норманнская теория — направление в историографии, существующее в течение двух веков. Ее сторонники считали норманнов (варягов) основателями государства в Древней Руси. Сформулирована во второй четверти XVIII в. Г. З. Байером, Г. Ф. Миллером, А. Шлецером. Эту концепцию отвергали М. В. Ломоносов, историки XIX в. Д. И. Иловайский, С. А. Гедеонов, а также многие другие исследователи XX в.

²⁵ *Елагин Иван Перфильевич* (1725–1794) — российский государственный деятель, писатель, историк, автор исторического сочинения «Опыт повествования о России».

²⁶ *Птолемей Клавдий* (90–160) — древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира, автор «Географии», в которой дал сводку географических сведений об античном мире.

²⁷ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 28.

У О. Н. Трубачева можно найти также мысль о том, что переселение славянских племен не было хаотичным и бесцельным: они располагали информацией о том, где какие земли и где лучше жить. Дело в том, что у древних славян существовала так называемая мифологическая география,²⁸ в которой знания о природных условиях на окружающих их территориях, судя по названиям, были выражены в форме космогонических²⁹ и этногонических³⁰ мифов.

Многие этапы расселения славян запечатлены в летописях, в трудах древних ученых. Византийский историк Прокопий из Кесарии (VI в.) писал, что славяне, появившиеся на границах Византийской империи, наводили страх на ее жителей своими набегами, но таковы были тогда все войны, соответствовавшие представлениям того времени о добыче и славе, общим для всех соседей империи. Однако есть свидетельства и о мирном расселении и мирном соседстве.

Славяне приходили на Балканы и в Подунавье в основном тогда, когда от старых римских городов, храмов, терм (римских бань) и базилик (судебных и торговых зданий) оставались развалины; много славян издавна жило на Пелопоннесе, в исконно греческих землях.

Расселившись на огромной территории, славяне разделились на южную, западную и восточную ветви в силу различий социально-экономических и культурных условий их жизни. Начали складываться и соответствующие этнокультурные зоны. В чем заключалась специфика этнокультурной зоны восточных славян?

Данные археологии позволяют судить о том, что эта зона отличалась от запада и юга Славии большей самостоятельностью развития. Правда, можно говорить о некотором влиянии на восточных славян со стороны балтийских и финских племен, что в какой-то мере обусловило разнообразие форм антропологического облика разных славянских групп и их диалектов, а также культуры и быта, но оно не изменило имевший решающее значение *славянский архетип*.

Новый этап социального и этнокультурного развития славян наступает в IX–X вв., когда образуются централизованные славянские государства – Великая Моравия, Хорватия, Полянское (Польское) княжество, Болгарское и Русское государства, что было в немалой степени подготовлено закончившимся к тому времени процессом формирования этнокультурных зон, создавших историко-географические рамки государственных объединений.

IX–X вв. характеризуются развитием городской экономики и культуры. С принятием христианства восточные славяне начинают интенсивно воспринимать наследие древних цивилизаций. Христианская церковь ведет борьбу с языческим мировоззрением, однако оно оказывается довольно устойчивым и, приспособиваясь к христианству, продолжает свое существование в новых формах.

Народная память восточных славян – русских, украинцев и белоруссов – сохранила элементы архаичного языческого мировоззрения в гораздо более чистой форме, чем другие ветви славянства. Это можно проследить в народной культуре – в одежде, быту, прикладном искусстве, в мифологии.

²⁸ «Мифологическая география» – термин, введенный в науку двумя известными современными мифологами В. Н. Топоровым и В. В. Ивановым.

²⁹ Космогонические мифы повествуют о Вселенной, структуре мира и о его происхождении.

³⁰ Этногонические мифы повествуют о том или ином конкретном этносе.

1. ОБЩИЕ ИСТОКИ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ФОН

Славянские народы жили не изолированно, а в постоянных контактах с другими народами. Многосторонние связи отражались на образе жизни славян, их культуре, а культура славян, в свою очередь, оказывала влияние на соседей. Вот почему говорить о славянской мифологии можно лишь в сопоставлении ее с мифологией других стран и народов, окружавших славян или вступавших в контакт с ними, и прежде всего индоевропейских народов. Но при этом важно учитывать и то, что славянские племена в прошлом много и часто перемещались, смешивались с другими народами, расселялись на новые места, расходясь на большие расстояния. Тем не менее славянская мифология, как и мифология любого другого народа, не может быть безнациональной, поскольку она развивалась в конкретной исторической, духовной и даже климатической среде.

Змееногая богиня скифов. Золотой конский налобник

Русский, украинский и белорусский языки происходят от одного источника — языка Древней Руси, *древнерусского*, который, в свою очередь, родствен польскому, чешскому, болгарскому, сербскому и некоторым другим языкам, так как у него с этими языками также общий источник — *праславянский* (язык древних славян), остававшийся единым языком до середины I тыс. до н. э. У праславянского общий предок с балтийскими языками (литовским, латышским, древнепрусским), латынью (и ее «потомками» — романскими языками), прагерманским (предком немецкого, английского, скандинавского и прочих), древнегреческим, армянским, иранскими, древнеиндийским и еще рядом языков. Этот общий предок языков и получил название *индоевропейского* (точнее, праиндоевропейского).

Н. К. Рерих. Гонец. Восстал род на род

Еще в XIX в. западноевропейские и русские ученые доказывали родство древнего книжного языка Индии с первобытными европейскими языками. Появились исследования о сходстве санскрита³¹ с русским языком. Как выяснилось, санскрит был создан пришедшими в Индию с Запада племенами, которые называли себя ариями.

Н. К. Рерих,³² исследуя связи между Россией и Индией, отмечал их культурную общность, которая проявлялась и в древних корнях их языков, и в изначальных поверьях, и в неожиданных параллелях психического склада. Он предположил, что в далеком прошлом существовал некий общий гипотетический источник, из которого сформировалась древняя основа культур обеих стран. Н. К. Рерих не мог конкретно определить, что это за источник, но был уверен, что культура, питавшая его, обладала высокой духовностью. В 1944 г. он записал: «Если поискать да прислушаться непринужденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы.

³¹ Санскрит (букв.: «обработанный») — литературно обработанная разновидность древнеиндийского языка индоевропейской языковой семьи.

³² *Рерих Николай Константинович* (1874–1947) — русский художник, писатель, деятель культуры, философ. С 1920 г. жил в Индии.

Нужно неотложно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о мифологии думаем, но о чем-то глубочайшем и многозначительном».

В последнее время данные, полученные учеными в области истории, филологии, этнографии,³³ палеографии³⁴ и других наук, значительно расширились. Это способствовало изменению некоторых прежних представлений о славянах, в том числе о славянской мифологии, ее корнях и истоках, уходящих в *праарийские* древности Европы и Азии.

Древнейшим источником по истории и мировоззрению ариев является одна из священных книг индуизма³⁵ «Ригведа». Другие сборники, содержащие религиозные представления индусов, назывались «Яджурведа», «Самаведа», «Атхарваведа». «Ригведа» — наиболее древний и важный среди них. Она написана на санскрите, на котором «веда» означала «знание». Слова с этим корнем в русском языке чрезвычайно распространены («ведать», «ведение», «весть», «известие», «вещий») и имеют то же значение.

«Ригведа» представляет собой собрание 1028 гимнов в 10 книгах. Происхождение сборника и его дальнейшая история отразились в предании, согласно которому большая часть книг принадлежит жреческим родам, ведущим свое начало от семи мифических мудрецов. Эти песни передавались изустно из поколения в поколение, а впоследствии были объединены в один сборник.

Гимны «Ригведы» — это песнопения в честь богов, сопровождавшие обряды выжимания священного напитка сомы,³⁶ погребения, сожжения. Встречаются в «Ригведе» и песни светского характера. Язык «Ригведы» ученые называют *ведическим (ведийским) санскритом*.

Гимны «Ригведы» вводят читателя в мир ведийской³⁷ мифологии. Во главе стоит бог Варуна, рядом с ним шесть его братьев — светлые адити, дети Адити («адити» — «бесконечность»), из которых выделяются Митра и Бхага, остальные менее значительны. Прочие боги, населяющие природу, делятся на три группы: боги видимых световых небесных явлений (солнца, зари и т. п.); боги воздушного пространства, ветра, бури; боги, обитающие на земле. Во главе первой группы стоят два ашвина,³⁸ выводящие дневной свет. За ними следует богиня Заря (Ушас) и солнечные боги (Сурья и Вишну). Во главе второй — бог грозы Индра,

³³ Этнография — наука, изучающая бытовые и культурные особенности народов мира, проблемы происхождения (этногенез), расселения (этногеография) и культурно-исторических взаимоотношений народов.

³⁴ Палеография — вспомогательная историко-филологическая дисциплина, изучающая развитие письменности.

³⁵ Индуизм — одна из наиболее крупных по числу последователей религий мира. Сформировалась в I тыс. н. э. Является результатом развития ведической религии и брахманизма. Ее основа — учение о перевоплощении душ (карме). В качестве священных почитаются животные, реки, растения.

³⁶ Сомы — в древнеиндийской мифологии священный напиток, игравший важную роль в обрядах жертвоприношений.

³⁷ Ведийская мифология — мифология, известная главным образом по «Ведам». Характерная черта — обожествление сил природы (часто в неопределенно-очерченных образах).

³⁸ Ашвины — в индийской мифологии боги-близнецы, олицетворявшие утренние и вечерние сумерки; считались божественными врачевателями.

отождествляемый со славянским Перуном. Спутники Индры — дети Рудры (бога всеуничтожающей бури). К этой же группе принадлежит бог Парджанья, которого также соотносят с Перуном. В центре третьей стоит бог огня Агни, «сведенный» на землю; за ним идут второстепенные боги вроде нимф, домовых, речных божеств. Другим важным памятником для изучения корней индоевропейской, в том числе славянской, мифологии является «Зенд-Авеста», или «Авеста», которая создавалась во II — первой половине I тыс. до н. э., в эпоху индоиранской общности.³⁹

«Авеста» известна в двух вариантах: как собрание молитв из разных книг и как свод религиозных и юридических предписаний. Они назывались «Вендидат» и «Ясна». Древнейшую часть «Авесты» составляют гаты, гимны, приписываемые пророку Заратустре. Все части «Авесты» содержат много мифологических элементов.

Написана «Авеста» на языке, называемом «зенд» («зендский») и являющемся ближайшим родичем санскрита — языка «Вед», от которого он отличается лишь некоторыми фонетическими особенностями. Считается, что наиболее древние гаты написал Зороастр (греч.), или Заратустра, о котором греческие писатели писали как о мудреце, маге. Ему приписывали различные прорицания, откровения, тайные книги. Наиболее вероятной датой его жизни считают I тыс. до н. э. Восточные легенды рассказывают, что Заратустра жил в Бактрии⁴⁰ при царе Виштаспе (Гиштаспе). Еще в молодости он удалился на высокую гору, где добрый дух Ормузд открыл ему новое учение.

Согласно учению Заратустры, вся природа распадается на два царства: света и добра, мрака и зла. Добро восходит к верховному творцу Ахурамазде (Ормузду), пребывающему в царстве вечного света. Дух зла Ариман живет во мраке; он создал суровую зиму, удушливую жару, истребительный град, змей, скорпионов, все вредное и нечистое, проник в недра земли и положил начало аду. Он — виновник всего зла, отец лжи.

В «Авесте» утверждается, что всемирная история будет продолжаться 12 тыс. лет и закончится победой доброго начала: от Девы родится Спаситель Аставатерта (по другим преданиям — три пророка), который победит всех злых демонов. Добрые и злые дела человека взвешиваются, и, если перевешивают добрые, то душа его попадает в рай, злые — в ад, при равновесии — в промежуточное царство до Страшного суда.

Культ зороастризма⁴¹ выражался в богослужении, жертвоприношении, очищении и множестве обрядов.

И «Ригведа», и «Авеста» хранят память о событиях и явлениях, имевших место до того, как эти памятники оформились в определенные литературные своды, а позднее были запечатлены в письменности.

К древнейшему периоду арийской индоиранской общности восходит и сближение «Ригведы» и «Авесты» как по многим упоминаемым в них богам и веропредставлениям, так и по географическим, астрономическим и климатическим

³⁹ Индоиранская общность — особая ветвь семьи индоевропейских языков, включающая индийские (индоарийские), иранские, дардские языки.

⁴⁰ Бактрия — историческая область в Средней Азии по среднему и верхнему течению Амударьи (ныне территория Афганистана и частично Узбекистана и Туркменистана).

⁴¹ Зороастризм — религия, распространенная в древности и раннем средневековье в Средней Азии, Иране, Афганистане, Азербайджане. Священным каноном зороастризма была «Авеста».

данным. Это свидетельствует о том, что древние арии в течение долгого времени жили на общих или соседних землях, откуда и пришли потом в Иран и Южную Азию. Если мы посмотрим на карту Евразии и наложим на нее раскидистое древо славянства, то увидим, что многие корни слов в ныне существующих славянских языках в давние времена были характерны для языков народов, которые занимали территории, удаленные друг от друга на многие тысячи километров. Сегодня многие ученые приходят к выводу, что славянские имена были наиболее близки первоначальному индоевропейскому, а славянство было своеобразной кровеносной системой, питавшей многие этносы с самых отдаленных времен.

ГИПЕРБОРЕИ

Живые корни славянских имен мы встречаем у народов, казалось бы, очень далеких от славян. Древность тех народов, помноженная на мифологические предания, воспринимается как фантастическая. Одним из таких народов, который оставил глубокий след в жизни древних европейцев, были *гипербореи*.

Кто же такие гипербореи? В античной мифологии, в так называемых *мифах арктического цикла* встречается упоминание о гипербореях как о народах, живших далеко на севере, «за скифами», за высокими горами, которые греки называли Рипейскими (Рифейскими): «В этих горах обитает бог северного ветра Борей, а за его владениями живет счастливый народ – гипербореи».

Первым, кто попытался добраться до фантастического народа, был грек Аристей,⁴² живший приблизительно в VII в. до н. э. Цели своей он не достиг, но совершил большое и богатое впечатлениями путешествие. По пути интересовался жизнью и обычаями незнакомых ему народов, а все, что узнал, изложил в стихотворной поэме «Аримаспея», дошедшей до нас лишь во фрагментах и широко использованной Геродотом.⁴³ Вот знаменитое высказывание Геродота о гипербореях: «...Выше исседонов живут одноглазые мужи аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих – гипербореи, достигающие моря».

Римский писатель I в. Плиний⁴⁴ утверждал, что именно там находится «точка вращения мира»: Солнце, Луна и звезды исходят из опоясывающего землю Океана. И только Большая Медведица никогда в Океан не опускается. В стране гипербореев Солнце заходит лишь один раз в год; в ней нет ни холодных, ни жарких ветров, а земля дарит обильные плоды. Жители, обитающие в лесах и рощах, питаются плодами деревьев и не употребляют мяса. От зимних стуж они скрываются в пещерах.

Древние греки словно и впрямь побывали у гипербореев: они вполне правдоподобно рассказывают о том, что попасть в блаженную страну весьма непросто; о том, что «никто ни вплавь, ни впешь, никто не вымерил дивного пути к сходу гипербореев, только Персей⁴⁵ с помощью Афины проник сюда и совершил

⁴² *Аристей* (букв.: «наилучший») – в греческой мифологии сын Аполлона и нимфы Кирены, основатель городов и изобретатель ремесел.

⁴³ *Геродот* (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

⁴⁴ *Плиний Старший* (24–79) – римский писатель, ученый, написавший труд «Естественная история» в 37 книгах.

⁴⁵ *Персей* – в греческой мифологии сын Данаи и Зевса, победитель Медузы Горгоны, спаситель

подвиг, убив Медузу Горгону,⁴⁶ от одного взгляда на которую человек превращался в камень. Побывал у гипербореев и Геракл».⁴⁷

Считается, что гиперборейцы оставили заметный след в жизни древних греков. На их земле будто бы родилась одна из Титанид⁴⁸ – богиня Лето (Латона), которая, по прибытии на остров Делос, родила близнецов – Аполлона⁴⁹ и Артемиду.⁵⁰ В книге «Язычество древних славян» Б. А. Рыбаков отмечает: «Первое, на что следует обратить внимание при ознакомлении с мифами, это прочная связь всего цикла Лето-Артемидо-Аполлоновских мифов с севером, с гиперборейцами, жившими где-то на север от Греции».

Судя по свидетельствам древних греков, северяне не забывали своего кумира Аполлона, ежегодно отправляя на Делос, к его алтарю священные дары, завернутые в пшеничную солому. Б. А. Рыбаков проследил путь этих даров и установил места, откуда они отправлялись. *Гиперборейцами оказались праславяне и частично жившие по соседству с ними предки балтов.* Проводя параллель между богинями Лето и Артемидой и славянскими богинями Ладой и Лелей, Б. А. Рыбаков утверждает: «Связь Лето-Лато с Ладой не подлежит сомнению. Древний вариант культа пришел на юг. Архаичность же этого культа уводит нас на многие тысячелетия в глубь веков».

Согласно легендам классической Греции, главное святилище Аполлона располагалось в храме города Дельфы. Над входом в храм был начертан знак Овна.⁵¹ Мифические странствия Аполлона были связаны с Зодиакальным циклом. Для древних Аполлон значил многое: он – главное созвездие Зодиака (сначала Телец,⁵² потом Овен) – был сыном Зодиака и Неба, братом Полярной звезды, считавшейся осью мироздания.

Итак, гиперборейцы – северяне. Если верить античным ученым, в Скифии бытовало представление, будто земля «повышается» к Северу. Сходное мнение было отражено в древнеиндийском эпосе «Махабхарата»,⁵³ где говорится о

Андромеды.

⁴⁶ *Медуза Горгона* – в греческой мифологии чудовищное порождение морских божеств, внучка земли Геи и моря Понта.

⁴⁷ *Геракл* – в греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены; совершил 12 бессмертных подвигов.

⁴⁸ Титаниды – в греческой мифологии архаические богини, олицетворявшие стихии природы.

⁴⁹ *Аполлон* – в греческой мифологии сын Зевса и Лето, брат Артемиды, олимпийский бог, включивший в свой классический образ догреческие и малоазийские данные. Этимология имени Аполлона свидетельствует о не индоевропейском происхождении образа.

⁵⁰ *Артемиды* – в греческой мифологии богиня охоты, дочь Зевса и Лето, сестра Аполлона.

⁵¹ *Овен* – знак Зодиака (21 марта – 20 апреля). Зодиак – 12 созвездий (по числу месяцев в году), через которые проходит Солнце в своем годовом движении по эклиптике (большому кругу небесной сферы).

⁵² *Телец* – знак Зодиака (21 апреля – 21 мая).

⁵³ «Махабхарата» – эпос народов Индии. Современный вид приобрел к середине I тыс. Состоит из 18 книг народных эпических сказаний.

«неизмеримо высокой, невиданной нигде в мирах горе Меру», протянувшейся по всей северной окраине мира. «Находится на ней обитель всемогущих богов, а кроме них живут ассуры, кинары, гандхарвы, змеи небесные. Прямо над горой в центре мироздания Брахма⁵⁴ укрепил неподвижную Полярную звезду. Сутки здесь делятся год: полгода — день, полгода — ночь». Обо всем этом в «Махабхарате» рассказывает божественная птица Гаруда.⁵⁵

Странный рассказ. Откуда в южной части Азии могли знать о полярном дне и ночи, о Полярной звезде, которая неподвижна только над Северным полюсом?

В письменных источниках Ирана, в древнейших частях «Авесты», авторство которых, как уже отмечалось, приписывают Заратустре (Зороастру), встречаются упоминания о священных горах Хара Березайти (Высокая Хара), на которых совершали жертвы самые великие мифические герои. Вершины Хары Березайти, подобно сияющим пикам Меру и Рипейских гор, покрыты золотом. Зороастрийские источники сообщают об озерах, реках и потоках, текущих в золотых руслах на Высокой Харе. С Хары, как и с Меру, берут начало земные реки... Таков общий мотив мифологии индийцев, иранцев и скифов: все великие земные реки текут со священных северных гор.

Но где же расположены такие горы, протянувшиеся с запада на восток? К северу от Черного и Каспийского морей нет ни одного такого горного хребта. Ответом на загадки древних мифов стало крупное географическое открытие XX в.: в 1948 г. во время воздушной экспедиции «Север» на дне Северного Ледовитого океана был обнаружен огромный хребет, названный именем М. В. Ломоносова. Дальнейшие исследования показали, что эти горы простираются от Новосибирских островов к острову Элсмир, проходят через центр океана рядом с полюсом. Длина системы около 1800 км, ширина от 60 до 200 м, высота 3,3–3,7 км, минимальная глубина под хребтом 954 м. Вот он — адрес, указанный древними: *высокие горы прямо под Полярной звездой, тянущиеся с запада на восток.*

Исследования, проводимые в Арктическом бассейне, все больше наводят ученых на мысль, что в недалеком геологическом прошлом в Ледовитом океане существовала земля *Арктида*. В пользу существования Арктиды и надводного положения хребта Ломоносова свидетельствуют биологические данные (исследования растительного и животного мира), а также маршруты птиц: некоторые из них летят, пересекая Центральную Африку в ее приэкваториальной полосе. Ученые видят в этом не стертую временем привычку к старым, освоенным в древности путям перелета. Исследования Северо-Атлантического хребта имени М. В. Ломоносова гидробиологами дает основание считать, что он мог окончательно погрузиться в воду лишь 2,5 тыс. лет назад, а до того времени там, вероятно, жили люди.

В мифах индийцев и иранцев говорится, что *в стране за высокими горами, простирающимися с запада на восток, прямо под Полярной звездой, живут здоровые, счастливые люди. Климат там умеренный, а страна изобилует плодами.* Но какие же плоды могут вырасти под Полярной звездой?

Из школьного курса географии известно, что за время существования человечества климат нашей планеты неоднократно менялся. Последнее потепление произошло 8,5–2,5 тыс. лет назад, а самый теплый климат («голоценовый оптимум») пришелся

⁵⁴ *Брахма* — в древнеиндийской мифологии высшее божество, творец мира.

⁵⁵ *Гаруда* — в древнеиндийской мифологии царь птиц, ездовое животное, отождествляемое с конем или птицей бога солнца.

на период с IV по II тыс. до н. э., и это было время, вполне подходящее для жизни в Арктике. Поэтому не случайно, наверное, именно с IV тыс. до н. э. многие ученые прослеживают путь индоевропейцев из Северо-Восточной Европы на юг.

Смутные представления о северной прародине сохранились у многих народов. «Страна блаженных» в Северном Ледовитом океане упоминается в Скандинавских сагах.⁵⁶ Финны, например, называют ее «Сарайас» – северный дом, а древние индусы – «Джарайас». Скифы полагали, что за мертвыми землями Севера лежит земля, которая рождает обильные плоды, а в ее рощах обитает священный счастливый народ. Но где жили сами скифы?

Нынешние историки «размещают» скифов преимущественно в северо-причерноморских степях, а ведь древние авторы, в том числе Геродот, говорили, что скифы живут далеко на севере. Это показывают и древние карты, среди них и карта Меркатора,⁵⁷ на которой в районе устья реки Обь находим надпись «Золотая баба». Ее ищут уже многие столетия. Почему эта надпись именно здесь, на далеком северном полуострове Ямал? Имеются сведения о том, что «Золотую бабу» в те края доставили примерно 5 тыс. лет назад из Индии, – может быть, затем, чтобы поставить памятник вблизи покинутой некогда прародины?!

Голова грифона. Бронзовое навершие колесницы. 3 тыс. до н. э.

Есть и прямые свидетельства существования человека на крайних северных островах в древние времена. Например, на Шпицбергене найден рисунок кита на камне, поблизости была раскопана стоянка, возраст которой определен в 4 тыс. лет. Совсем недавно на Канадском арктическом архипелаге нашли еще одну стоянку (возраст 4–5 тыс. лет). Все это означает, что в период климатического «голоценового оптимума» человек жил в тех местах, занимался искусством. И это был не единственный период потепления на Севере.

Климат Арктики существенно зависит от притока теплых вод с Атлантики. Как же он регулировался в те незапамятные времена? По мнению ученых, 10–12 тыс. лет назад ныне подводный Северо-Атлантический хребет не позволял современному Гольфстриму⁵⁸ течь к берегам Европы. Теплые воды Атлантики мощным потоком достигали Северного полюса, согревая Арктику и ее жителей. Так современные научные поиски подтверждают рассказы древних. Да, видимо, гипербореи могли жить и, скорее всего, жили в условиях мягкого умеренного климата именно на крайнем Севере, у хребта имени М. В. Ломоносова, в районе Северного полюса.

Память о горах живет не только в гимнах «Вед», гатах «Авесты» и сказаниях древних историков. Она сохранилась и в названиях сел и деревень русского Севера. Вслушайтесь в них: Харачевка, Харино, Харловка, Харинская; родственны и слова «хребет» и «Хара». Жители Харовского района, где протянулась Харовская гряда, называют песок странным на первый взгляд словом «хара», но на языке древних

⁵⁶ Скандинавские саги – произведения германо-скандинавского героического эпоса, героические сказания.

⁵⁷ *Меркатор* (1512–1594) – фламандский картограф. Составил сборник карт и описаний европейских стран «Атлас».

⁵⁸ Гольфстрим – система теплых течений в северной части Атлантического океана, простирающаяся на 10 тыс. км от берегов полуострова Флорида до островов Шпицберген и Новая Земля.

индусов санскрите оно означает «желтый», «золотистый», «солнечный». Сравните также названия: Мандара, Мандарово, Мундорка, Мундора и «Мандара» в индийских «Ведах»; Рипино, Рипинка и Рипейские горы древних греков... Чрезвычайно похожи узоры и сюжеты вышивок жителей Архангельской и Вологодской губерний и индусов. Так соединились мифы с исторической памятью народа.

ТРИПОЛЬЦЫ

Сравнительно недавно на территории Юго-Восточной Европы, от Прикарпатья до Днестра, археологи нашли следы так называемой Трипольской культуры, которая существовала на рубеже IV–V тыс. до н. э. Для нее характерны поселения, жилища в которых располагались в виде концентрических колец. Одно такое поселение было раскопано у села Майдонецкого. Это настоящий большой город со всеми атрибутами человеческой жизни. Трипольская культура имела свое начало, развивалась, достигла расцвета, а потом угасла. Ей на смену пришли другие культуры, частично впитавшие в себя ее элементы, частично привнесшие свое, новое. Это время считается зарей человеческих цивилизаций.

Бронзовый котел. Причерноморье 3 тыс. до н. э.

Ровесники Триполья — древнейшие города Месопотамии и Египта, Средней Азии и Ближнего Востока. Но если эти города были невелики по площади и занимали примерно 1 кв. км, как, например, древняя Троя, описанная в «Илиаде» Гомера,⁵⁹ или богатейший древнегреческий город Ольвия,⁶⁰ считавшийся одним из самых больших в Северном Причерноморье, то поселения Трипольской культуры у нынешнего села Майдонецкого можно считать огромными — до 3 кв. км. В центре поселения была площадь.

Интересно, что схема трипольского города стала классической: концентрические круги, пересеченные радиальными улицами к центру. За 5 тыс. лет люди не придумали ничего более разумного и экономичного для планировки городов, всякий раз признавая эту схему самой оптимальной. Хотите убедиться в этом? Взгляните на древний план Москвы!

Трехглавый дракон. Фрагмент псалия. Северное Причерноморье

Другим, не менее важным признаком Трипольской культуры была расписная керамика — ярчайшая, многоцветная и одноцветная, красная, белая, черная, зеленая, розовая, самых разнообразных форм и размеров, удивительно изящная, иногда даже вычурная, изощренная. Прелесть этой керамики не только в узорах — спиральных, кругах, треугольниках, но и в рисунках, на которых изображены люди, звери, деревья, различные сцены из мифов.

⁵⁹ Гомер — легендарный древнегреческий эпический поэт, которому со времен античной традиции приписывается авторство «Илиады» и «Одиссеи».

⁶⁰ Ольвия (Борисфен) — античный город (VI в. до н. э. — IV в. н. э.) на берегу Днепровско-Бугского лимана. Остатки города найдены у села Парутино, к югу от г. Николаева.

Змей. Крышка сосуда. Триполье. 3 тыс. до н. э.

Мифология, пожалуй, особенно интересная часть культуры трипольцев. У них были широко развиты культы плодородия, культ быка — главного «помощника» всех раннеземледельческих народов, астральные культы⁶¹ и многие другие. Очень распространен был культ змея, который олицетворял пробуждение в природе, весну. На глиняных женских статуэтках он часто изображался как существо, охранявшее женщину и оплодотворявшее ее. Без змея нет почти ни одного керамического сосуда трипольцев. Правда, не всегда он — добрый защитник очага. Уже в те далекие времена люди отразили в образе змея некую двойственность. В представлениях трипольцев жил и какой-то злой змей — дракон, который ассоциировался у них с ужом. Таким он изображался, как правило, на крышках сосудов изнутри и снаружи, со свирепым видом — круглыми глазами, большими рогами, крыльями-когтями. Двойной спиралью он обвивает сосуды, словно отпугивая или угрожая кому-то.

Спираль была для трипольцев особым символом — символом того, чему они поклонялись или чего боялись. Возможно, она символизировала что-то непостижимое, но вечное: смену ли времен года, дня и ночи, таинства жизни и смерти, вращение звездного неба или круговое движение солнца — то, что постичь им не было дано, но что они видели собственными глазами. Спираль была для них знаком виденного, а может быть, и его смыслом.

Большое значение для исследования мифологии трипольских племен имеют раскопки могильников. В древности их могилы, находящиеся теперь глубоко под землей, отмечались либо одним камнем известняка, положенным под голову погребенного, либо закладкой (т. е. кольцами) камней диаметром от 2 до 4 м. Трипольцы верили, что после смерти соплеменник будет вести существование, сходное с земным, поэтому его снабжали орудиями, которыми умерший пользовался при жизни, и каким-то запасом пищи. Кромлехи⁶² свидетельствуют о большой роли культа солнца в жизни трипольцев.

ТРОЯНЕ

В начале II тыс. до н. э. на Балканском полуострове появились племена *греков-ахейцев*.⁶³ В числе прочих их завоеваний был остров Крит — главный центр древнейшей догреческой культуры юго-восточного Средиземноморья. Ахейцы впитали многое из высокой и утонченной критской (ученые называют ее крито-микенской) культуры, которая после покорения ими Крита стала общим достоянием греков и римлян.

Внимание ахейцев постоянно привлекали земли Трояды на северо-западе Малой Азии, славившиеся выгодным географическим положением и плодородием. К

⁶¹ Астральные культы — поклонение звездам (от лат. *astra* — звезда).

⁶² Кромлехи — культовое сооружение эпохи неолита и бронзового века в виде круговых оград из огромных камней.

⁶³ Ахейцы — одно из основных древнегреческих племен, обитавшее в Фессалии (полуостров на юге Греции). Участвовали в Троянской войне. Государства ахейцев — Микены, Пилос. В XII в. до н. э. вытеснены дорийцами в Малую Азию, на Кипр и другие острова.

главному городу Трояды Илиону (Трое)⁶⁴ не раз снаряжались походы. Один из них, особенно продолжительный, с множеством кораблей и воинов, остался в памяти греков как Троянская война. Древние относили ее к 1184 г. до н. э. Троянская война оказалась кануном упадка ахейцев. Вскоре на Балканах появились новые греческие племена *дорийцы*. Они прошли весь полуостров, вытесняя и подчиняя ахейцев, разрушая их культуру. В памяти первых греческих племен постепенно стиралось, забывалось прошлое, цепь событий разрывалась, отдельные звенья обращались в предания, мифы. Слагался греческий эпос — повествование о славном минувшем, о важнейших событиях, явившихся поворотными пунктами в истории народа. Одним из таких событий и был поход на Трою, сказания о котором составили сюжетную основу греческого эпоса. Его исполнителем, певцом (греч.: «аэдом») считают Гомера.

Среди других племен, участвовавших в Троянской войне, были и *дарданы*. Некоторые ученые XIX в. считали их татранами, о которых говорится в «Слове о полку Игореве». Татраны упоминаются в числе союзников князя Ярослава, которые без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждали, звеня прадедовской славой. Под «прадедовской славой» автор «Слова о полку Игореве» имел в виду *ольберов и шельбиров* — древнейшие племена, известные со времен Фракии⁶⁵ и Трои. Дардан в греческой мифологии — сын Зевса и Плеяды Электры.⁶⁶ Через Энея⁶⁷ Дардан оказался предком римлян: существовал вариант мифа, согласно которому Дардан происходил из этрусского города Кортонны и оттуда переселился во Фригию.⁶⁸ Дарданы, они же «дандарии» («камышовые арии»), — племена, аналогичные синдам,⁶⁹ которые, как свидетельствуют современные исследования, жили по берегам Днепра. Так соединяются известия о родственниках племенах *дарданов* и *синдов*.

Деталь отделки головных уборов древних славян

У русского историка XVIII в. В. Н. Татищева⁷⁰ читаем: «Славяне жили в Сирии и

⁶⁴ Троя (Илион) — древний город на северо-западе Малой Азии. Известная по греческому эпосу, Троя была обнаружена в 70-х годах XIX в. при раскопках Г. Шлиманом холма Гиссарлык. Раскопки, проводившиеся с конца XIX в., открыли разные слои Трои, начиная с III тыс. до н. э.

⁶⁵ Фракия — историческая область на востоке Балканского полуострова между Эгейским, Черным и Мраморным морями. Ныне область в составе Турции, Греции и Болгарии.

⁶⁶ *Электра* — в греческой мифологии одна из плеяд (дочерей титана Атланта и океаниды Плейоны), родившаяся от брака с Зевсом Дардана — основателя царской династии в Трое.

⁶⁷ *Эней* — в греческой мифологии сын Анхиса и Афродиты. Имя Энея называется в «Илиаде» среди имен самых славных троянских героев. Эней избегает гибели в Трое и благодаря вмешательству Афродиты, Аполлона и Посейдона сохраняет царский род Дардана.

⁶⁸ Фригия — древняя страна в северо-западной части Малой Азии.

⁶⁹ Синды — местное племя на Таманском полуострове и на северо-восточном побережье Черного моря (I тыс. до н. э.) и по берегам Днепра.

⁷⁰ *Татищев Василий Никитич* (1686–1750) — русский историк, автор труда «История Российская с древнейших времен».

Финикии, перешед оттуда обитали при Черном море в Колхиде и Пафлагонии, а оттуда во время Троянской войны с именем енеты, галли, межины, по сказанию Гомера, в Европу перешли и берег Средиземного моря до Италии овладели, Венецию построили, как древние многие, особливо Стрыйковский,⁷¹ Бельский⁷² и другие сказывали...»

Историк середины XIX в. Е. И. Классен⁷³ отмечал, что «трояне сначала назывались пеласгами, после того тевкрами, затем дар-данами и, наконец, троянами, а остатки их после падения Трои — пергамлянами и кемейнами, ибо Кемь и Пергам построил Эней после падения Трои, и в них поселились трояне, избежавшие гибели в Иллионе».

Легенды Италии, Скандинавии, Франции много рассказывают о Трое. История завоевания Трои была написана греками Дитом и Дариллом (Даретом). Оба они утверждали, что трояне не знали греческого языка, как и Язон,⁷⁴ когда он пристал к их берегам. Это объясняет, что трояне не были греками. Более того, они считали греков свирепыми и жестокими за их многочисленные войны и завоевания. Трояне же знали музыку, живопись, театр.

Итак, «трояне сперва назывались пеласгами», т. е. *пеласги* и трояне — один и тот же народ. Кто же такие пеласги, откуда они?

Современные ученые,⁷⁵ дешифровавшие пеласгийские надписи, пришли к выводу, что они тождественны надписям *этрусков*, а с помощью этрусского алфавита можно читать надписи трипольцев. Как считает итальянский этрусколог К. Паули, троянцы называли себя именем «тросес», равнозначным имени «этруск». С Троей славян связывает и другое название их — «венеды», о чем после античных историков Плиния, Ливия,⁷⁶ Катона⁷⁷ писали русские ученые М. В. Ломоносов и Е. И. Классен.

В районе Трои протекала река Рса, или Раса, — под этим названием в древности была известна Волга.

Болгарский ученый В. Георгиев открыл, что на найденных недавно к югу от Карфагена колоннах этрусского святилища имеется повторенная пять раз надпись, содержащая упоминание о дарданских богах. А из «Илиады» известно, что Иллион (Трою) защищали два племени — троянцы во главе с Гектором⁷⁸ и дарданцы под

⁷¹ Стрыйковский М. — польский историк, автор труда «Хроники польской, жмудской и всей Руси».

⁷² Бельский И. — польский историк XVI в., известен трудами о славянах.

⁷³ Классен Е. И. (?—1861) — историк, автор труда «Новые материалы о древнейшей истории славян с легким очерком истории руссов до Рождества Христова» (1861).

⁷⁴ Язон (Ясон) — герой греческой мифологии, правнук бога ветров Эола, предводитель аргонавтов, плававших в Колхиду. Добыл золотое руно.

⁷⁵ Речь идет о работах современных ученых Н. З. Сулопарова и А. П. Знойко.

⁷⁶ Ливии Тит (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города» в 142 книгах (сохранилось 35 книг).

⁷⁷ Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) — римский писатель, автор трактата «О земледелии».

⁷⁸ Гектор — главный троянский герой в «Илиаде».

руководством Энея. Кроме того, многие авторы свидетельствуют, что этруски происходят из Малой Азии. И если этруски называли своих богов дарданскими, то это значит, что они хорошо помнили о своем троянско-дарданском происхождении. В 1891 г. в Германии вышло в свет несколько интересных работ Э. Крауса, который считал, что ядро троянских сказаний заимствовано греками от арийцев, принесших его с дальнего Севера в самые древние времена. На основании данных филологии, Краус сближал героев гомеровской мифологии с героями «Вед» — древнейших священных книг индусов. Действительно, Тацит упоминал о том, что Одиссей был отнесен западным ветром в Германию, где ему был посвящен алтарь. Страбон,⁷⁹ обративший внимание на упоминание в эпосе Гомера о белых ночах, полагал, что Гомер узнал об этом северном явлении от кимвров.⁸⁰ Указанное обстоятельство навело Крауса на интересную мысль: надо искать северное влияние на Троянский эпос.

В самом деле, под названием «Троя» был известен не только Иллион. Франки, прибывшие на Рейн, принялись строить недалеко от реки город Тройе. Город Сантен на нижнем Рейне назывался Троя Франкорум, Санта Троя. Согласно историку Фредегару,⁸¹ на берегу Дуная обитали троянцы-торки. По мнению Крауса, название Трои происходит от имени древнего божества Траяна, которое встречается в народных сказаниях индов, персов, германцев и славян. Вспомним нашего Траяна из «Слова о полку Игореве».

В южнославянских странах бытовала легенда о царе Траяне — обладателе огромных богатств, у которого в 70 водоемах течет золото и серебро, однако нет в его городе воды, потому что змей заполонил все источники. Но вот появляется на коне святой Георгий и спасает дочь Траяна, обреченную в жертву змею. Краус считал, что по происхождению эта легенда родственна троянским сказаниям. На такое родство указывал и русский историк прошлого века А. Н. Веселовский.⁸²

Согласно преданию, Троянская война началась из-за Елены Прекрасной — жены спартанского царя Менелая, которую похитил сын троянского царя Приама Парис и держал в Трое. Участник осады Трои, царь Итаки Одиссей отправился к Приаму с требованием выдать Елену, но получил отказ. Троя была взята хитростью после 9-дневной осады при помощи громадного деревянного коня, будто бы предназначенного богине Афине. Внутри коня были спрятаны воины. Когда троянцы втащили его в город и оставили на ночь в святилище, греки, в том числе Одиссей, вышли, открыли ворота и впустили войска. Троя была разрушена, Елена освобождена.

Миф о «рыцаре», спасающем девицу из плена демона Трои, является ядром троянского мифа.

Действительно, как и в славянских сказаниях, Елена — девица света, солнечная девица, о чем говорит и ее греческое имя. И в троянском мифе мы находим ту же борьбу света с тьмой, солнца с демонами зимы — долгой полярной ночью. Подобный миф существует в «Ведах» — миф о Тиллаке.

⁷⁹ *Страбон* (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.) — древнегреческий географ и историк. Автор сочинения «География» в 17 книгах.

⁸⁰ Кимвры — германские племена. В конце II в. до н. э. вместе с тевтонами вторглись на территорию Римской империи.

⁸¹ *Фредегер* (Fredegarius) (*Псевдо-Фредегар*) — утвердившееся в литературе имя одного или нескольких авторов анонимной Франкской Хроники (доведена до 642 г.).

⁸² *Веселовский Александр Николаевич* (1838–1906) — русский историк и теоретик литературы, фольклорист, этнограф.

У троянцев был обычай бальзамировать тела умерших. Кроме них, только египтяне и скифы имели этот обычай. Троянцы и скифы провозили набальзамированное тело царя по всем владениям. У троянцев тело Гектора было набальзамировано, и его сохраняли в сидячем положении в течение всей церемонии до празднования тризны.⁸³ Как известно, тризна — славянский обычай, упоминания о нем встречаются в славянской мифологии. Историки из Фригии и поэма «Илиада» свидетельствуют об обычае плакальщиц, распустивших волосы, сопровождать погребальные церемонии. Этот обычай существовал и в русских деревнях.

СКИФЫ

Главные сведения о скифах сегодня сообщают археологические памятники Причерноморья. Второй источник — античные писатели и ученые. Особенно много сведений о них у греческого историка и географа Геродота.

Геродот привел три легенды о появлении народа скифов. Согласно одной из них, которой, по его словам, он доверял больше всего, скифы пришли из Азии и вытеснили из Причерноморья ранее обитавший там народ; по двум другим легендам, содержащим, как утверждает современная наука, некоторые достоверные детали, скифы в Причерноморье жили извечно.

Содержание второй легенды Геродот описывал так: «По рассказам скифов, народ их моложе всех. А произошел он таким образом: первым жителем этой необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (Днепра). Такого рода был Таргитай, а было у него трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колаксай. В их царствование упали с неба предметы из золота: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы взять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото запылало. Только когда подошел младший брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. И вот от Липоксая произошли те скифы, которые носят название авхатов, от среднего брата Арпоксая — те, которых называют паралатами, общее же их название — сколоты по имени одного царя. Скифами их называли эллины».

Ученые считают, что четыре золотых предмета, упавшие с неба, имели строго определенное предназначение и соответствовали специфическим социальным функциям людей: *секира* (боевой топор) — символ варны (касты) воинов; *чаша*, из которой пили во время религиозных обрядов, — атрибут жреца; *плуг* и *ярмо*, надеваемое на быка, — символы производителей материальных благ землепашцев (соединенный символ). Символическим цветом воинов был красный — цвет огня, жрецов — белый, землепашцев — коричневый, цвет земли — черный, неба — синий. Третью легенду о происхождении скифов рассказывали Геродоту жившие в Причерноморье греки. Ее суть заключалась в следующем.

Родоначальником скифов был герой греческой мифологии Геракл, который вступил в связь с полуженщиной-полузмеей, владевшей тогда еще пустынной Скифией. От этой связи родились три сына. Согласно завещанию отца, они, возмужав, должны были подвергнуться испытанию: попытаться натянуть тетиву на отцовский лук и опоясаться его поясом с золотой чашей на пряжке так, как опоясывался сам Геракл. Только младший сын Геракла Скиф сумел выдержать испытание. Он и стал родоначальником скифских царей, старших же братьев мать изгнала из страны.

Скифские колчаны для стрел

⁸³ Тризна — часть погребального обряда; известна у древних славян до и после похорон (поминки). Сопровождалась песнями, плясками, жертвоприношениями, пирами.

Дошедшие до нас скифские легенды пересекаются с историей. В 339 г. до н. э. Филипп II, отец Александра Македонского, разбил скифского царя Атея и захватил богатую добычу, в том числе 30 тыс. чистокровных скифских кобылиц, которые по его распоряжению были отправлены в Македонию для улучшения породы греческих лошадей. Изображения скифских кобылиц встречаются на многих памятниках искусства, в том числе на большой серебряной вазе для вина из скифского царского кургана Чертомлык (IV в. до н. э.). Ваза украшена двумя поясами рельефных изображений: на одном из них – фантастические крылатые чудовища грифоны с львиными телами и орлиными головами терзают оленей, на втором – скифы, ловящие и стреноживающие пасущихся лошадей. Лошади с жеребенком представлены и на замечательной золотой пекторали⁸⁴ из кургана «Толстая могила», раскопанного на Украине в 1971 г. Лошади часто изображаются вместе с всадниками.

Лошадь скифы использовали не только в качестве средства передвижения, конина была их основной мясной пищей. Конское мясо варили в больших бронзовых котлах. Кобылиц доили, и из кобыльего молока изготавливали разные молочные продукты, в том числе «ипанну» – особый вид сыра. Еще Гомер назвал кочевников Северного Причерноморья «доителями кобылиц» и «млекоедами». Но особенно важную роль лошадь играла в военном деле. Каждый взрослый скиф был конным воином. Его основным оружием был небольшой лук со стрелами. В скифских погребениях их найдено великое множество.

Сегодня считается доказанной большая роль скифов в формировании многих народностей. Скифские племена имели сложный, полиэтнический состав.

По свидетельству Геродота, скифы не строили храмов, но у них были святилища в честь бога войны Ареса,⁸⁵ и древнегреческий историк очень красочно описал жертвоприношения этому богу. В центр огромной кучи хвороста втыкался меч, и вокруг него рекой лилась кровь врагов и жертвенных животных. Правда, в Причерноморье таких святилищ не найдено. Их открыли на юго-восточном побережье Азовского моря, называвшегося в те времена Меотийским озером (Меотидой), и на среднем течении реки Кубань, где жили племена меотов.

Согласно преданиям, земли Керченского полуострова, на котором в 480 г. до н. э. возникло Боспорское царство со столицей Пантикапей (современная Керчь), грекам уступил легендарный скифский царь Агаэрт. Скифы, в свою очередь, как поведал Геродот, были оттеснены массагетами за Дон «и прибыли в киммерийскую землю, откуда изгнали издревле обитавших там киммерийцев в Азию». Это событие историки датируют 720 г. до н. э. Современные ученые все больше сходятся во мнении, что загадочные киммерийцы⁸⁶ – древние индоевропейские племена, населявшие северное Причерноморье по крайней мере уже во II тыс. до н. э. Одни исследователи полагают, что киммерийцы были близки к ираноязычным скифам, другие – что они являлись потомками индоарийских племен, начавших отсюда в III тыс. до н. э. грандиозное расселение по Евразии.

⁸⁴ Пектораль – шейное металлическое украшение, облегающее грудь и плечи.

⁸⁵ *Арес* – в греческой мифологии бог войны, коварный и вероломный в отличие от *Афины Паллады* – богини войны честной и справедливой. Древнейший миф об Аресе свидетельствует о его фракийском происхождении.

⁸⁶ Киммерийцы – представители так называемой срубной культуры эпохи бронзы (II–I тыс. до н. э.). Жили в степных и лесостепных частях европейской части нашей страны.

В Причерноморье был широко распространен культ Геракла, однако он не был чисто греческим. В нем отразилось сильнейшее влияние скифской мифологии, в частности почитание скифского царя Таргитая, отождествленного греками с Гераклом. В культе Геракла-Таргитая собственная мифология скифов идентифицировалась с греческой легендой. Скифы признали, что их верховное божество Папай и греческий Зевс – это один и тот же бог и что от брака Папая с богиней земли Апи родился первочеловек Таргитай. В греческой мифологии скифской легенде соответствовал сюжет о Геракле (впоследствии приравненном греками к бессмертным богам), который был сыном Зевса и земной женщины Алкмены. Скифы считали, что от Таргитая и Апи родился их (скифов) прародитель Колаксай; греки же рассказывали о браке Геракла со змееной нимфой земли и рождении Скифа. В мифе о Геракле-Таргитае есть эпизод «подвигов Таргитая» в борьбе с змееногими гигантами, нападшими на Агримпасу (скифская Афродита). Именно на Тамани были найдены остатки мраморного фриза, изображавшего сцену борьбы Геракла со змееногими гигантами.

Советский лингвист В. И. Абаев⁸⁷ установил, что слово «Арпоксай» по-скифски означает «владыка глубины», а «Колаксай» – «владыка солнца». Историк Э. Грантовский⁸⁸ расшифровал имя «Липоксай» как «владыка горы». Горой в индоевропейской мифологии обычно обозначали среднюю зону мироздания – между небом и землей. Таким образом, три сына Таргитая представляли собой не только три варны (касты), но и три зоны мироздания, с которыми были связаны три группы богов индоевропейского пантеона.

У многих индоевропейских народов есть сказания, прославляющие младшего брата-воина. В частности, как выяснилось недавно, Геродот оборвал легенду на самом интересном месте, но ее продолжение восстановил Д. С. Раевский,⁸⁹ основываясь на новом толковании изображений на сосудах, предметах из золота и серебра в скифских курганах.

Обычно такие изображения считали сценами из скифского быта. Так, на сосуде из кургана Куль-Оба воспроизведены четыре сцены: в первой два скифа беседуют друг с другом; во второй скиф натягивает тетиву на лук; в третьей опять двое скифов, один из которых щупает зуб во рту другого; в последней скиф бинтует раненую ногу.

Д. С. Раевский утверждает, что скифское искусство еще не достигло стадии, когда в нем могли появиться именно бытовые изображения, а описанные сцены лишь иллюстрируют наиболее важные мифы и ритуалы. Ученый обратился ко второй из приведенных Геродотом легенд о происхождении скифов. Суть ее состоит в следующем.

Геракл во время странствий посетил страну, которая впоследствии стала называться Скифией, и вступил там в брак с полуженщиной-полузмеей. От этого брака родилось трое сыновей. Отправляясь в новые странствия, Геракл сказал жене: «Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, ...посмотри, который из них натянет этот лук и опояшется по-моему этим поясом, и тому предоставь ля жительства эту землю, а который не в состоянии будет выполнить предлагаемые мною задачи, того вышлите из страны». Далее описывается испытание трех братьев. Только младший из них по имени Скиф сумел натянуть тетиву на лук и стал царем.

⁸⁷ Абаев В. И. Скифо-индоевропейские изоглоссы. – М., 1965.

⁸⁸ Грантовский Э. А. – советский исследователь, иранист, в соавторстве с Г. М. Бонгардом-Левиным издал книгу «От Скифии до Индии» (М., 1974).

⁸⁹ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М., 1963.

По мнению Раевского, на сосуде из скифского кургана Куль-Оба можно прочесть всю эту легенду. В первой сцене скиф с повязкой на голове (знак царской власти) — скифский Геракл-Таргитай, объясняющий одному из сыновей условия задачи. Во второй воспроизведено само испытание — натягивание тетивы. Наконец, две последние сцены показывают плачевные результаты неудачных попыток старших сыновей: лук ударяет или верхним концом по левой части нижней челюсти одного из них или нижним концом по левой голени — именно такие травмы имеют герои рассматриваемых изображений.

Сцены из той же легенды Раевский обнаружил и на других сосудах, найденных в скифских курганах. На одном из них, по его мнению, можно прочесть то окончание легенды, которое недосказал Геродот. Это — сцена, которую можно истолковать как сговор двух старших братьев, намеревающихся погубить младшего. На знаменитом золотом гребне из скифского кургана «Солоха» мы видим финальную сцену легенды: два воина (конный и пеший) теснят третьего, под которым упала лошадь. Точно так же в древнеиранской легенде о трех сыновьях Феридуна (она изложена в поэме Фирдоуси «Шах-Наме») старший и средний братья из зависти убивают младшего.

Подобный сюжет есть и в русских народных сказках о трех братьях. Правда, здесь судьба младшего брата-воина всегда счастливая. Интересное объяснение этого дает историк Э. Берзин.⁹⁰ Он считает, что, например, в сказке «Сивка-Бурка, вещая каурка» стража и на могиле отца, и в саду, и в поле от волшебного вора — все это испытания при посвящении в воины. Для таких испытаний (инициации) требовались храбрость и выносливость.

Что касается лошади, то обычно в русских сказках отец дарит младшему сыну коня трехцветной окраски. Однако сохранился ряд сказок, в которых прямо говорится, что отец первоначально предназначал старшему сыну-жрецу сивого (белого) коня, среднему-землепашцу — бурого, а младшему-воину — каурого (серо-рыже-красного). Иначе говоря, каждый должен был получить коня присвоенного его варне цвета и вместе с ним — долю магической силы, завещанной отцом. Но старшие братья пренебрегли своим наследством, и все оно досталось младшему. Причем характерно, что конь, сначала предназначавшийся младшему брату, был несравненно лучше других.

Это проясняет смысл необходимости трех прыжков при брачных испытаниях. Белый конь жреца и коричневый конь труженика не в состоянии допрыгнуть до верха башни, где находится царевна, и только красный конь воина победоносно решает эту задачу. Получив трех коней, младший сын-воин сосредоточивает в своих руках как бы все наследство отца-первопредка (три коня сливаются в одного — Сивку-Бурку, вещую каурку) и получает таким образом моральное право властвовать над обществом. Младшая варна становится старшей, и устанавливается новая иерархия варн: «воин — жрец — труженик» вместо «жрец — воин — труженик». Существование именно такой системы находит подтверждение во многих мифологиях разных народов.

Сарматская повозка

⁹⁰ Берзин Э. — современный историк, исследователь миграций древних народов.

Седло. Кожа, аппликация. V–IV вв. до н. э.

В I тыс. до н. э. скифы были столь близки славянам, что древнегреческие историки и географы не различали их. Данные антропологии свидетельствуют о значительном сходстве ископаемых черепов из разных погребений скифов (прямых потомков индоиранцев в южных областях нашей страны) и, например, поднепровских славян.

Украшение уздечного набора

Скифские языки так похожи на славянские, как не похожи они ни на один другой европейский язык. Об этом можно прочитать в книге В. И. Абаева «Скифо-индоевропейские изоглоссы».

РАСЕНЫ-ЭТРУСКИ

Исследователи прошлого века, глубоко и всесторонне изучавшие античные источники, обращали внимание на широкие этнокультурные и этногенетические связи Руси с этрусками.

Откуда же появились этруски и какое отношение они имели к славянам? Все версии сходятся на том, что этруски — потомки пеласгов. Пеласгов называли «аистами», поскольку они часто меняли место жительства. Другое название пеласгов — «лелеги». Интересно, что на украинском языке «лелега» до сих пор означает «аист». Лелегами называл пеласгов Дионисий Галикарнасский.⁹¹ Историки утверждали, что могущество и благосостояние пеласгических племен в Италии сложились за несколько веков до Троянской войны.

По мнению историка XIX в. А. Д. Черткова,⁹² из смеси языков пеласгов, кельтов и иберов выработался впоследствии *латинский язык*, который затем отделился от ранних чисто пеласгических наречий Италии, сходных между собой, ибо все они произошли от первоначального языка пеласгов. Полное развитие силы и могущества пеласгов, преобладание их языка приходится на эпоху падения Трои (1184 г. до н. э.), т. е. за 500 лет до построения Рима.

Этрурию называли колыбелью Рима, а Рим — могилой этрусков. Почти все, что этруски построили в Риме, определяли эпитетом «величайший». Этруская система каналов для отвода сточных вод и сегодня является частью городского хозяйства Рима. Щит, копье, металлообработка, горное дело, керамика, театр, якорь — все это дала Риму Этрурия.

Этруская религиозность выражалась в скрупулезном исполнении священных процедур, которые занимали прочное место в общественной и частной жизни людей и которые были тщательно описаны в документах, впоследствии потерянных или уничтоженных. У этрусков существовал свод правил, составленных на основе учения верховных жрецов (гаруспиков), которое являлось

⁹¹ *Дионисий Галикарнасский* — древнегреческий историк второй половины I в. до н. э., автор труда «Римские древности» (история Рима с мифических времен до 264 г. до н. э.).

⁹² *Чертков Александр Дмитриевич* (1789–1858) — русский археолог, историк, автор трудов по истории славян, составитель известной библиотеки («Чертковка»), переданной Москве, а также «Каталога книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях».

важнейшей частью этрусской религии. Гаруспик должен был, гадая по внутренностям животных, и прежде всего по печени, определить знамения божественной воли. Особое значение для понимания учения гаруспиков имела находка так называемой Печени из Пьяченцы – бронзовой модели печени овцы с написанными именами божеств.

Наряду с гаруспиком другой важной фигурой жреческого сословия этрусков был авгур, власть которого символизировалась жезлом и короткой палкой с закругленным концом. Ею жрец очерчивал священное пространство для предсказаний. Этрусские пророки точно предсказали гибель Этрурии: с ней было покончено, когда римские императоры начали заселять ее земли римлянами.

Расцвет Этрурии был недолговечным. Уже в V в. до н. э. начался ее упадок. В 396 г. до н. э. римляне захватили город Вейи на правом берегу Тибра, что положило начало завоеванию собственно Этрурии, а завершилось оно покорением в 265 г. до н. э. последнего свободного этрусского города Вольсинии. К середине III в. до н. э. вся Италия оказалась под властью Рима.

Аск (сосуд-светильник). Около 300 г. до н. э.

А. Знойко⁹³ более 30 лет посвятил исследованиям происхождения Руси и славян в ареале Восточного Средиземноморья с IV тыс. до н. э. Он считает славянское язычество астральным культом древних цивилизаций, почти тождественным верованиям этрусков. Сравнительное изучение язычества, народных традиций, языка и быта помогло решить многие вопросы происхождения народов.

Ученые пришли к выводу, что боги, обряды, верования, традиции и обычаи междуречья Днепра-Днестра-Дуная – это верования и обычаи населения трипольской и срубной археологических культур (IV–II тыс. до н. э.). Работы Н. З. Суслопарова⁹⁴ по дешифровке и прочтению трипольской, а также киммерийской (срубная археологическая культура) письменностей на Днепре приводят к заключению, что трипольцы были пеласгами, а киммерийцы – этрусками-протославянами. Сегодня в распоряжении исследователей имеется около 10 тыс. надписей этрусков. Но тексты, содержащие несколько десятков или сотен слов, можно сосчитать по пальцам. В большинстве своем – это краткие надписи.

Ужи, змеи. Браслеты древних славян

Поразительно, что языческие обряды, праздники Рождества, Нового года (Щедрый вечер), Купала и другие, сохранившиеся у славян кое-где до наших дней, неизменно исполнялись еще в Трое, Фригии, у этрусков в Италии и были унаследованы Римом. Более 5 тыс. лет на Руси сохраняются пословицы, поговорки и национальные черты быта пеласгов и этрусков. Кому не знакомы такие традиции и приметы, как «рассыпать соль – к ссоре»; если человек чихнул, нужно сказать «будь здоров»? А это и есть обычаи пеласгов. Борщ, колбаса, поджаренные бобы были римскими

⁹³ *Знойко Александр Петрович* (1914–1987) – советский историк, археолог, этнограф. Странник комплексного метода исследований, в своих работах кроме истории привлекал данные астрономии, археологии, этнографии, лингвистики.

⁹⁴ *Суслопаров Николай Захарович* (ум. 1974) – советский библиограф, языковед, дешифровщик надписей на памятниках Трипольской археологической культуры.

национальными блюдами, заимствованными у общих с Русью предков. Главные языческие боги славян и Руси — Сварог, Перун, Стрибог, Лада, Купала и другие — были и главными богами этрусков. Много было похожих обрядов и ритуалов. Этрусский праздник бога лунного неба Януса, который на Днепре отмечался как праздник рождения Месяца (праздник «Щедрый вечер»), стал в 46 г. до н. э., при Юлии Цезаре началом Нового года по новому календарю (1 января). Народ как в Риме, так и на Руси до наших дней сохранил и такую традицию: всякое дело, начатое в праздник рождения Месяца, должно быть удачным.

Бог славян и Руси Перун был и богом этрусков. Бог грома и молнии у этрусков назывался Стри-Сатрес, а на Руси почитался под именем Стрибог. Вспомним «ветры — Стрибожьи внуки» в «Слове о полку Игореве»!

Интересно, что языческие обряды календарных праздников соответствуют движениям созвездий и небесных тел, а также данным летописей и фольклора. Например, Волосом (Велес и Тур в «Слове о полку Игореве») народ на Украине называет зодиакальное созвездие Тельца, а Телец со скоплением звезд Плеяд носит имя Волосожар, т. е. жар Волоса. Однако в древнем Киеве существовало и другое название этого созвездия — Тур (Таурус). Имя Вол — чисто славянское. По исследованиям ученых, имя Тур, распространенное на Украине и по сей день, было именем божества неба у этрусков. Вот откуда Буй-Тур Всеволод в «Слове о полку Игореве», вот откуда Турья божница в Киеве, на Подоле. И все это — свидетельства глубоких и многовековых культурных связей родственных народов Руси и этрусков. Имена Тур и Вол хронологически уходят в эпоху неолита и связаны с общей космогонией, мифологией и предысторией народов.

Имя созвездия Телец (на Руси — Вол) относится к эпохе, когда в этом созвездии наступало весеннее равноденствие, а само созвездие было главным божеством древних цивилизаций (V–III тыс. до н. э.). Имя Вол (Телец) отражено в сохранных греками пеласгийских трипольских мифах о том, что титан Кронос (бык) сверг бога неба Урана, а затем сам был свергнут Зевсом (небо) и, кастрированный, бежал в Италию, где принял имя Сатурна. Оскопленный Кронос (Вол) уступил главенство Перуну (Стрельцу), Сатрес и стал Сатурном (Сарт + Туран = Сатурн).

Золотое шитье подола платья сарматской женщины

Согласно италийским мифам, в ту эпоху был один бог Янус (бог лунного неба), культ и обряды которого у этрусков и на Днепре были тождественны. Имя Волос сохраняет древнейшую мифологию пеласгов, этрусков, Руси эпохи Лунного Зодиака.

Узор золотого шитья

Еще русский историк середины XIX в. А. С. Хомяков⁹⁵ объяснял имя этрусков «расена» славянской стихией, которая видна в названиях городов: Антиум (анты), Клузиум (по-иллирийски — ключ), Перузия — Перуджа (перо), город Спина — спина, Арнус — ярный (ярый). А исследователь многих этрусских памятников и надгробий

⁹⁵ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — русский философ, писатель, историк, один из основоположников славянофильства.

Ф. Воланский⁹⁶ считает, что они написаны древнеславянскими буквами и представляют собой их толкования на коренном русском языке. На колоннах одного этрусского святилища содержится надпись, повторенная пять раз, с упоминанием о дарданских богах...

КЕЛЬТЫ – ВАНЫ – ВЕНЕДЫ – ВЯТИЧИ

Во всей Шотландии названия местностей свидетельствуют о том, что здесь господствующим племенем в старину были кельты. Древнее название кельтов – «гаэльсы», еще более древнее – «альбаини». Кельтские поэты именовали соотечественников «альбаинах», что означало «жители гор». Из этого следует, что южные и северные албанцы носят одинаковое имя. Имя «Альбион» присвоено всей Великобритании.

Историк Е. И. Классен считал, что кельтами была основана Верона (ныне итальянский город), а шотландские кельты составляли выселок⁹⁷ прибалтийских венедов. По мнению Классена, язык кельтов весьма близок к славянскому.

Движение кельтских племен шло с Кавказа, через Европу и Пиренейский полуостров, который дважды подвергался нашествию кельтских племен. К III в. до н. э. кельтов полностью вытеснили иберийские племена.⁹⁸

Л. Суворецкий⁹⁹ писал: «Второе племя заняло все южные страны Европы до Атлантического океана. Этот народ, вероятно, вышел из Азиатской Иберии, находившейся на юг от Понта (Черного моря), так как самое имя он перенес на новые жилища. Вся та часть Европы, которая впоследствии составляла Кельтию, долгое время называлась у древних Иберией. Некоторые народы в Испании и Галлии до конца своего существования назывались иберами, прочие же – лузитанцами, лигурами и др. Кажется, в ту же самую эпоху после иберов вторглось в Европу племя венедов. Первобытные их жилища, по мнению Гомера и других, были расположены в Пафлагонии¹⁰⁰ близ Армянских гор и в Мидии.¹⁰¹ Будучи издревле близкими соседями азиатских иберов, венеды могли иметь с ними много общего касательно языка, религии, обычаев».

Итак, первобытное место жительства венедов – «близ Армянских гор и в Мидии». В древности это область государства Урарту.¹⁰² О ней же и в других источниках

⁹⁶ *Воланский Фаддей* (первая половина XIX в.) – русский исследователь, историк, собиратель древностей, автор труда («Памятники письменности славян от Рождества Христова» (М., 1861).

⁹⁷ Выселок – здесь: место расселения какого-либо этноса на новых землях.

⁹⁸ Иберийские племена – название восточно-грузинских племен, живших на территории Грузии, которая в античные времена называлась Иберией (Иверией). Древние племена Испании также назывались иберами.

⁹⁹ *Суворецкий Л.* Исследование начала народов славянских. – М., 1846.

¹⁰⁰ Пафлагония – в древности область Малой Азии на побережье Черного моря (современная Турция). В VI в. до н. э. завоевана Лидией, потом Персией, в конце IV – начале III в. до н. э. находилась под властью Александра Македонского.

¹⁰¹ Мидия – историческая область в северо-западной части Иранского нагорья. В VI в. до н. э. была завоевана Персией.

¹⁰² Урарту – древнее государство IX–VI вв. до н. э. на территории Армянского нагорья. В VI в. до

говорится, что там (в области озера Ван) жили расены-этруски. Покинув в XII в. до н. э. свое государство Урарту в области озера Ван, расены некоторое время жили в долине Аракса, потом на Северном Кавказе, причем часть их двинулась дальше по северным берегам Черного моря на Балканский полуостров (пеласги) и в Италию. Эти предки этрусков, как предполагают ученые, принадлежали к протокавказской расе, отчасти сохранившейся до сих пор; ныне к ней принадлежат черкесы, абхазы, грузины, чеченцы, лезгины. Еще за несколько тысячелетий до н. э. протокавказские племена занимали обширные области к югу и к северу от Черного моря. Сюда же уходят и корни кельтов. Так ваны-венеды и этруски-расены появляются как названия одного и того же народа на разных территориях и в разное время. В начале I тыс. до н. э. это было общее «Ванское царство», которое можно считать древнейшим государством на территории нашей страны. Ученый и писатель В. И. Щербаков в книге «Асгард и ваны»¹⁰³ высказал мысль о тождестве ванов – жителей Ванского царства с вятичами: вятичами ванов стали называть уже на севере, куда они пришли, покинув Урарту. (Ассирийцы называли Ванское царство «Урарту».) Сегодня археологи находят на его территории массу европеоидных славянских черепов.

ГУННЫ

В первой половине VI в. загадочный народ гунны привел в движение огромные массы населения Европы, создав могучее государство. Существует несколько версий происхождения и самих гуннов, и их имени, однако до сих пор у ученых нет ясности в вопросах о том, откуда появился этот народ и куда он исчез. Поиски ответов предпринимались давно. В свое время они побудили французского ученого Дегиня сопоставить свидетельства о гуннах в европейских письменных источниках IV–VI вв. (в трудах Аммиана Марцеллина,¹⁰⁴ Иордана,¹⁰⁵ Прокопия Кесарийского)¹⁰⁶ с данными, содержащимися в документах китайской летописи II в. Прodelав эту титаническую работу, Дегинь обратил внимание на созвучие слов «гунну» и «сюнну» и на этом основании предположил, что азиатские сюнны – предки тех гуннов, «которые перешли впоследствии в Европу». Дегинь слыл авторитетной фигурой в науке, к его мнению прислушивались, и не мудрено, что с его легкой руки гипотеза о восточном (азиатском) происхождении гуннов перекечевала с Запада в Россию и была воспринята большинством историков, в том числе известным специалистом по данной проблеме Л. Н. Гумилевым.¹⁰⁷

н. э. было завоевано мидянами. Вело длительные войны с Ассирией.

¹⁰³ Щербаков В. И. Асгард – город богов. – М., 1991.

¹⁰⁴ Аммиан Марцеллин (330–400) – римский историк, автор «Деяний», в которых описывал события, войны, дворцовые интриги и т. п.

¹⁰⁵ Иордан – историк готов, VI в. Главное сочинение «О происхождении и деянии гетов (готов)».

¹⁰⁶ Прокопий Кесарийский (ок. 500 – после 565) – византийский писатель-историк, автор труда «История войн Юстиниана» и др.

¹⁰⁷ Гумилев Лев Николаевич (1910–1992) – советский историк и географ, исследователь древнерусской этнической истории, автор концепции «пассионарности» (активности или пассивности) этносов.

Итак, версия первая: азиатские гунны (сюнны) — прародители западных (европейских) гуннов.

А что же мы знаем о европейских гуннах (после того, как они появились в непосредственной близости к Европе или в самой Европе)? Вот известный исторический сюжет.

В 332 г. готский¹⁰⁸ конунг (князь) Германарих принял власть над готами и стал объединять их в союз. В том же году готы напали на Русь. Победив русские войска, Германарих вынудил князя Руси отдать ему в жены юную княжну Лыбедь, но заподозрил жену в супружеской неверности и велел ее казнить. Маленький сын Германариха и Лыбеди Хлодвиг воспитывался у деда на Руси. К тому времени, когда наметилось ослабление готской мощи, он стал витязем. И тогда наступил момент предъявить счет Германариху за казнь матери. Русское войско во главе с родственником Хлодвига по матери князем Владимиром пошло войной на готов, и одновременно с русскими на них напали болгары. Началась знаменитая война 376 г., которую историки назвали гото-гуннской. Но откуда взялись гунны, если воевали готы, русские и болгары? Резонно предположить, что гуннами называли русских и болгар. Так ли это? Вновь обратимся к историческим свидетельствам.

Первым описание гуннов оставил Аммиан Марцеллин. В труде по истории Рима он сообщил много подробностей о войне 376 г., почерпнув сведения о них из рассказов готских беженцев, искавших приюта в Византии. (Заметим, кстати, что современные исследователи считают 376 г. моментом появления гуннов в Европе.) Аммиан Марцеллин впервые употребил термин «гунны» в качестве собирательного понятия. У него под этим именем действительно выступают русские и болгары.

Однако, поступив так, он положил начало путанице, которая вкралась в решение вопроса о том, кто же такие гунны. Не оговорив в начале рассказа, что речь идет о двух различных противниках готов (славянах и болгарах), историк предпослал изображению военных действий впечатляющее описание быта кочевых племен и свирепого вида воина-кочевника. Находясь под впечатлением этой интересной вступительной части текста, читатель уже не замечает, что дальнейшие описания событий зачастую трудно, а то и совсем не увязываются с действиями степных наездников. Тем не менее всех противников готов — и славян (русских), и тюрко-болгар — автор объединил общим названием «гунны». В XVIII в. в России были опубликованы выдержки из труда византийского историка V в. Приска Панийского, посетившего ставку гуннского царя Атиллы и его столицу в составе византийского посольства в 448 г. В отчете о своей поездке в гуннскую империю Приск описал жизнь и быт именно славянского населения этой империи, ни словом не обмолвившись о кочевниках-тюрках, хотя, казалось бы, уж он-то должен был поведать о быте кочевников, коль своими глазами видел этот загадочный народ — гуннов.

А вот как писал о славянах византийский историк X в. Константин Багрянородный:¹⁰⁹ «Этот народ мы называем гуннами, в действительности они сами себя называют русами». А ведь он, как и Приск Панийский в V в., собственными глазами видел гуннов, когда князь Игорь привел их в 941 г. к воротам Царьграда. Современник и соотечественник К. Багрянородного историк Лев Диакон наблюдал церемонию встречи византийского императора Цимисхия с

¹⁰⁸ Готы — группа германских племен. В III в. жили в Северном Причерноморье.

¹⁰⁹ *Константин Багрянородный* (905–959) — византийский император, автор сочинений, содержащих важные сведения о русско-византийских отношениях.

князем Святославом на Дунае и в своей хронике назвал Святослава гунном. А вообще, по словам Багрянородного, греки в его времена называли русов кто скифами, кто гуннами — по собственному усмотрению. Приск Панийский называл славян обоими именами. Подобное отождествление славян с гуннами и скифами встречается также в труде историка Иордана «О происхождении и деянии гетов (готов)».

Итак, версия вторая (византийская): гунны — это славяне. Но прежде чем согласиться с таким утверждением, воспользуемся данными, содержащимися в трудах шведских ученых. Вот о чем говорят их данные.

Земли восточных славян германцы издревле называли «Хуналанд» («земля хунов»), скандинавы — «хунаханд», а самих жителей — гунны («хуны»). Происхождение этого имени они связывали с мифом об амазонках — женщинах-воительницах, населявших, согласно древнейшим поверьям, земли между Дунаем и Доном. В древнескандинавском языке «куна» («хуна», «гуна») означало «жена», «женщина». Отсюда и название народа «гунны», земель их обитания — «Хуналанд», страны, которую они представляли, — «Хунагард» (Конугард).

М. А. Врубель. Царевна-лебедь

Для скандинавских и германских историков средневековья в таком происхождении этих названий сомнений не было. Шведский историк Олаф Далин, придерживавшийся данной версии объяснения, писал: «Конугард или Хунагард (страна гуннов) происходит от куна». Прежде эта страна называлась Ваналанд или Ванланд по ванам, т. е. венедам». И далее он уточнял: «...ваны — прародители гуннов... Ванланд есть единое с Хунагардом».¹¹⁰ Другой шведский историк, Олаф Верелий, по данному поводу высказался не менее определенно: «Под именем гуннов наши предки (шведы) понимали славян, впоследствии называемых виндами или венетами». (Вспомните предыдущий сюжет о ванах-венетах.)

Как видим, византийские историки называли славян скифами или гуннами, скандинавские и германские — только гуннами. Эта традиция именованья русов гуннами у скандинавов сохранялась довольно долго: Ярл Эймунд, служивший воеводой скандинавских наемников при Ярославе Мудром (978—1054), в своей саге («Сага Эймунда») называл Русь страной гуннов. Другой современник Ярослава Мудрого, германский историк Адам Бременский¹¹¹ писал: «Русская земля, называемая датчанами Остроградом или Восточным краем, иначе называется Хунагардом по бывшему в ней населению гуннов», а датский хронист XII в. Саксон Грамматик (1140 — ок. 1208) для обозначения Руси употреблял слово «Конохардия» (от «кона», «куна»), население же страны называл то русами, то гуннами.

Ну а что же сами «гунны»? Как свидетельствуют исторические источники, они узнали о том, как их называют в Европе, только во II в., когда в Припонтиде, расположенной на северо-западном и северном побережье Черного моря, появились скандинавские переселенцы, принесшие с собой это слово. На кочевые племена тюрок имя «гунны» распространилось лишь в IV в., очевидно, после войны 376 г., с приходом их все в ту же страну Припонтиду. Само понятие «гунны» не

¹¹⁰ Олаф Далин. История шведского государства. — СПб., 1792.

¹¹¹ Бременский Адам (? — после 1081) — северо-германский хронист, труды которого содержат историю славяно-германских отношений.

этническое: ни один народ не называл себя этим именем. Ученые, приверженные идее славянского происхождения гуннов, считают их потомками скифов — туземного населения Геродотовой Скифии,¹¹² а имя «гунны» — готского происхождения. Напомним, что Аммиан Марцеллин, одним из первых употребивший термин «гунны», основывался на рассказах готских беженцев.

РУСЬ — РОС — РОД

Исторической наукой XX в. доказано, что Русское государство сложилось из 15 крупных областей, населенных восточными славянами. Каждая область представляла собой объединение нескольких мелких племен, имевших свои названия, многие из которых утратили всякое сходство со славянорусскими названиями. В середине XIX в. историк Е. И. Классен выдвинул свою версию происхождения этих названий. В частности, он утверждал следующее: путаница названий (славянских и неславянских) вызвана тем, что и греки, и римляне, а позднее и византийцы называли славяноруссов то по месту их жительства (загорцы, будыны), то по одежде или обуви, которую они носили (зипунники, махланники), то по их промыслам (щетинники, сыромятники), то по каким-то другим признакам, а то и просто переводили эти названия на свои языки.

Но вот в XIX в. достоянием исторической науки стало мнение иранского географа середины IX в. Ибн-Хордадбега, который полагал, что «русы суть племя из славян». Это мнение решительно поддержали те историки, которые были не согласны с норманнской теорией происхождения славян, утверждавшей, что русские — это варяги, норманны, жители Скандинавии. Однако отсутствие в Скандинавии сведений о племени или местности под названием «русы», «Русь» лишало их точку зрения убедительности. Вероятно, и по этой причине мнение иранского ученого было воспринято положительно.

Коренная основа слова «Русь» звучит на нашей земле с незапамятных времен. Само название племен «русь» упоминается в письменных источниках задолго до IX в., а слово «русь» было распространено далеко за пределами русских равнин. Первое упоминание в письменных источниках, например, о русах-ругах уводит нас в глубь веков — за многие годы до нашей эры, а Тацит¹¹³ упоминал о них в своем сочинении «Германия» в 98 г.

При дворе Константина Великого (основателя города Константинополя, позднее — Царьграда) русский князь имел чин стольника.¹¹⁴ Об этом в XIV в. писал византийский автор Никифор Григора, высказывание которого приводит Н. М. Карамзин.

В «Ветхом Завете» упомянут библейский народ «Рош» (Иезекииль, 38, 2). Имя вождя племени русинов Одоакра встречается в австрийских источниках в 477 г. Мы имеем в виду надгробную плиту св. Максима, на которой по-латыни написано: «Лета Господня 477. Одоакр, вождь русинов, свирепствуя против церкви Божией, Максима с его 50 товарищами сбросили со скалы, а провинцию Норик опустошили

¹¹² Геродотова Скифия — понятие, появившееся в V в. до н. э. на основании описания Скифии греческим историком Геродотом.

¹¹³ Тацит (ок. 58 — ок. 117) — римский историк. Главные труды — по истории Рима и Римской империи «Анналы».

¹¹⁴ Стольник — дворцовый, придворный чин — должность на Руси в XIII–XVII вв. (прислуживал дворянам и князьям во время придворных трапез).

огнем и мечом».

С. Лесной¹¹⁵ привел первое упоминание о вожде Руссе в книге Прокопа Слободы (Францисканский монах из Загреба, 1767 г.), где считающиеся легендарными сведения о братьях Чехе, Лехе и Руссе сопровождаются вполне историческими событиями: «Хорошо знаю, что известно многим, но не всем, как некогда из этой крапинской местности, по исчислению Петра Кордицилюса и многих других, в 278 г. ушел очень знатный вельможа Чех с братьями своими Лехом и Руссом, а равно и со всеми своими приятелями и родом из-за того, что они не могли уже переносить те великие нападки и притеснения, которые делали им римляне, а особенно начальник римских войск Аврелий, который охранял Иллирию вооруженной рукой и настолько притеснял его род, что Чех со своими поднял против него восстание».

В Сирийской хронике 555 г. находим народ «Хрос», а в одном грузинском пергаменте под 626 г. говорится об «осаде и штурме великого и святого града Константинополя скифами, которые суть русские». Арабский писатель Ат-Табари писал о воинственных русах, с которыми воевать «кроме здешних людей никто не умеет». В «Житии Стефана Сурожского» упоминается о нападении русского князя Бравлина на южный берег Крыма в 775 г.

В западных хрониках (летописях) первое и ясное указание на существование народа «рос» имеется в так называемой Бертинской летописи под 839 г. Наконец, 860-е годы уже полны упоминаний о русской государственности, русских походах на Царьград и о русской письменности.

Н. К. Рерих. Заморские гости

Вообще в землях, заселенных славянами, собственных имен от древней основы с корнем «рос», «рус» — великое множество. Особенно много таких имен встречается среди названий рек и поселений на их берегах. На одном острове Рюгене более 30 названий имеют коренную основу «рус» или «рос»: Руссевассе, Росенгард, Руссенфельд, Русе, Рускевитц, Росток, Рустов и т. п. В некоторых источниках Рюгенская область называлась Руссия. Дальше на восток в дельте Немана его правый рукав именовался Рус; морской залив, в который впадает Неман, в древности был известен под названием Русского моря, а морской берег, прилегающий к заливу, еще в XV в. именовался русской землей; вверх по Неману — река Рось с притоками Роськой и Росавой.

В районе Чудского озера есть река Росонь, вверх по течению Наровы — селение Распадай и остров Русиний, селение Русяней. У впадения Мсты в Ильмень-озеро протекает река Русская, у Новгорода — Порусь, далее город Старая Русса и село Росасна. В Смоленской области есть город Рославль, между Десной и Окой — река Росета, между Окой и Доном — Рясское поле и т. д.

Турки, татары, другие восточные народы называли русских «урус», «оррус», «арс», «арты», «орначи». Иногда по созвучию называли Волгу Араксом, Арасом, что соответствовало названию и Сырдарьи в античных источниках.

Русский историк XIX в. Ф. Морошкин¹¹⁶ рассказывал, что в Пермской области были земли, которые местные жители называли «Урос». Ученый полагал, что слово «Россия» означает «древлянская», или «лесная», земля: «Россия — Roscia — роца», и что оно звучит в различных видовых названиях растительного царства. Новгородское название деревень «Ракушино» (там их несколько) означает «лесное селение». В это название входят корни русских слов «ракита», «рогожа», «рог» (рожь), «рука», «руга», «рай», «раз» или «рез» (рост процента, согласно «Русской правде»). Все эти названия — русские и совершенно понятны. Рог — нарост на лбу, но в древние времена оно означало и «лес». На Украине «рог» и теперь означает «лес»; «Руга» — земля с лесными угодьями, «рука» — ветвь организма, особый вид «рога». Автор считает, что в названии «Русь» заложен принцип роста. По-латыни «рус» — «деревня», а в корне этого слова — «деревцо»!

Одно и то же название в разных формах разделяло Русь на следующие владения: Русь Черноморская, Алаунская, Поволжская, Кавказская, Закаспийская, Великогерманская (Великая Скуфь), Варяжская (славяне). Скандинавская (готы), Нижнерейнская и т. п.

¹¹⁵ Лесной С. Русь, откуда ты? Основные проблемы Древней Руси. — Виннипег, 1964.

¹¹⁶ Морошкин Федор (середи́на XIX в.) — русский историк, исследователь. Основной труд «Значение имен русов и славян» (М., 1840).

Многие ученые подчеркивают, что название «Русь» как термин этнографический имело весьма подвижный характер. Но в нем был корень Рода. Это еще в прошлом веке отметил русский историк А. Вельтман, подчеркнув связь санскритского, зендского и русского языков. В зендском языке «рац», «радз», «расс», в санскрите — «райя», «раджья» — область Раджистан (стан Раджи), «рассья». Отсюда понятно значение слова «Русь», «Россия» и князей русских, т. е. родовых владык.

В городе Магдебурге (современная Германия) существовал гражданский кодекс, согласно которому князья разделялись на «простых» и «русских». «Русским» назывался тот из княжеских братьев, который при разделе оставался правителем. В этом смысле Новгород принял название «Руси», когда с пришествием Рюрика образовалось в нем правление, точно так же и Киевская область, когда в нее перешло великокняжеское правление, стала называться «Русью», т. е. «Раджией».

Б. А. Рыбаков связывает с понятием «Род» всеобъемлющее божество Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, откуда льет дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним миром с его огненным родством.¹¹⁷ Итак, с Родом связано рождение живого (род, рождение, народ, родить, природа, вода, родник), даже молния. На древнеславянском языке слово «родиа» означало шаровую молнию, излучающую свет.

Интересно сопоставление Всеобъемлющего Рода и Света — божества, которому славяне ставили идолов. Свет был поистине всеобъемлющ, как и Род. В русском языке это сохранилось до сих пор в поговорке «Обойти весь белый свет». Близость Рода и Света бросается в глаза, например, в имени божества древних славян — Световита (солнечного), который почитался у западных славян в городе Арконе¹¹⁸ в качестве могущественнейшего из богов.

2. КУЛЬТ ПРИРОДЫ У ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Древние славянские сказания, песни, заговоры, прибаутки, поговорки близки по своему складу к древней поэзии «Вед», «Авесты», песням древних германцев, а сравнительное изучение, например, этих германских и славянских песен показывает, что славянский размер более старый, первоначальный.

Где же расцвело древнее песнопение у славян? Его «прародительницей» была природа. Согласно древним поверьям, когда солнце получает новые силы от влаги и начинает светить обновленным светом, пробужденная весной душа начинает творить песню. Пению учила вода. Народное выражение «как река льется» сохранило отзвук родства между пением и течением воды. Интересно, что мелодия песни пережила века, хотя древние слова песенного сказа утрачены и заменены новыми. Русская песня протяжна: в ней отразились огромные просторы и расстояния, на которых жили и которые осваивали наши предки.

Сила народных верований сказывалась не только в складе народной песни, в манере ее исполнения и в общем строе ее мелодий. Образы, связанные с мифом, нередко определяли и содержание песенных строф, и сам напев. В сохранившихся колыбельных прославлялось юное солнце, в подблюдных песнях огонь и вода

¹¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981.

¹¹⁸ Аркона — религиозный центр западных славян X–XII вв. на острове Рюген. Разрушен датчанами в 1169 г.

предвещали судьбу, веснянки закликали огонь на землю.

Поэтичны славянские сказания о почитании солнца. Долго сохранялись обряды поклонения ему, в начале весны и в начале осени выходили «караулить» солнце, смотреть, как оно «играет». Ночью, где-нибудь на высоком месте, раскладывали хворост, зажигали огни и, встретив солнце, приветствовали его песнями. В Польше девушки пекли к этому дню пирожки («слочента»), выходили на заре в поле и, разложив их на чистом белом платке, водили вокруг хороводы. Встретив солнце и поклонившись ему, делились своими пирожками, причем непременно одаривали всех близких.

Широко были распространены и сказки о солнце. Южнославянские и русские сказки воспевали солнце как доброе начало, которое указывало путь, убивало чародеев, леших, всех нечистых. Словаки верили в божественность солнца, называли его святым и владыкой неба и земли, призывали его на помощь в заговорах от недугов, гадали по лучам его. У валахов был обычай гадать на утренней и вечерней зорях: если заметят перед восходом солнца там, где оно накануне село, розовое облачко в виде серпа — жди войны; если «показывался» целый воин, то это было знамение ее счастливого исхода, военной удачи. По-хорватски папоротник называется «сунчец». Говорят, когда он расцветает, солнце побеждает черного волка и все нечистые духи гибнут...

К. Васильев. Затишье. Русская сказка

Обычно в старинных поверьях солнце почиталось в двух видах: как видимое небесное светило, занимающее середину света, все освещающее, и как бог, как царь-солнце. Царство его воображали где-то за морем, в стране вечного лета и вечной жизни, откуда семена жизни залетают к нам, а чертоги его должны быть на высоких священных горах. Там царь-солнце восседает на своем пурпурно-золотом престоле, окруженное двором и родней. Девы ему прислуживают, заплетают волосы и поют песни. Из них главные две — Заря утренняя и Заря вечерняя. Семь звезд ангелов-судей и семь вестников, летающих по свету в образе хвостатых звезд, готовы к услугам царя-солнца. Звезда-денница ревниво смотрит за его белыми конями. К его семье принадлежат дядя солнца — старый месяц, семь его внуков и все солнцевы сестры.

В чертогах царя-солнца весной, летом и осенью бывают праздники. Славяне верили, что от солнца зависят звезды, ветры, урожай, погода; что добрым солнце помогает, а преступных наказывает; одним дает счастье, других преследует. Солнце — защитник сирот, покровитель семейного очага и счастья. Вот почему всякая семья должна иметь его образ как символ благодати.

В славянской мифологии несколько солнечных божеств, связанных, по мнению разных исследователей, узами родства: Хорс, Дажьбог, Волос, Сварожич, Радегаст, Свентовит, Яровит, Ясон. Некоторые относят к этому ряду также Ладу, Лада, Живу. Эти верования уходят своими корнями в древнюю индоевропейскую мифологию.

А. С. Хомяков на основании изучения древнейшей истории и мифологии многих народов пришел к выводу, что поклонение светилам не является первоначальной религией человечества. Звездопоклонству предшествовало поклонение солнцу и светилам. Родиной солнцепоклонства была Халдея.¹¹⁹ Халдеи считались колдунами, магами. Согласно восточным поверьям, таким мудрецом, магом, как

¹¹⁹ Халдея — древнее государство в Южной Месопотамии. Вело борьбу с Ассирией за обладание Вавилоном в I тыс. до н. э.

халдеи, был Зороастр (Заратустра). Славяне связывали его с Зуарасичем – Сварожичем.

По космогонии древних славян, год разделялся на две половины: летнюю и зимнюю. Летнее полугодие более соответствовало общественной, публичной деятельности, зимнее – семейному быту человека, отдыху природы. Дни солнцестояния имели у всех древних народов, поклонявшихся солнцу, важное значение, поэтому поклонение и жертвоприношения огню как символу света стали характерной чертой обрядовых игр и праздников славян, прежде всего Купалы¹²⁰ и Коляды.¹²¹

Огонь и вода почитались как божественные силы, образующие самое естество природы. Совместные действия небесного огня со священной влагой, по мнению наших предков, порождают все живое и возвращают древо жизни. Символом этого древа была береза или верба. О мифическом древе пелись народные песни. Говорится о нем и в русском заклинании: «На море-окияне, на острове Буяне, стоит белая береза вниз ветвями, вверх кореньями». Остров Буян – чудесный остров, на нем лежит белый огненный камень Алатырь, а вокруг камня, не увядая, цветет весна. Какое-то бесконечно далекое воспоминание скрыто в этом видении, в образе огня среди водных просторов.

Трудно представить себе, как именно понимали существо воды и огня наши предки. Во всяком случае жизнотворная сила была присуща и священному «живому огню», и священной «живой воде». За пределами неба огонь и вода претворялись в мед, напиток бессмертия; их чудесные свойства могли передаваться земным огням и водам. «Мертвая вода» исцеляла раны, «живая вода» возвращала жизнь. Поскольку огонь и влага получали свою силу лишь в случае взаимодействия, то святой и целебной почиталась на земле такая вода, которой коснулся огонь: Перунов ключ или колодезь, вода с опущенной в нее «громовой стрелкой», вода, заигравшая от положенных в нее горящих угольков, на заре упавшая роса, дождь из молниеносной тучи.

Во всех религиях вода изображается как страдательная первоначальная материя женственного существа, из которой посредством плодотворного прикосновения существа мужского произошли все вещи. В Индии это существо называют Сакти. Само по себе бездумное и холодное, женское существо изображается в виде влаги. Оттого и священная река Ганг носит название Сакти. При встрече с мужским существом огня – Шивой оно производит жизнь.

Страдательное положение воды в природе послужило поводом видеть в ней женское существо. Без животворной силы света недвижимая вода наполняет пространство в виде снега, льда, но когда свет и тепло пробуждает ее, она растекается и под влиянием света рождает и питает годовой мир. На этом основании славяне-светопоклонники почитали воду.

Страбон писал о жителях юго-западной Руси, что они поклоняются рекам и источникам, а одна река у них называется именем божества Буг.

Прокопий Кесарийский свидетельствовал, что славяне признают единого бога, но поклоняются рекам и источникам. У прибалтийских славян один такой священный источник, к которому ходили для поклонения, находился в дремучем лесу на

¹²⁰ Купала – народный праздник Ивана Купалы (в ночь на 24 июня по старому стилю – Рождество Иоанна Крестителя), сопровождался обрядами с огнем и водой, песнями, играми, хороводами, гаданиями, собиранием целебных трав.

¹²¹ Коляда – цикл народных рождественских праздников (с вечера 24 декабря по 6 января), обрядов и песен (колядок), а в образе ряженого участник этих праздников и обрядов.

острове Рюген. Подобный источник упоминается в г. Щецине (современная Польша).

Дитмар¹²² поведал об озере Гломаза, которое «со страхом почитаемо». В «Житии князя Муромского» (XVI в.) говорится, что русские язычники «приносили требы озерам и рекам, прибегали к воде в немощах и повергали в колодези деньги...». А ведь и по сей день люди бросают монетки в фонтаны... Церковный устав князя Владимира запретил моления у воды.

Многие мифологические существа родились в народном сознании благодаря соединению представлений о свете и воде. Одно из таких существ – Морена. На праздник Купала делалось чучело Морены, гулявшие прыгали через огонь, затем топили чучело в воде. Однако Морена заключала в себе начала не только жизни, но и смерти. Такими же существами в античной мифологии были Диана и Артемида – божества добрые, светлые, но и они отождествлялись с греческой Гекатой – мрачным смертоносным существом, покровительницей ночной нечисти, колдовства. Слово «Мара», «Маржана» означает (особенно у южных славян) вредное привидение. В Сербии водное существо называлось Водан или Моран. Мокошь, согласно Нестору, также означало водное женское существо.

М. А. Врубель. Волхова

Важнейшим из названий женских водных существ у славян было Девония-Дзеванна, Дана. Польский историк Длугош (XV в.) описал ее как божество, супругу солнца, вечно свежую и прекрасную. Девония, Дзеванна была главным божеством у прибалтийских славян. В Польше ее называли Девой. Ее храм находился в городе, называвшемся Девинград, переименованном немцами в Магдебург. В Венгрии также был город Девинград, названный так по имени богини. Почитание этого божества на Руси подтверждается наименованиями некоторых урочищ и вод, например «Девьи горы», «Девичье поле», река Девица. Это божество было тождественно греческой Диане или римской Артемиде.

У лужицких славян существовало поверье о прекрасной девице, которая с собаками блуждает по лесам и пугает зверей, особенно в лунные ночи. Суеверы же боятся зайти в чащу и в полдень, чтобы не увидеть эту девицу.

Интересно в данном случае совпадение славянских мифологических сюжетов с широко распространенным в Грузии антропоморфным женским образом духа зверей по имени Дал или Дали: «королева Дал», «лесная царица», «повелительница зверей». У славян Дали ходит обнаженная и закрывается золотыми волосами. По представлениям горцев восточной Грузии, «хозяйка зверей» – это крошечная женщина с длинными волосами. Идя в лес, охотник брал с собой крошечную обувь в качестве подношения ей. Образы крошечной женщины, вступающей в связь с охотником, вошли в известный кавказский эпос о Нартах. Грузинская Дали связана с водой: она любит сидеть на берегу и расчесывать свои длинные золотые волосы. Не похоже ли это на нашу русалку? Как и русалка, Дали нередко является причиной гибели людей.

Необыкновенно поэтичны древние народные обряды, имеющие отношение к завершающей мистерии солнечного круга – праздникам Купалы и Коляды.

Имя Купалы на санскрите означало «сиять», «блистать». Отсюда «купавый» – белый; «купать» и «кипеть» – связь огня с водой. Купала – праздник света и огня;

¹²² Дитмар (Титмар) Мерзебургский (975–1018) – немецкий историк. В его хрониках содержатся сведения из истории славянских племен.

купальские обычаи — ходить в баню и разжигать костры. Вообще день Купалы не только всенародный праздник наслаждения, когда семья теряется в общине, но и всемирное торжество стихий и небесных светил, а человек, сливаясь с природой, крепнет ее могучей силой и перерождается в ее таинственной плодотворной жизни. Купалу празднуют всем миром.

В отличие от Купалы Коляда — зимний праздник, когда живой огонь Купальских костров становится частным достоянием домашнего очага.

С торжеством летнего солнцестояния (с Купалой) были теснейшим образом связаны свадебные обряды, причем их символика была столь же тесно связана с символикой природы. Огонь и вода участвовали в брачном ритуале как очистительные силы; и чтобы испытать на себе их действие, свадебный поезд должен был проехать через пылающий костер, а невеста — умыться в реке ключевой водой. В свадебных песнях пели о березе, образ дерева жизни воплощался в украшенном деревце; на свадебном караване или над коморой, где этот караван выпекался, устраивали «рай», полный цветов и птиц, носителей света (в этих райских садах живут кукушка и лебедь). Особый почет воздавался коню, на голову которого выливали вино, заменявшее медовый напиток древних времен. К действиям свадебного торжества относился и танец дружек «жениха-князя» — символ весенней грозы. Своими жупанами дружки «наводили» облако, стрелами «проливали» дождь, а в блеске сабель сверкали молнии.

Свадьба в понимании древних славян — шествие и завершение весны. Богиня-жрица, творящая весну, переносится на «княгиню-невесту», являющуюся главным лицом в свадебной мистерии. Невеста уподобляется воде и солнцу; она — кукушка или лебедь в благоуханных садах рая, она — белая береза или верба, и она же — прекрасная весна, расцветающая под облачным покрывалом, принесенным от далекого моря, от огненного камня Алатыря. Так описал свадебный обряд Н. Костомаров.¹²³

ПОКЛОНЕНИЕ БЕРЕГИНЯМ

Славяне считали воду стихией, из которой образовался мир. Они «насеяли» ее различными божествами (моренами, водяными, русалками). Боготворили они и особых женских водяных существ — берегинь, культ которых непосредственно связан с водой. По представлениям древних славян, поклонение воде и источникам должно было спасать от засухи, орошать поля. Поклоняясь водяным божествам, славяне очищались водой как священной стихией, приносили воде жертвы — цветы, пищу, кур. Они оставляли жертвоприношения на берегу, чтобы их поглотила боготворимая стихия. Византийский историк Лев Диакон сообщает о том, что воины киевского князя Святослава¹²⁴ (X в.) погружали в воды Дуная петухов. С точки зрения хронологии, поклонение берегиням, а также упырям и вампирам относится к наиболее древнему периоду, когда природа в сознании человека дифференцировалась не по таким понятиям, как рощи, источники, солнце, луна, огонь и молния, а только по принципу отношения к человеку: злые вампиры, которых нужно отгонять и задабривать жертвами, и добрые берегини, которым нужно «класть требы», и не только в качестве благодарности, но и для того, чтобы

¹²³ Костомаров Н. Семейный быт в произведениях русского песенного творчества. — М., 1890.

¹²⁴ Святослав I (?—972) — князь киевский, сын князя Игоря. Разгромил Хазарский каганат, совершал походы на волжских булгар. Убит печенегами.

они активно проявили свою доброжелательность к человеку.

СТИХИИ – НОСИТЕЛИ ПРАВДЫ

Зажигая лучину, на Руси говорили: «Святой огонешек, дайся нам!» Символ чистоты душевной – огонь не терпит ничего нечистого. По мнению древних славян, правда на земле (правое дело) имеет естество огня. Огненным, искренним должно быть и ее выражение. Не случайно до сих пор в русском языке «искренностью» («искрой») называют правдивое проявление душевного движения, порыва, а «искренним» – человека, чьи речь и поступки дают образ подлинной сущности и подлинной жизни его души. «Правда в воде не тонет и в огне не горит», – говорит русская пословица. Правда сама есть огонь палящий и неиссякаемый родник подлинной жизни. Образы правды – огонь и вода – чисты, святы и целительны для души и тела. Среди русских заклинаний встречаются и такие, в которых высказывалось определенное отношение к воде. «Матушка, святая водица, родная сестрица! Бежишь ты по пенькам, по колодам, по лузям, по болотам, и бежишь чисто, непорочно. Сними с раба божьего все болезни и скорби», – читаем у замечательного знатока народной поэзии А. Н. Афанасьева.¹²⁵ Обычное начало древнего заклинания: «Иду я, раб божий, в чистое поле, становлюсь на восток красного солнца, умываюсь росой или ключевой водою...»

М. А. Врубель. Пан

Огонь и вода – носители правды – поддерживали на земле право и порядок. Некоторые судебные обычаи славян, как и других арийцев, исходят из убеждения, что огонь и влага – мудрые судьи человека. На «Божьем суде» раскаленное железо или кипящая вода устанавливали правоту или виновность подсудимых. Правое дело есть мудрое дело: оно предполагает ведение самого подлинного в мире, а таким ведением дается дар предвидения. Поэтому, согласно древним верованиям, огонь и влага полны вещей силой.

Человек может узнать будущее, гадая на огне и воде, может и сам получить от них дар вещего знания. Такой же мудростью могут быть одарены звери и птицы (олень, лебедь – носители света), а также цветы, т. е. светлы – воплощение огня. Везде в природе разлита божественная сила: она живет в плеске вод, в шелесте листьев, в птичьем гомоне, в предвесенних вздохах земли. Древний славянин всегда чувствовал близость носителей этой святой силы, и общение с ними давало ему уверенность в том, что они участвуют в земных заботах и делах человека.

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЗАГАДОК

Природа, по мнению древнего славянина, живет в согласии с жизнью божества: она угасает в осенние дни вместе с меркнущим огнем неба, застывает зимой вместе с оледенением влаги. Жар весны, растопляющий снега, возвращает земле утраченную силу, а в летние дни все живое наполняется огнем солнечных лучей и дождевой водой и достигает расцвета.

«Жизнь земли, как бы на время покидаемой богами, потом вновь принимающей их

¹²⁵ *Афанасьев Александр Николаевич* (1826–1871) – русский историк, мифолог, фольклорист. Основной труд «Поэтические воззрения славян на природу».

благодатные дары, определяет праздники годового круга. Воспроизводя таинственные действия природы, эти праздники образуют ступени, по которым человек как бы восходит к божеству, ведомый солнцем, обновленным в день зимнего солнцеворота оживляющей силой воды. Отзвук этой зимней тайны отразился в песнях, сопровождающих святочные игры, где речь идет о золотом кольце, как символу солнца, скрытом в снегу или воде» — так поэтически описывает поверья древних славян С. Фамицын в книге «Божества древних славян».

Проникновение в мистику природы требовало прежде всего знания действующих в ней сил, и это знание давали обрядовые загадки или гадания. Для древних славян загадки были «сокровенными словами», понимание которых было знаком мудрости, постигающей правду. В них также шла речь о явлениях природы, творимых огнем и водой: «Заря, зарница ключи потеряла; месяц пошел, не нашел; солнце пошло, ключи нашло» (отгадка — роса).

Гадания должны были научить правде жизни. Это была беседа с первоисточниками мудрости. На Руси гадали у огня (у печи) или у воды (у реки); зимой — у проруби, на снегу, на мосту или там, где есть огонь и вода (в бане). Древние славяне верили, что вещая сила живет в уголке, связке дров, в кочерге, в лучине. Подобных обрядов у славян было очень много, и древность их подтверждается сходством с обрядами всех арийских племен.

РУСАЛИИ

Целостное видение природы и приближение к ее тайнам в загадках и гаданиях еще не достигалось, такое видение давали обрядовые «игры», т. е. религиозно-символические представления, происходившие на языческом празднике зимнего солнцестояния и на последующих праздниках года. Эти обрядовые игры восточных славян назывались русалиями.

Символические игры входили в состав обрядовых действий культа природы в очень давние времена. В славянских русалиях были черты, напоминавшие культ Диониса¹²⁶ во Фракии, Элевзинские (Элевксинские) мистерии в Афинах — тайные религиозные обряды, в которых участвовали лишь посвященные-мисты, а также «готскую игру» при дворе византийского императора, «танец мечей» у германцев, танец Марутов — богов грозы у индусов. Все это говорит о глубокой древности русальных обрядов.

В письменных свидетельствах о славянских русальных играх сообщается, что они нередко сопровождались шумной музыкой, песнями, танцами, переодеванием, скаканием, купанием в реке. Однако христианская церковь признавала эти обряды «беснованием», делом дьявола, неуместным в христианском обществе, поэтому русалии не раз подвергались запрету. Строгое отношение к оставшемуся в прошлом обряду было, пожалуй, справедливым, но оно мешало пониманию его изначального смысла.

К русалиям относятся рождественские обряды (игры с переодеванием на Рождество), обряды Русальной недели перед праздником святой Троицы, обряды Купальского дня и некоторые другие игры солнечного года. Сейчас все они, за исключением разве что первых, сохранившихся кое-где в России по сей день, — уже тени прошлого, в которых очень затуманен смысл и образ полубогини с именем

¹²⁶ *Дионис (Вакх)* — в греческой мифологии бог вина и виноделия. В честь Диониса устраивались празднества «Дионисии» и «Вакханалии».

«русалки», созвучным названию «русалий», т. е. естествами, не имеющими общепринятого толкования.

По мнению одних исследователей, русалки — души умерших людей, а название их — отражение языческих поминальных дней, известных в Греции под именем «розалий». Другие считают, что русалки — божества водяные, и их имя происходит от общеславянского слова «руса» (река), звучащего теперь, например, в слове «русло». Согласно еще одной точке зрения, русалки живут в воде, но их начальной стихией был свет. Название этих полубогинь происходит от слова «русый» через речное имя «руса» и через форму «русло». Но некоторые исследователи вообще отрицают существование русалки как женского божества.

Конечно, восстановить более или менее точный смысл этого образа можно только путем сопоставления отдельных, хотя бы отрывочных свидетельств былого культа русалки, сбереженных в памяти народа, в его поверьях и мифах. Ее образ трудно уловить в современном понимании «водяной жены», полной коварства и обмана, напоминающей греческую полуптицу-полуженщину сирену, которая завлекала своим чарующим пением моряков и отправляла их корабли на дно морское. Но есть и другие образы, родственные русалке. Таковы в славянской мифологии «вилы» — прекрасные женщины, живущие в поле, на горах, в облаках, заманивающие путников и губящие их. «Молятся огневи под овином и вилами, и Мокоши, и Роду, и Рожанице», — читаем в «Слове Христороубца».¹²⁷ Таковы и лебединые девы наших сказок и былин (вспомним картину М. Врубеля «Царевна-лебедь»). Все эти существа указывают на общую для них идею, которая как бы разделилась на множество самостоятельных видений.

В поверьях славян вила рождается из дождя, озаренного солнцем, от капли росы, упавшей на осенний цветок. Из огня и влаги соткан и образ русалки.

Русалка — олицетворение влаги — живет в хрустальном чертоге, на дне реки, в глубоком омуте. Ее жилищем может быть также море, колодезь, озеро. «Русалки-берегини» строят себе замки в облаках, а «русалки-полудницы» бегают в поле, наполняют его водой, волнуют рожь, а порой насылают на нее бури и ливни. Ночью речная полубогиня выплывает на поверхность воды, подвижная и прозрачная, как создавшая ее влага. Она играет с волной, путает и рвет рыбацкие сети, разрушает плотины, затопляет поля. Усаживаясь на мельничном колесе, она вертится вместе с ним или расчесывает свои длинные, спадающие с колен волосы, и вода льется из них неиссякаемой струей. Гребень русалки сделан из рыбьей кости, а рыба в древности была символом влаги. Запасшись таким гребнем, русалка может жить в лесу, далеко от воды. Но чаще всего, выходя на берег, она взбирается на плакучую иву или березку и качается на ветвях, омываемых речной струей.

Русалка — воплощение огня, она пронизана светом. Ее волосы золотятся, глаза сверкают и горят. Она может обернуться белкой, которую считали зверьком Перуна. У балтийских славян русалии справляли в «Перундан» (день Перуна). «Русалка живет в неустанном движении, плещется в волнах, носится в рощах и полях, катается по росистым склонам гор, играет, поет, танцует и громким хохотом пугает путника во тьме ночи», — пишет А. А. Потебня в исследовании «О некоторых символах славянской поэзии».

«Игрищами» называют прибрежные луга, где «русалки водят хороводы». Все, что делает русалка, связано с ее основным призванием носительницы «живой воды», укрепляющей силы жизни. Русалке дана сила оживления: она плачет над мертвым,

¹²⁷ «Слово некоего Христороубца и ревнителя по правой вере» — сочинение, направленное против пережитков славянских языческих верований.

но ее слезы — живая вода, дарующая жизнь. Ее заботой загораются синие огни над могилами — то оживают души людей, спящих в земле.

Есть у славян и такое поверье, что предки их живут у колодцев, где «русалка-царица» хранит влагу бессмертия. Это поверье делает понятным превращение души человека в русалку: приобщаясь к источнику жизни, душа отождествляется с божеством, которое его олицетворяет, т. е. становится русалкой. Таким образом культ дарующей жизнь богини может соединяться с культом предков. Назначение русалки — хранить напиток бессмертия в раю и приносить его на землю.

Существуют поверья, что русалка выполняет эту волю богов посредством превращений. Так, русалка появляется в образе коня или кобылицы, иногда в образе птицы. Смысл этих превращений связан с существом древней русалки: в некоторых древних поверьях конь обозначал встречу огня и влаги и их совместное действие в природе: конь-молния, но такая молния, которая выбивает ключи из недр земных. Эти ключи — гремучие, они кипят и белеют пеной. «Ты кипи, кипи, колодезь, ты кипи, кипи, студеной, ключевую водою со серебряной пеной», — пелось в свадебной песне, записанной Н. А. Афанасьевым в Москве.

Конь — облако, рожденное росой, которую согрел огненный луч, упавший с неба. Соединение огня и влаги в образе коня делает понятным, почему молоко кобылицы в волшебных сказках получает силу живой воды и возвращает жизнь убитому герою.

Конь — носитель напитка бессмертия — близок к образу русалки, и это сделало возможным превращение полубогини в кобылку. Древний миф ожил в обряде, приуроченном к летним и зимним праздникам.

Мифическая русалка в представлениях древних славян объединялась с лебедем и кукушкой. Она могла обернуться птицей, причем в крылья превращалась ткань ее белых льняных покрывал. Прядение льна — любимое занятие русалок. Готовые полотна они расстилают на земле возле колодцев, у источников, моют их ключевой водой. Тот же образ водяной девы-птицы создал поверье, будто русалки живут на речном берегу в гнездах, свитых из соломы и перьев, а пальцы ног у них соединены перепонкой, как у гуся и лебедя.

Если южнославянские предания помнят о вилах, являющихся в образе белых лебедей, то русские сказки повествуют о лебедь-птице, красной девице, выплывающей из морской глубины. Птицы, обличье которых принимает русалка, появляются в древних мифах как носители света и живой воды или как стражи у источника огня и влаги. Весной лебедь приносит лучи солнца или золотые яблоки, полные чудесным соком, возвращающим молодость.

Огненно-водное естество русалки, ее участие в мистерии природы наделяют ее мудростью и вещим знанием: для нее нет неразгаданных загадок, ей ведома судьба девушки, доверившей свой русальный веночек речной волне. Словно мудрая жрица в культе богов, русалка испытывает веру человека и карает его за безбожие. Согласно народному поверью, русалки похищают полотна у девушек, уснувших без молитвы. И в песне поется о том, как русалочка защекочивает, т. е. заговаривает, зачаровывает девчонку, ничего не знающую о религиозных тайнах.

Так обрывки былого культа русалки, долго не исчезающие в народном быту, воскрешают древний образ богини — посредницы между богами и земной природой, мудрой и вещей жрицы в мистерии весны.

Стремясь разгадать «неразгадливую» загадку жизни, создал древний человек эту поэтическую грезу. В ней сказались и сила души, дерзнувшей коснуться тайны жизни, и бессилие понять эту тайну, первосущность мира и нас самих, живущих в нем. Именно так воспринял прекрасный образ русалки художник М. Врубель: «Царевна-лебедь» с очами, вопрошающе светящимися из бездонной глубины, в

белом оперении, как память далекого тысячелетнего прошлого соединяет в себе религиозный помысел наших отцов и тоску о невозможности познания.

Древняя идея русалки не укладывается в однозначный образ. В облике русалки вновь оживает душа человека, похищенного темнотою ночи. Имя русалки может означать и весенний праздник, но праздник этот — отблеск славянских языческих русалий, где появлялась богиня-птица, прилетавшая из рая в блеске дождевых капель или в кружении молний и озаренных крылатых облаков.

Венки, которые заплетают девушки в последний четверг перед днем святой Троицы, — это качели для русалок. Символический смысл качального обряда будет понятным, если осветить его древней идеей русалки — жрицы в мистерии природы. Именно водной стихией — волной дается первообраз качания. С незапамятных времен известно изображение волнистых линий, украшавших древнюю керамику.

Стихия огня приняла в обряде образ венка — символа солнца. Так как живой огонь добывался в древности трением живых древесных веток, то и семицкий¹²⁸ венок сплетался из несрезанных веток березы. Качание венка указывало на солнце и огонь, погруженные в воды, — символ обновляемой, возрождающейся жизни.

В этом действе русалка являлась как богиня весны, разгонявшая холодный сон зимнего мира. Совершая мистерию природы, она призывала людей к участию в ней. В качальных играх участвовали не только русалки, но и люди. В христианской Руси качальные игры были приурочены к первым трем дням Пасхальной недели.¹²⁹

Душа человека переживает «качание» как ускоренное движение жизни, как чувство победной силы от взлета в высоту и как чувство самозабвенного блаженства от стремительного падения. Быстрая смена ощущений и чувств, сливаясь с чувством бога в природе и с порывом к соединению с ним, вызывала переживание экстаза.¹³⁰ Поскольку экстатические чувства древних язычников подсказывались им жизнью природы, постольку их экстаз и должен был стать сопереживанием весны, весеннего безумства, сменяющего долгий зимний сон.

Религиозный смысл мифа о русалке делает несомненным символическое значение всех русалий как отражение в душе и действиях человека мистерии весны, т. е. мистерии жизни. Чем ярче светит солнце, тем пышнее цветет природа, чем больше ее творческие силы наполняют душу человека, тем больше душа, согласно поверьям древнего славянина, приобщается к таинственной жизни богов. Гомон, танцы, песни сопровождают обряды русалий, как отзвуки шумов и шорохов тающего снега, неудержимого бега вновь рожденных ручьев, ливней и гроз, весенней бури. Когда на празднике Купалы мистерия огня и влаги получала торжественное завершение, древние славяне в этом единении с природой получали дары сокровенной мудрости и находили опору для осознания своего единства с природой. Какие-то отголоски такого состояния проявляются и поныне в той беззаветности, с которой дети любят качаться весной на знакомых славянам с давних пор качелях.

¹²⁸ Семицкий венок — венок на семик (последний четверг перед днем святой Троицы).

¹²⁹ Пасхальная неделя — неделя на Пасху, зависела от исчисления празднования Пасхи, определяемого Пасхалией — сборником правил.

¹³⁰ Экстаз — высшая степень восторга, воодушевления.

3. СЛАВЯНСКИЕ ВЕРХОВНЫЕ БОЖЕСТВА

Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Волос, Сварог, Мокошь, Купала, Ярило, Коляда, Ладо, Чур... Как узнали мы эти имена славянских божеств?

Подобно другим народам, славяне передавали мифы о своих богах *изустно* от поколения к поколению. Человеческая память цепко удерживала мифологические сюжеты о них. С именами богов были связаны многие суеверия, обрядовые празднества и игры. Но постепенно одни из них (Перун, Волос, Сварог, Мокошь) забывались, другие приобретали новые имена, а поверья о таких языческих божествах, как Купала, Ярило, Коляда, просуществовали в русских селениях вплоть до XIX в. наряду с поверьями о домовых, леших и русалках. Имена Ладо, Чур, Навий (день) долго оставались в песнях, поговорках...

Помимо устной традиции, большую роль в сохранении сведений о древних славянских божествах играют *письменные источники*, в частности *летописи*, а также сохранившиеся исторические *документы* древних славян. Так, если бы не летописи, в которых повествуется о кумирах (языческих богах, идолах, поставленных в Киеве князем Владимиром еще до принятия христианства), если бы не тексты договоров-клятв князей Игоря и Олега с греками, то мы очень мало знали бы о Перуне и Хорсе, Дажьбоге и Мокоши, Стрибоге и Симаргле.

Массу сведений о славянских языческих богах дает Нестор – автор «Повести временных лет». Правда, сам он черпал мифологический материал из других, не дошедших до нас летописей. Но так или иначе и у него, и у последующих летописцев, авторов Никоновской, Архангельской, Софийской, Ипатьевской, Густынской и других летописей, называвшихся так либо по месту, где они были найдены, либо по имени владельца, составителя или переписчика летописи, мы встречаем имена целого ряда славянских божеств.

Вот что говорится, например, в «Слове некоего Христолюбца»: «Тако не мога терпети крестьян во двоеверии живущими, иже суть крестьяне, верующие в Перуна, в Хорса и в Мокошь, и в Сима, и в Рьгла, и в вилы, иже числом тридевять сестрениц глаголят окаянным невегласы, то мнят боги и богынями и тако покладывают им требы и коровах, им молят и куры им режут и огневи молятся, зовут его Сварожицем...» А «Слово св. Отца нашего Иоанна Златоустаго» предостерегало: «Уклоняйся молящих человек Роду и Рожаницам, Порену и Аполлину, и Мокоши, и Берегыни и всяким богам и требам мерзким не приближайся». В рукописи XII в. под названием «Хождение по мукам» читаем: «Но забывшая Бога и ... юже на тварь Бог работу сотворил – то они всех боги прозваша: солнце и месяц, землю и воду, звери и гады, от камня ту устроя Трояна, Хърса, Велеса, Перуна».

В. М. Васнецов. Три царевны подземного царства

Эти указания имен языческих божеств сохранились и в позднейших письменных источниках.

Еще одним источником наших знаний о славянских божествах являются *хронографы*, в частности болгарский хронограф, или *хроники*, например польско-германская хроника.

О чем же рассказывают все эти источники? Какую роль играли божества в жизни наших далеких предков? Какими представляли их себе древние славяне? В чем проявлялось почитание богов?

Вообще надо заметить, что если у западных славян Балтийского поморья и берегов Эльбы было широко распространено кумирслужение, у южных (сербов и хорватов) – поклонение природе, то восточным славянам суждено было служить связующим звеном между этими ступенями развития славянской мифологии и соединить кумирслужение западных племен с поклонением стихиям и явлениям

природы южных славян.

В самом начале развития мифологии человек, не зная личных богов, не устраивал особых мест богослужения; тогда еще не было жрецов, ибо божества служили аллегориями явлений природы, и жертвы он приносил самим этим явлениям. Долго сохранялись обычаи вешать на ветви деревьев, класть на камни или у корней старого дуба разные жертвы и дары, которые человек подносил невидимым духам. Для подобных обрядов крестьянам-земледельцам не требовались посредники — жрецы.

Местами богослужений могли быть также горы, холмы. Лишь значительно позже у восточных славян в дохристианскую пору появились первые культовые сооружения *капища* (от старославянского «капь» — изображение, идол), и в них могло не быть идола, а просто обоготворялся, например, первый луч восходящего солнца, что было тесно связано с сельскохозяйственным календарем. Со временем в определенных местах служебные обряды начали совершаться с помощью особых лиц — может быть, это и были те, кого мы знаем из позднейших литературных произведений как волхвов, вещих, кудесников, гадавших и предсказывавших будущее.

С появлением кумиров устанавливаются обряды для богослужения, а вместе с ними сооружаются богатые капища. Постепенно формируется целая каста служителей, которые, пользуясь суеверным страхом народа перед кумиром, не только обогащаются приносимыми дарами, но часто завладевают и политической властью, как было, к примеру, на острове Рюген.

Праздники, жертвы, обряды, гадания — все сосредоточивалось вокруг кумира и его служителей, окружалось для народа какой-то непреступной таинственностью, под которой легко просматривался обман корыстолюбивых жрецов. Не случайно поэтому поклонение явлениям природы так разительно отличалось от чистого идолослужения. И если первое с его праздниками, песнями, гаданиями, суевериями, носившими печать язычества, долго не искоренялось из быта простого народа и просуществовало вплоть до начала XX в., то второе — чистое идолопоклонство, сопровождавшееся пиршествами и кровавыми жертвоприношениями, с богатыми храмами и чудовищными истуканами — большей частью исчезло из народной памяти.

Вот почему мы крайне мало знаем о том, что же представляли собой даже те немногие боги — кумиры, чьи имена дошли до нас. О Перуне известно лишь, что он был срублен из дерева и у него были серебряная голова и золотые усы, а в руке — палица, которую этот новгородский идол бросил в Волхов.

О «человеческой жизни» языческого божества Сварога в Ипатьевской летописи сказано: «И бысть по потопе и по разделеньи язык, поча царствовати первое Местром от рода Хамова, по нем Ермий, по нем Феоста, иже и Сварога нарекоша египтяне и по сем царствова сын его именем Солнце, его же наричют Дажьбог... Солнце царь Сварогов еже есть Дажьбог». А в «Слове о суеверии» встречается другая форма имени божества Сварога: «Огневи молются, зовут его Сварожичем...» Сведения о Свароге автор Ипатьевской летописи заимствовал из Болгарского хронографа, в который они, в свою очередь, попали из произведений византийского писателя Иоанна Малалы (V в.).

Интересно, что отголоски существовавших с дохристианских времен поклонений и жертвоприношений природным стихиям кое-где до сих пор сохраняются в народных обрядах, поверьях, приметах, сказках, загадках, заговорах и т. п. Причем эти стихии и явления природы нередко и сейчас поэтизируются, наделяются чудодейственными силами. Так, например, черный свет с давних пор, напоминая собой мрак ночи, символизирует все мрачное, злое, мертвящее, тогда как белый,

красный, желтый цвета, как цвета дня и солнца, связываются в человеческом воображении с понятиями добра и блага.

А вот божества-кумиры, некогда олицетворявшие собой те же стихии, дошли до нас какими-то бесцветными, с неопределенными, ничего не говорящими именами. О них не сохранилось таких фантастических преданий, которыми наполнена классическая мифология Греции и Рима. Это объясняется, видимо, тем, что в славянской, и прежде всего русской, мифологии важнейшими были не боги, а обряды и празднества простого народа, воззрения его на природные явления, светила и стихии, горы и реки, фантастические растения и животные, о которых сочинены стихи, песни, заговоры, сказки, прибаутки. Таковы обряды опахивания или коровьей смерти, кликания весны, добывания живого огня, поверье о полете огненных змиев или расцветании папоротника в ночь на Ивана Купала, древнейшие предания о сотворении мира, острове Буяне, загадочной Голубиной книге.

ЖИВЫЕ КОРНИ СЛАВЯНСКИХ ИМЕН

Поклонение восточных славян силам природы породило весьма своеобразное явление: имена языческих божеств и названия олицетворявшихся ими природных сил и стихий, как правило, имеют одинаковые или очень близкие корни, родственные или созвучные древним корням языков, на которых написаны упоминавшиеся древнеиндийские «Веды» и древнеиранская «Авеста». Так, от корня «ар – яр» произошло много самых разных слов и понятий. Например, в слове «арий»¹³¹ – корень «ар», имеющий множество видоизменений типа «ар-яр-ра-ро-ор» и другие, связан со значением, выраженным древним славянским словом «арати» («орати»), что значит «пахать», «обрабатывать землю» (самое главное занятие славян-земледельцев). У иранцев и древних индийцев сохранилось воспоминание о родине «ариане-ведже» и об «арьяварте» – стране ариев, стране благородных (в этом понимании слова сказывалась идеализация предков, свойственная древним народам).

У древних греков бог войны Арес (сын Зевса и Геры), у древних римлян Марс – воинственные, «ярые» боги. Но ни в древнегреческом, ни в латинском языке их имена не переводятся, так как происхождение их идет от более древнего славянского корня «ар – яр», от которого произошло и «Ярило» – имя нашего славянского бога весеннего плодородия и целое гнездо слов типа «ярый», «яровой», «яриться» и другие.

И сегодня мы встречаем корень «ар» во многих русских словах, обозначающих человека и его занятие: «пекарь», «токарь», «знахарь», «пахарь», «царь» («се-арь»). С этим же корнем «ар» связаны и такие понятия, как «арифметика», «архитектура», «артиллерия». Древнее собрание в Греции называлось «ареопаг», а древние вожди – «архонты»; высшую касту составляли «аристократы».

Корень «ар» просматривается в ритуальных, кастовых названиях, в топонимике, эпосе и мифологии самых разных народов мира как один из наиболее распространенных корней индоевропейской группы языков. Древняя Бретань называлась «Арморика», древний Иерусалим – «Ариэль», древний Иран – «Аранат», название Армении говорит само за себя. Река Волга в древности называлась Ра. Несколько рек в древней истории спорили за это название: Араке, Сырдарья,

¹³¹ Арии – название народов, принадлежавших к индоевропейской (прежде всего индоиранской) общности.

Амударья, Волга, Дон. Центр поклонения могущественнейшему из богов западных славян был в Арконе.

О замечательной живучести корней древнеславянских слов, от которых произошли и имена божеств, и названия различных явлений природы и жизни людей, свидетельствует многое. Словно продолжая мысль И. С. Тургенева «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», Н. К. Рерих в эссе¹³² «Русский язык» пишет: «Истинно великому народу дан и великий язык. Звучен язык Вергилия¹³³ и Овидия,¹³⁴ но ведь не свободен он, ибо принадлежит прошлому. Певуч язык Гомера, но и он в пределах древности. Есть соревновательность у русского языка – санскрит-праотец. Но на нем даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живет для будущего. Он может обогащаться все новыми достижениями и сохранять свою певучую прелесть. Он не остается в пределах Пушкина, ведь слишком много нового вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить основную красоту русской речи. И для всех славянских наречий русский язык остается кормилом...»

Предметом обожествления у славян издавна были реки, в излуцинах которых селились их древние племена, ибо воды рек служили и естественной преградой от нападения, и местом ловли рыбы, купания и т. д. И чаще всего в названиях рек встречаются корни «рус – рос», а коренные звуки «рс» входят в корень слова, общего для всех индоевропейских языков и обозначающего воду. Этот корень образовал такие слова, как греческое «рон» – течение, поток; латинское «руо» – теку; кельтское «рус» – вода; русские слова «река», «русло». Но те же согласные «р» и «с» имеют отношение не только к воде, но и к свету, так как санскритское «рус» и зендское «реос» значат «сиять», а русское «роса» имеет в содержании «сверкать на солнце».

Корень «-рус», «-рос» по степени распространения для обозначения рек уступал разве что корню «-тан – дан – дн»; Танаис – Данай – Дон – Дуна – Донау – Дунай; Данастр – Днестр; Родан – Рона; Эридан – Рейн; Данапр – Днепр; Темза – Тана – Дан. Неман имел в истории два названия – Рось и Рудон (здесь соединены оба корня!). Многочисленные Донау и Дунаи означали просто «река».

Корень «-тан – дан» (с чередованием гласных *о, а* и согласных *н, р*) четко прослеживается в германской мифологии. «Донар» по-немецки означает «громовник», у скандинавов это «Тор», «Один». Возможно, когда-то понятие «один – един – единица» было названием реки, с которой начиналось поселение людей. Затем корень «-дан» перешел в название многих народов: дарданы, македоны, даны (датчане), свеи – даны (шведы) и т. п.

Широко распространен в славянских языках и корень «-вед». Индийское понятие «Вед», которым поименовали сборник жизненных законов и знаний, и корень «-вед» вошли в славянские языки, где слова «ведать» («знать»), «весть», «вещать», а также мифологические «ведуны», «ведьмы», «вещие» заполняют один и тот же семантический ряд.

¹³² Эссе – жанр философской, эстетической, литературно-критической публицистической литературы.

¹³³ *Вергилий* (70–19 до н. э.) – римский поэт, автор «Вуколики», дидактической поэмы «Георгики», героического эпоса «Энеида» о странствиях троянца Энея.

¹³⁴ *Овидий* (43 г. до н. э. – ок. 18 г. н. э.) – римский поэт, автор элегий и дидактических поэм, мифологического эпоса «Метаморфозы».

Мысль о родстве между огнем и водой, влагой отразилась в двойственном значении коренных звуков «рс». Эта мысль, явившаяся основой культа природы, звучит в народной поэзии, где огонь и вода могут указывать на одно и то же психологическое состояние — чувство любви. «Корень — рус содержит в себе идею культа природы, мистерии жизни. Древние племена вкладывали в эти звуки значение святости. Поэтому звуки рус" и рос" стали звучать в названиях славянских вод, которым они поклонялись, и в добавлениях, обозначающих святость. Но имя Русь", воды и земли. Оно стало именем народным. Русь стала духовным ядром народной души, сокровенным смыслом ее бытия и назначения»¹³⁵ — так писал известный русский ученый А. А. Потебня, и ему вторит историк Н. Ильина, развивая эту мысль: «Понятое как сияющая влага имя Русь есть символ жизни, озаренной небесным светом солнца, символ чувства, которому дается разум и мудрость огня. Русь — любовь, прозвучавшая в песнях древних обрядов. Новая христианская Россия сроднилась с языческой Русью. На этой почве родилась новая идея Святой Руси».¹³⁶

Известные в славянской мифологии имена богов Велес, Влес, Волос, Влас, Вала, Валу имеют в основе корень «-вел», претерпевший ряд трансформаций. С переходом «в» в «б» этот корень стал звучать как «бел», и появились Беллер, Балор, Булар — имена божеств средиземноморских народов и кельтов; Велняс, Велинас — литовские боги, связанные с подземным царством. Отсюда «веле» — душа; «Велесовы кладбища», где бог Велес пасет души умерших; в хеттском языке «веллу» — луг, пастбище. Этим же корнем связано и понятие богатства, собственности, власти и отсюда же происходят такие сходные русские слова, как «власть», «волость», «повелитель», «владелец», «владыка», говорящие о чем-то верховном, большом, великом. Здесь же и слово «велий» («великий»), и большое количество географических названий с этим корнем: следы Велеса мы находим в Испании — Велес Рубно, Велес де ла Пенья, в Австрии — Вельс, в Нидерландах — Вельсен, не говоря уже о Руси, где великое множество сел и деревень с названиями Волосовка, Волосово, Волотово, Власьево и т. п.

М. А. Врубель. Демон поверженный

В именах целого ряда мифологических божеств есть древние индоевропейские корни, в том числе славянские, связанные с понятиями добра, блага, божественности. Среди них упомянем такие.

Хорс. Индоевропейская форма «хоро-хорос» соответствует значению «коло» (круг). Оттуда, очевидно, ведет свое происхождение русское слово «хоровод» — круговой танец. «Круг», «округлый» подходит к значению солнечного диска, чьим олицетворением и был солнечный бог Хорс. Русское слово «хорошо» также связано со значением округлости, что у славян имеет смысл блага, добра (в отличие от бесформенной фигуры).

Дажьбог. Корни «дажь» — «дать» и «бог». В древнеиндийской мифологии слово и понятие «бхага» распространено довольно широко. «Бхагаватгита» — божественная песнь; «бхага» в «Авесте» — «баха», персидское «бага» и славянское «бог» —

¹³⁵ Потебня А. А. Философия языка и мифы. — М., 1989.

¹³⁶ Ильина Н. Изгнание варягов. — Париж, 1955.

производные одного корня, глубокую древность которого подчеркивает понятие «бог — благо». Вот почему Дажьбог или Даждьбог у южных славян Дабог и Дасбог — это «божественный податель бога».

Коляда. Тот же корень «коло» (круг) передавал значение цикличности, смены времен года, повторяемости, обновления, и «коло» — колесо жизни; отсюда понятие «календарь», производное от первокорня «коло».

Корни славянских имен так же отражали суть понятий, как славянский культ отражал суть мировоззрения древних славян, тесно связанного с природой.

Итак, что же мы знаем о древнеславянских богах? Каковы их «родословная» и «история жизни»? Какие поверья связаны с ними у древних славян? Начнем наш рассказ с Перуна.

ПЕРУН

Культ Перуна известен с очень давних времен, хотя его широкое распространение среди славян некоторые ученые относят лишь к VIII–IX вв. С именем Перуна нередко связывалась идея единого или верховного божества. (В переводах книг славяне обычно заменяли греческого Зевса и римского Юпитера Перуном.) У разных народов имя верховного божества созвучно имени Перуна: у индусов это Парджанья-Индра (как бы родня Перунов многих индоевропейских народов), у хеттов — Перуа-Пирва, у фракийцев — Перкун, у кельтов — Перкуниа, у албанцев — Перында, у литовцев — Перкунас, у скандинавов — Фьоргун, иногда сосуществовавший с Тором.

У некоторых индоевропейских народов имя Перуна вошло в название дня недели четверга («Перундан»), подобно тому как имя Юпитера — во французское название четверга («Жеди»); к финнам Перун попал в облике Тора: четверг по-фински «Торстай». На сарматском языке слово «Торум» означало «всевышнее существо», «бог», и бытовало мнение, что славяне заимствовали своего Перуна у скифов-сколотов, ибо, по преданию, засвидетельствованному Геродотом, в числе других божественных атрибутов, почитавшихся скифами, была и золотая палица Перуна, будто бы упавшая с неба.

В древнегерманском готском языке Перун, звучавший как «Байхруни», означал «гора»; в древнеисландском «Фьёргун» — «мать грома»; в древнеиндийской мифологии Парджанья — бог грозовой тучи и дождя.

Перун, почитавшийся как творец, производитель дождей, назывался еще подателем пищи, богом-оплодотворителем (у греков таким богом был Зевс, у финнов — Укко). Существует множество славянских преданий, связанных с подобной ролью Перуна. Из них до нас дошла, например, поговорка «после дождичка в четверг». Дело в том, что в четверг — день, посвященный Перуну, язычник ожидал грозы и считал этот день особенно счастливым, легким и благоприятным для начала всякого предприятия, обещающим успех и исполнение желания. Позднее, когда исчезли древние верования, а люди поняли, что не только в четверги могут быть дожди и не один перунов четверг бывает удачным (или неудачным), поговоркой стали передавать сомнение.

Возможно, прообраз Перуна связан с ведийским мифом о Пуруше, где Пуруша — первочеловек, из которого возникли элементы Космоса.¹³⁷ Индолог Н. Р. Гусева пишет о том, что в мифологии древних ариев видное место занимал бог под

¹³⁷ Речь идет о «Ведийском мифе о Пуруше» из древнеиндийского сборника гимнов и жертвенных формул «Веды».

именем Рудры, который, с одной стороны, был «рычащим повелителем неба и молний», богом гроз, а с другой – богом «благодостным». ¹³⁸ С ним связывают такие слова, как «красный» (то же, что «рудый», «рдяный», «руда», «кровь»). Это объясняет появление в христианской традиции Ильи-Пророка, сменившего Перуна и изображавшегося «огненным Ильей». У икон с изображением Ильи-Пророка всегда красный огненный фон.

Древнелитовский Перун-Перкунас – тоже бог грозы. В теплые дни он являлся со своими молниями, оплодотворял землю дождями и выводил из рассеянных туч ясное солнце. Его творческой силой пробуждалась к жизни природа и как бы вновь создавался прекрасный мир. По литовским сказаниям, верховный владыка громов создал Вселенную действием теплоты, ибо весеннее тепло есть источник жизни, а зимний холод – смерти.

Согласно преданиям белорусов, Перун разъезжает по воздушным высотам и, если видит, что на земле творится беззаконие, то разбирает скалы или малые небеса и насылает молнию на злых и нечестивых.

В одной русской былине жена богатыря Святогора вступает в связь с Ильей-Муромцем – представителем Перуна и погибает от меча-кладенца (умирает, пораженная молнией). Эта связь великанши с Перуном рассматривается как измена красавицы ее «законному» мужу, а за безнравственность следует наказание.

Перунов дуб. В 1910 г. при углублении русла Десны строители обнаружили на дне ее ствол дуба, в который были искусно вмонтированы четыре челюсти дикого кабана, образующие четырехугольник. Что бы это могло означать? Попробуем разобраться.

У греков и римлян дуб посвящался отцу богов Зевсу. Славяне, подобно галлам и германцам, считали дуб храмом Перуна, в ветвях которого он будто бы пребывал во время грозы. И горе, если молния ударяла в дуб – то был гнев божества, вызванный чьим-то неблагочестием. Чтобы вымолить прощение, нужно было принести многочисленные жертвы.

Такие жертвы приносили друидам – кельтским жрецам, ведавшим жертвоприношениями. Мифология кельтов сохранила обряды, связанные с культом дуба. Само слово «друиды» происходит от кельтского «дерв», т. е. дуб. Между тем у славян этот корень сохранился только в слове «дерево», поэтому, вероятно, когда-то название «друиды» означало «почитатели дерева» вообще и дуба в частности. А так как дубы у кельтов были в особом почете, то неудивительно, что жрецы их (друиды) пользовались огромным влиянием у народа. Особенно кельты почитали дубы, украшенные ветвями омелы, употреблявшиеся для лечебных целей. (Славяне использовали омелу и для приготовления лекарств.) Многие друиды были не только прорицателями и учителями, но и врачами.

Друиды составляли особое таинственное братство во главе с «великим друидом». Все необходимое для обрядов – песни, гимны, заклинания – они произносили устно. Жрецы проповедовали загробную жизнь и бессмертие души, а чтобы эти воззрения укрепить в умах суеверного народа, они прибегали к шарлатанству: занимали деньги с условием возвращения их в загробном мире, писали умершим письма и клали их в гроб либо сжигали на жертвенниках. Друиды хорошо знали местную географию, космографию, движение планет, разбирались в целебных свойствах разных трав, которые собирали босыми, одевшись в белые одежды.

Римский писатель и историк Плиний Старший рассказывал, что прежде чем приступить к сбору трав, друиды вели астрономические наблюдения над положением планет, гадали, чья рука может рвать травы, а чья нет, делали различные предсказания. Они были очень свирепы, и дикие обычаи друидских сект подавляли всякое чувство гуманности. Друиды злоупотребляли властью, которую давала им религия кельтов, угнетали невежественных людей. Этим объяснялась та легкость, с которой кельты и галлы после римского завоевания

¹³⁸ Гусева Н. Р. Индуизм. – М., 1977.

отказались от прежней религии и приняли религию победителей: христианство было значительно гуманнее. Тогда-то друиды переименовали название и стали называть себя «сененами» (мудрецами). Несмотря на строгие законы римлян, друиды-жрецы продолжали принимать человеческие жертвы и после принятия христианства.

Жрицы-женщины гадали, как и весталки¹³⁹ в Риме, но если те гадали по звездам, то друидессы – по внутренностям человеческих жертв. У Страбона сохранились подробные описания этого отвратительного обряда, совершавшегося кимврами (восточная ветвь кельтов, живших в Крыму): пойманного кимврами пленника жрицы тащили к колодцу. Здесь одни пробивали ему грудь длинным железным острым прутком и собирали текшую кровь в особый сосуд, а другие вырывали у жертвы внутренности и по ним гадали.

У некоторых славянских племен, живших по соседству с кельтами, отдельные обряды также были связаны с жертвоприношениями и культом дубов. У пруссов-язычников были свои священные рощи, поля, воды, уголья. В рощах воспрещалось убивать зверей, рубить деревья, пахать землю, ловить в прудах рыбу. Был у них и священный дуб. Сохранилось предание: как-то епископ¹⁴⁰ приказал срубить дерево, но местные жители, принявшие христианство, наотрез отказались сделать это. И тогда епископу ничего не оставалось, как срубить его собственными руками.

Латыши посвящали дубы божествам мужского рода, а липы – женского. В заговорах и песнях Литвы Перун упоминался как божество, жившее в священном дубе.

Священные рощи были и у балтийских славян. Из дубов, которые росли в этих рощах, они делали идолов Перуна. У датского летописца-хрониста Саксона Грамматика есть описание расположенного в г. Короница славянского храма с дубовым идиолом Перуна.

Киевские идолы, поставленные князем Владимиром, тоже были срублены из дуба. По свидетельству летописей, один из них, брошенный в Днепр, доплыл по течению до того места, где теперь находится Выдубицкий монастырь, названный так по местности, где язычники молили божество «выдыбить» («выйти из воды»).

Много указаний на почитание дуба у славян содержится в летописях, а Константин Багрянородный рассказывал: возвращавшихся по Днепру из Византии россов начали преследовать печенеги; россы, спасаясь от преследователей и миновав опасный перевоз, причаливали к острову Хортице, на котором приносили жертву к большому дубу. Известно также, что в IX в. Константин Философ (св. Кирилл)¹⁴¹ по пути в Херсонес, в «Фульсте стране», т. е. в Крыму, срубил громадный дуб – предмет особого почитания местных жителей.

В договоре Руси с Византией (945 г.) говорится о русах-язычниках, клявшихся Перуном, и о русах-христианах, приносивших присягу в соборной церкви св. Ильи. Князь Владимир, приняв христианство, оказал особую честь Перуну, возглавлявшему пантеон русских языческих богов: идола Перуна с серебряной головой и золотыми усами не изрубили, как других идолов, а совлекли с Киевской горы и проводили по Днепру до самых порогов. Миновав пороги, Перун оказался на острове, «оттоле прослы Перуна Рень, якоже и до сего дня словет». Так написано в летописи.

В Новгороде идол Перуна поставили на том месте, которое называли Перынюю.

¹³⁹ Весталки – в Древнем Риме жрицы богини Весты, поддерживавшие в храме богини священный огонь.

¹⁴⁰ Епископ – в православной, католической и англиканской церкви высшее духовное лицо, глава церковной административной территориальной единицы. Иерархическое деление епископов с IV в.: патриархи, митрополиты, часть из которых имеют титул архиепископа.

¹⁴¹ Константин Философ (св. Кирилл) – славянский просветитель, проповедник христианства, составитель славянской азбуки, переводчик с греческого на славянский язык богослужебных книг.

Побывав в Новгороде в 1654 г., Адам Олеарий¹⁴² записал: «Новгородцы, когда еще были язычниками, имели идола, называвшегося Перуном, т. е. богом огня, ибо русские огонь называли Перун. И на том месте, где поставлен этот их идол, построен монастырь, удержавший имя идола и названный Перуновым монастырем. Божество это имело вид человека с кремнем в руке, похожим на громовую стрелу (молнию) или луч. В знак поклонения этому божеству содержали неугасимый ни днем, ни ночью огонь, раскладываемый из дубового леса, и если служитель при этом огне допускал огню потухнуть, то наказывался смертью».

Урочище Перынь находится у самого истока Волхова близ Ильменского озера на небольшом плоском холме, превращающемся во время половодья в остров. В 1951–1952 гг. здесь работала археологическая экспедиция под руководством А. В. Арциховского.¹⁴³ Во время раскопок была обнаружена круглая, диаметром в 21 м площадка, в центре которой находилась круглая яма с восемью расширениями по странам света; в каждом расширении, на дне рва — следы кострища. Это — остатки культового сооружения языческих славян (капища), освещавшегося восемью кострами. Около каждого жертвенника находили кости — головы или рога баранов, клыки кабанов.

В. М. Васнецов. Сказка о спящей царевне

Хотя славяне-язычники признавали дикого кабана символом злого начала, но, как и другие индоевропейские народы (в отличие от семитов), не считали его мясо «нечистым» и употребляли в пищу, а клыки носили в качестве амулетов, охранявших их от бедствий. Интересно, что самое древнее применение клыков кабана как амулетов встречается еще в Древнем Египте. У славян же и многих соседних с ними народов существовал такой обычай: после каждого жертвоприношения кости животного как доказательство благочестия и украшение либо подвешивали, либо складывали у подножия жертвенников, особенно рога баранов и клыки кабанов. Много таких амулетов найдено на юге России.

Встречаются клыки, отлитые из бронзы. Например, скифы, или сколоты, как они сами себя называли, для торжественных случаев при обряде погребения царя выделывали металлические клыки. «Магическое» значение клыков, приписывавшееся амулетам такого рода, объясняет, почему они попали в ожерелья: их клали в гроб как вещественное доказательство принесения кабана в жертву. При жертвоприношениях, не связанных с похоронным обрядом, кости складывали у жертвенника, а если этим жертвенником был дуб, то либо просто подвешивали их к ветвям, либо инкрустировали его ствол. Так попали челюсти кабана в дуб Перуна.

Цифру 4 язычники считали священной. В найденном на дне Десны дубе было инкрустировано 4 челюсти кабана. Обычно квадратной формы жертвенники имели 4 площадки и были обращены на четыре стороны света. Славяне-язычники знали четыре времени года. Жертвенники, гермы и симулакры (статуи из окаменевшего от долгого нахождения в воде дуба) должны были иметь квадратную форму, т. е.

¹⁴² *Олеарий Адам* (1603–1671) — немецкий ученый, писатель, путешественник. Известен обширным описанием устройства, быта и нравов России первой половины XVII в. («Описание путешествия в Московию»).

¹⁴³ *Арциховский Артемий Владимирович* (1902–1978) — советский археолог, автор трудов по общим вопросам археологии, русским древностям.

вмещать в себе идею о символической цифре 4 — на четыре стороны обращены изображения знаменитого идола Свентовита. Такие памятники находили во всех странах, где жили славяне, — от Балтийского до Черного морей и от Карпат до Волги, по течению Днепра, Буга, Вислы, Десны, Двины, Днестра, Дона.

Перунов цвет. Святилище Перуна повторяет цветок с восемью лепестками, квадрат на повернутом квадрате. В славянских землях бытовало поверье, будто без огненного цвета папоротника нельзя добыть клад. Этот фантастический цветок — метафора молнии, о чем свидетельствуют его названия и связанные с ним поверья: хорваты называли его Перуновым цветом, словаки — солнечником, так как, согласно их сказаниям, он расцветает тогда, когда весеннее солнце победит черного волка — демона зимы.

На Руси он назывался светцветом, а в народной сказке — «жар-цветом». О папоротнике рассказывают, что его бутон раскрывается с треском и распускается золотым или красным цветком (красным кровавым пламенем), причем таким ярким, что глаза не в состоянии вынести его чудного блеска. Цветок распускается в тот момент, когда клады, выходя из земли, загораются синими огоньками. По древним поверьям, ночь цветения папоротника бывает среди лета, на Ивана Купалу, когда Перун вступает в битву с демоном-иссушителем, который останавливает колесницу Солнца на небесах, разбивает его облачные скалы, отверзая скрытые в них сокровища, и умеряет томительный зной дождевыми ливнями.

Цветок папоротника распускается только в бурно-грозовые ночи в конце весны, когда цветет рябина, в середине лета, когда ягоды рябины начинают краснеть, и в начале осени, когда эти ягоды созревают.

Усматривая в тучах небесные сады и рощи, славяне-язычники сближали мифические представления с различными земными деревьями, например с рябиной, красные ягоды которой напоминали молниеносный цвет Перуна. Поэтому бурные грозовые ночи получили название «рябиновые», а ветка рябины воспринималась как символ палицы в руке Перуна. Другое название ночей — «воробьиные» — связано со старинными сказаниями о птицах — мифических спутниках грозы и вихрей. Еще в языческую эпоху с воробьем стали ассоциировать то же демоническое значение, какое приписывалось в народе ворону, сове и другим хищным птицам, олицетворявшим бури и грозы.

Существовало очень интересное народное сказание: в темную непроглядную ночь, ровно в 12 часов, под грозой и бурей расцветает огненный цветок Перуна, разливая кругом яркий свет, словно солнце. Но цветок красуется лишь короткое мгновение — не успеешь глазом моргнуть, как он блеснет и исчезнет. Кто хочет добыть цветок папоротника, тот должен накануне отправиться в лес, взяв с собой скатерть и нож, потом найти куст папоротника, очертить около него ножом круг, разостлать скатерть и, сидя в кругу, не сводить глаз с растения. Как только загорится цветок, нужно тотчас сорвать его и спешить домой, накрывшись скатертью. Дома тем же ножом порезать палец или ладонь и в рану вложить цветок. Тогда все тайное откроется человеку...

Нечистая сила всячески мешает сорвать цветок. Около папоротника в ночь, когда он должен расцвести, лежат змеи и разные чудовища и чутко сторожат минуту его расцвета. На смельчака, который решается завладеть цветком, нечистая сила наводит беспробудный сон, силится сковать его страхом. А едва сорвет он цветок, как земля сразу же начинает ходить ходуном у него под ногами, раздаются удары грома, сверкают молнии, воют ветры, слышатся неистовые крики, стрельба, дьявольский хохот. Человека обдаёт адским пламенем и душливым серным запахом. Пред ним являются звероподобные существа с высунутыми огромными языками, острые концы которых пронзают до самого сердца.

Пока не добудешь цветка папоротника, нельзя выходить из круга или оглядываться по сторонам: повернешь голову — она так и останется навсегда повернутой, а ступишь хоть на шаг из круга — черти разорвут на части. Когда сорвешь цветок, надо крепко зажать его в руке и бежать домой без оглядки: если оглянешься — все исчезнет. Замкнутый круг служит преградой, которую не может переступить нечистая сила. Нож, свеча, рябиновая палка, лучина символизируют молнию, поражающую демонов, а скатерть — облачный покров, и, прикрывшись ею, человек становится невидимым. На те же облачные покровы выпадает и цвет-молния.

Как видим, народная фантазия сопровождает цветение папоротника всеми знаменами, которые связываются с грозой: здесь и дьявольский хохот, и стрельба, и огненные языки, и землетрясение. Все это метафоры грома, огненные языки — грозового пламени, серный запах — появления и исчезновения дьявола (в древности тучи уподобляли котлам кипящей смолы).

Цветку папоротника придавалась могучая сила: обладающий им человек не боится ни бури, ни грома, ни воды, ни огня, делается недоступным влиянию «злых чар» и может повелевать «злыми духами». Цветок открывает все замки и двери, кладовые и погреба и «обнаруживает» подземные клады подобно тому, как удары молнии, разбивая облачные скалы, обретают за ними золото солнечных лучей. Кто владеет чудесным цветком, тот видит все, что кроется в недрах земли: темная земная кора кажется ему прозрачной, как стекло.

В русских сказках цветку папоротника («жар-цвету») приписывается исцеление от тяжелых болезней, а человек, сорвавший цветок, становится «вещим»: он знает прошлое, настоящее и будущее, угадывает чужие мысли и понимает язык птиц, растений и зверей.

Одно из названий Перунова цвета — «перелет-трава» и дано ему за быстроту, с которой ударяет молния и раскрывается почка цветка.

Этот миф знали все славянские народы, а в сказках перелет-трава уподоблялась птице. В русских сказках она сама переносится с места на место, цвет ее сияет радужными красками, ночью же она кажется падающей звездочкой. Обладатель перелет-травы становится счастливым: все его желания немедленно исполняются. Таковы свойства и цветка папоротника. Его бутон ни минуты не остается спокойным — он движется и прыгает, словно птичка, а распустившийся цветок быстро носится над землей, будто яркая звезда, и падает на то место, где зарыт клад.

В этом мифе — исток представлений древних славян о молнии как о летучем цветке.

Перунов цвет называли еще «спрыг-трава», «прыгун» или «скакун-трава», «разрыв-трава».

По преданию, листья разрыв-травы имеют форму крестиков, а цвет подобен огню. Распускается она в ночь на Ивана Купала и держится не более 5 минут, но где растет — никому неизвестно. Достать ее очень трудно, и сопряжено это с большой опасностью, потому что всякого, кто найдет ее, черти стараются умертвить. Если приложить разрыв-траву к запертой двери или замку, они немедленно разлетятся на части, а если бросить в кузницу, то ни один кузнец не сможет сварить и выковать железо, хоть работу бросай!

Разрыв-трава ломает и разрывает даже металл. Воры, когда им удастся добыть эту траву, разрезают себе палец, вставляют ее внутрь разреза, а потом заживляют рану. От одного прикосновения такого пальца замки отпираются и сваливаются с дверей и сундуков. Если прикоснуться пальцем к человеку, тот скоропостижно умирает. Чтобы достать ее, надо в полночь накануне Иванова дня забраться на дикий пустырь и косить траву, пока не переломится железная коса. Этот перелом и служит знаком того, что лезвие косы ударило о разрыв-траву. В месте, где упадет коса, нужно собрать срезанную зелень и бросить ее в ручей или в реку. Обыкновенная трава поплывет вниз по воде, а разрыв-трава — против течения. Тут ее и бери...

В некоторых старинных поэтических сказаниях Перун «отпирает» облака и посылает дожди и плодородие. Но в его божественной воле и не давать благодатного дождя, и наказывать смертных неурожаем, почему и считалось, что он может «замкнуть» («закрыть») тучи и задержать дождь. К Перуну обращались не только с мольбами о дожде, но и с просьбами установить ведро (хорошую погоду) в периоды долгих ливней.

Иногда фантазия древних славян уподобляла падающий дождь крови, текущей из ран, которые наносили Перуновы стрелы облачным демонам. Это породило заговоры на восстановление крови (руды), обращение к Перуну с мольбами «запереть» кровавые раны, как «запирает» он дождевые потоки...

Считалось, что молнией Перун прогоняет «злых демонов», поэтому в народных верованиях она представляется спасительным орудием против всякого дьявольского наваждения и чародейства. Уподобляя это орудие ключу, древний человек прибегал к Перуну с мольбами укрыть его от вражеских замыслов своим облачным покрывалом, оградить и замкнуть своим золотым ключом уста ведьм и колдунов, готовых наслать всевозможные бедствия и болезни.

Перунов цвет, по народным сказаниям, отверзает облачные скалы и криницы и потому служит как бы ключом к скрытым в них сокровищам солнечного цвета (небесного золота) и дождя (дорогого вина). В зимние холода прекрасная богиня Лада скрывается за густыми тучами и туманами и остается за их мрачными затворами печальной узницей до тех пор, пока не расцветет весной пламенный цветок Перуна, не отопрет темницы...

Весной, после того как золотой ключ-молния отопрет замкнутое небо, появляются росы и дожди – небесные слезы. Поэтому Перунов цвет, низводящий эти слезы на землю, получил еще одно название – «плакун-трава». Срывают ее в Иванов день на утренней заре. Люди верили, что корень и цвет плакун-травы обладают великой силой: усмиряют нечистых духов, делают их послушными воле человека, уничтожают чары колдунов и ведьм, спасают от всяческих недугов. Плакун открывает клады и заставляет демонов плакать, т. е. вынуждает тучи проливать дожди. Кому посчастливится найти и выкопать корень плакун-травы, тот производит заклятие.

Дева Заря выводит поутру ясное солнце и прогоняет темную ночь. Так и Перунов цвет-молния силой разгоняет тучи и проясняет дневное светило. Перунов цвет разит демонов и чертей и заставляет их в трепете разбегаться в разные стороны, потому его еще называли чертополохом, одолень-травой и прострел-травой.

Украшения (фибулы) одежды древних славян

По народным поверьям, чертополох прогоняет колдунов и чертей, оберегает домашний скот, врачует людей. Одолень-трава одолевает нечистую силу. С цветком и веткой Перуна связана идея возрождения и увядания, умирания природы. Молния – орудие смерти. Падая на человека или животное, она тут же убивает их. Опаляя дерево, заставляет его сохнуть. Смерть же на древнем поэтическом языке есть непробудный сон. Оба эти понятия – смерть и сон – в мифологических сказаниях древних славян и других индоевропейских народов служили для обозначения зимы и ночи.

Весной Перун, разбивая золотым ключом-молнией облачные горы, творил земное плодородие, в мае отпирал светлое небо, а осенью тем же ключом-молнией запирает небо на всю долгую зиму. Так молния, которая весной воскрешает природу к жизни, поздней осенью погружает ее в смертельный сон.

Зимой Перун сам засыпает непробудным сном (умирает). На зиму он как бы совсем скрывается. Очарованный, заклятый, полоненный враждебными демонами, он вместе со своим победоносным воинством спит до весны в облачных горах и замках.

В сказаниях «Вед» пробужденный весной Индра (индийский аналог Перуна) разрушает своими огненными стрелами семь городов демона зимы и выводит из-за крепких затворов стада небесных коров, несущих благодатное молоко – дождь. Старинный миф о погружении в сон и пробуждении божества творческих сил природы сохранился у славян в сказочном эпосе.

В нем повествуется о том, как ненаглядная красавица потеряла своего милого, пустилась странствовать и после долгих поисков нашла его в союзе с безобразной женщиной. У этой новой жены она покупает за серебряные и золотые диковинки (эмблемы весны) право провести с мужем три ночи, в течение которых пытается разбудить его, напоминая о себе трогательными причитаниями. Но он спит крепким сном... И только на третью ночь ей удается пробудить его от сна, насланного хитрой волшебницей, отстранить ее и войти в права настоящей супруги.

Эта сказка известна и другим индоевропейским народам, а смысл ее заключается

в следующем: в печальный период вьюг и морозов бог-громовник Перун покидает свою красавицу — богиню лета и вступает в новый союз с колдуньей-зимой, которая усыпляет его и не снимает с него своих чар, пока не появится весна...

Перунова палица. Польский историк Стрыйковский (XVI в.), автор обширной хроники-летописи, в которой излагается история польского, литовского и русского народов с древнейших времен, писал, что истукан — идол Перуна (Перкуна) держал в руке камень, а перед ним постоянно пылал священный огонь. В летописи это известие передано так: «Перконос, си есть Перун, бяше у них старейший бог, создан на подобие человеке, ему же в руках бяше камень, многоценный аки огонь; ему же огонь неугасающий с дубового древия непрестанно паляху». Если пламя почему-либо гасло, то для того, чтобы зажечь костер, люди высекали огонь из камня, который держала рука идола.

В одной русской сказке герой бросает в несущегося по воздуху черной тучей колдуна кремень и огниво, и оттого рождается пламя, в котором гибнет злой волшебник.

В народном русском эпосе у Перуна, других сказочных героев и мифических змей есть богатырская палица. Возможно, это слово происходит от понятия простой палки-дубинки (впрочем, как и понятие дубинки — от дуба); затем его стали связывать с кованым металлическим орудием. Здесь очевидна та же связь междужигающим огнем (карающей молнией) и побивающим оружием: палица от слова «палити» (пламя), «запалить» (запулить) в кого-нибудь чем-то, т. е. ударить. Огонь, добываемый из камня, вызывался ударом кресала, а если из дерева, то трением. Такой огонь, добытый из дерева, в народе называли «живым», он служил символом небесного огня-молнии; дождь, низводимый на землю богом-громовником Перуном, назывался «живой водой».

Перуновой палице соответствовала клинообразная, заостренная палица германоскандинавского бога грома, бури и плодородия Тора — божественного богатыря, защищавшего богов и людей от великанов и страшных чудовищ. Этой палице не могла противостоять никакая броня. У Гермеса — греческого вестника богов, покровителя путников, проводника душ умерших, помимо золотых крылатых сандалей, был и окрыленный жезл. Крылья жезла олицетворяли быстрый полет молнии. Палица как значение карающего божественного орудия стала символом власти и превратилась в царский скипетр, жреческий и судейский жезлы.

Сухое дерево, трением которого добывался «живой огонь», получало в заговорах символическое значение молнии. Пламя молнии иссушает дождевые тучи, а поскольку дождь считался кровью, то возникло поверье: чтобы остановить идущую кровь, надо зажечь сучок на бревенчатой стене.

Молнию изображали и в виде блестящего меча. Слово «меч» очень древнего происхождения. Скифы чтили своего молниеносного Дива, образ которого они усматривали в старом железном мече, воткнутом в землю перед судьей. Об аланах¹⁴⁴ римский историк Аммиан Марцеллин говорил, что они, подобно римлянам, чтили своего бога Марса под тем же символом. По свидетельству «Старшей Эдды»¹⁴⁵ — памятника древнескандинавского эпоса, у одного из героев

¹⁴⁴ Аланы — ираноязычные племена, с I в. жили в Приазовье и Предкавказье. Часть аланов участвовала в великом переселении народов. Кавказские аланы (русск.: ясы, язы) — предки осетин. После монголо-татарского нашествия ушли в Закавказье.

¹⁴⁵ «Старшая Эдда» — памятник древнескандинавской языческой поэзии, сложившийся в IX–XII вв. и содержащий мифологические песни о подвигах и приключениях богов и героев.

«Младшая Эдда» — произведение исландского писателя Снурри Стурлусона, написанное в 1222–1225 гг. и содержащее обзор древнейших мифов. Включает также поэтические обозначения,

(Фрейра) был сияющий меч.

В русских преданиях пламенным мечом наделят Илья Пророк,¹⁴⁶ на которого перенесено в христианскую эпоху древнее поклонение Перуну, причем, если поклонение Перуну (Перкунасу) было распространено среди западных славян, то Илья Пророк разъезжал в колеснице по всему славянскому небу.

То же мифологическое значение соединяется поверьями с острым ножом. На Украине долго сохранялось предание, что если окропить нож «святой» водой (метафора дождя) и бросить в вихрь, поднятый дьявольской пляской, то нож упадет в землю, обгащенный кровью нечистого, т. е. молния поразит демона-тучу. Есть рассказ и о колдуне, который вбил под порогом одной избы новый острый нож, а вслед затем поднялся страшный вихрь, который подхватил его недруга и семь лет носил по воздуху (предание, основанное на связи Перуновой палицы с вихрями, сопровождающими грозу).

В народных преданиях часто упоминается чудесное победоносное оружие, и почти у всех племен языческие боги — это вооруженные воины, принимающие участие в героических битвах. Такими изображает, например, «Илиада» греческих богов, «Эдда» — скандинавских.

В раскатах грома слышится звук небесного оружия, в вое бури — звуки военных рогов, в блеске молнии угадываются искры от ударов мечей. Бурная гроза ассоциируется с битвой, и, видимо, неспроста в русском языке родилось выражение «зажечь пламя войны». В «Слове о полку Игореве» приближение вражеских ратей сравнивается с черными тучами: «Черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великого! Ту ся копием приламат, ту ся саблями потручяти о шеломы половецкыя!»

Греческий и этрусский Арес, римский Марс, которые прежде руководили небесными битвами, стали предводительствовать в войнах людских и из богов, олицетворявших стихии, превратились в олицетворения войны и ее кровавых ужасов. То же произошло и у славян.

В русской мифологии об оружии богов войны, кроме Перуновой палицы, говорится немного, однако летописцы упоминают о «клятвах оружием перед кумирами»: «А Ольга водиша и мужий его на роту, по русскому закону кляшася оружием своим и Перуном... и Волосом». «Заутра призвал Игорь слы, и приде на холм, где стояше Перун, покладаша оружие свое и щиты и золото, да кленутся о усем». На нарушивших клятву призывалось мщение бога-громовника: «...да будут они кляты от бога и от Перуна и да погибнут от собственных своих мечей».

В русских сказках можно узнать о топоре-саморубе и диковинной палице, или дубинке-самобое (кий-бий), которые по приказу их обладателя устремляются на враждебные полки, побивают несметные силы и, кончив дело, возвращаются обратно. Место дубинки и топора иногда занимают меч-самосек, или кладенец, и клюка: «...где махнет помело, там смерть неприятельской рати, что ни захватит клюка — то в плен волочет».

Богатырь выкапывает меч-кладенец из-под высокой горы-тучи, где он лежит, скрытый от людей, как драгоценный клад. В этой же горе таятся и золотыеклады мифических великанов, змеев, карликов. В одной русской сказке рассказывается о мифических кузнецах, кующих

иллюстрированные стихами скальдов, и поэму Снурри Стурлусона с прозаическими комментариями.

¹⁴⁶ *Илья Пророк*, согласно легенде, жил в период царствования израильского царя Ахава (776–854), был ревностным поборником иудейской религии, отвергал идолопоклонство. Будто бы совершил ряд чудес и был взят живым на небо.

мечи. Кузнецы эти калят железо и бьют его молотами. Удар — и готов солдат с мечом и саблей, хоть сейчас на битву!

У северных народов существовало предание, в котором так повествовалось о сотворении земли: господь (Перун) создал землю, но нечистый дух взрыл ее, нагромоздив высокие горы и разверзнув непроходимые пропасти. Тогда господь ударил молотком о камень и создал свое воинство. С тех пор между воинами началась великая война.

Это предание можно считать аналогом греческого мифа о Язоне, вспахавшем поле медными быками, которых сделал Вулкан — римский бог разрушительного и очистительного пламени. Эти быки извергали из ноздрей и ртов пламя. Затем Язон посеял зубы дракона, и из них выросли воины, но, поражая друг друга, они все до единого погибли.

Смысл предания становится ясным, если принять во внимание, что, по древним представлениям многих народов, громовые тучи уподоблялись быкам и коровам, а молнии — острым зубам дракона.

Другой греческий миф представляет воинственную Афину, рождающуюся из головы Зевса, т. е. грозовую тучу, в полном вооружении. Согласно одним мифам, Гефест¹⁴⁷ или Прометей¹⁴⁸ разрубили топором голову Зевса, по другой версии, было расколото облако — и появилась на свет богиня с молниеносным копьем в руке.

Параллельно с этими мифами существовало у славян предание о Перуновой палице, позднее оно, правда, уже в применении к новому вооружению, породило народные рассказы о чудесном ружье, стреляющем без промаха.

Древние славяне всегда усматривали в атмосферных явлениях картины ожесточенной борьбы и видели в них пророческие знамения грядущих войн, побед и поражений. Светлые столбы, видимые во время сильных морозов около солнца, крестьяне считали предвестием войны. Кровавый цвет зари и преломленных в облаках солнечных лучей наводил на мысль о проливаемых потоках крови. Под влиянием подобных ассоциаций воздушных гроз с обыкновенными битвами люди начали спускать богов с высокого неба на землю. Теперь боги стали принимать участие в людских расправах и собственным оружием помогать своим поклонникам против чуждых им иноверцев, которые не приносили им ни жертв, ни молений. В христианскую эпоху мысль о содействии древних богов успехам войны была перенесена на ангелов святых и святых угодников (Георгия Победоносца, Бориса и Глеба, Александра Невского).

Называя тучи горами, небесные светила — серебром и золотом, разящую молнию — палицей и молотом, древний человек невольно пришел к созданию мифологических сказаний, в которых бог-громовник (Перун) и грозовые духи (великаны и карлики) отождествлялись с рудокопами и кузнецами. Своими острыми палицами они роют облачные горы и извлекают оттуда небесные сокровища; молотами бьют они по скалам и камням-тучам как по твердым наковальням и изготавливают для богов золотые и серебряные украшения и оружие. Например, в «Ведах» рассказывается о том, как искусный кузнец-художник и духи молний ковали могучему Индре золотую палицу, стрелы и громовой молот. У греков таким кузнецом-художником был бог Гефест, у славян гроза также изображалась как кузнечная работа, а Перун бил дьявола кузнечным молотом.

В народных поверьях молния часто уподоблялась извивающейся змее, что послужило основой для возникновения мифологических сказаний о молнии-биче, ударами которой бог-громовник казнит демонов туч. В гимнах «Вед» Индра, нагоняя Вритру, бичует его огненной плетью с тысячью остроконечных узловатых хвостов. Кругом сыплются искры, а в ударах плети-бича слышатся раскаты грома. Западные

¹⁴⁷ *Гефест* — в греческой мифологии бог огня и кузнечного дела.

¹⁴⁸ *Прометей* — в греческой мифологии титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и передавший его людям. За это по приказу Зевса был прикован к скале и обречен на постоянные муки: прилетавший каждый день орел расклевывал его печень, но за ночь она снова вырастала. Освободил Прометея и убил орла Геракл.

славяне усматривали в грозе божество, преследующее черта синим бичом. «Синий» — древнейший эпитет молнии, блеск которой отождествляется с синими огоньками, перебегающими по красным углям догорающего костра. В «Слове о полку Игореве» встречается выражение «трепещут синии мълнии» — синее пламя считалось священным. Размахивая бичом, бог-громовник вступал в брачный союз с землей, рассыпал по ней семя дождя и давал урожай.

Вот откуда пошел обычай: во время свадьбы дружка, который обязан охранять молодых людей от нечистой силы, враждебной плодородию, сопровождает свои заклания хлопаньем бича. Тот же смысл имел и более поздний обычай стрельбы из ружей во время свадебного поезда.

Наряду с поэтическими картинками, изображающими войну небесной грозой, «Слово о полку Игореве» сравнивает битву и с молотью хлеба, и с ковкой металлов: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела»; «Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше».

Впечатление, производимое раскатами грома, стуком кузнечных молотов, молотильных цепов, и мысль о наносимых ударах, соединяясь в этих различных представлениях, сблизили их между собой и породили целый ряд мифологических сказаний.

Перун — Илья Пророк — Илья Муромец. В русских песнях, сказках и преданиях часто встречается имя Ильи Муромца, якобы совершавшего различные богатырские подвиги. И хотя Илья Муромец известен как лицо историческое (он жил около 1188 г.), тем не менее в народном эпосе ему приписываются черты более древние, принадлежащие к области мифологических представлений о боге-громовнике Перуне.

В христианскую эпоху верование в Перуна, в его воинственные атрибуты, а также сказания о его битвах с демонами были перенесены на Илью Пророка. Илья Муромец, сходный с Ильей Пророком по имени и, согласно древним представлениям, святостью своей жизни, а возможно, и воинскими доблестями, слился в единый образ, и там, где, по преданию, конь Ильи Муромца выбивал копытом источники ключевой воды, народ ставил часовню во имя Ильи Пророка. Крестьяне объясняли громовые раскаты поездкой по небу Ильи Муромца на шести жеребцах. Похождения Ильи Муромца с богатырем Святогором полностью принадлежат к области древнейших мифов о Перуне.

Тридцать лет от самого рождения просидел Илья Муромец сиднем, не двигаясь с места. Но вот по божьему велению приходили два калика перехожие,¹⁴⁹ становились под окошечко косящатое и просили милостыни. И говорил им Илья: «Нищие братья! Взойдите ко мне во храмину: есть у нас всего много, а подать вам некому». И отвечали ему калики перехожие: «Встань-ка сам!» «Сижу сиднем я тридцать лет, а вставать не встану — нет у меня ни рук, ни ног», — говорит Илья. И продолжают калики перехожие снова: «Встань-ка сам!» Илья сидит, силу пробует, а в ответ держит речь: «Встал бы я, и сила есть, да нет ног!» И говорят ему калики перехожие в третий раз: «Встань-ка сам!» Илья сидит, силу пробует: тронет ногу — нога поднимается, посередь пола становится. Встает Илья, поднимается. И говорят ему калики перехожие: «Сходи-ка за пивом, да напой нас». И взял Илья братину великую, пошел в подвалы глубокие, налил братину пивом крепким и поднес каликам перехожим, и каждый раз калики перехожие говорили: «Выпей сам». Хватил Илья братину, только и видели пиво. И спросили Илью калики перехожие: «Как велика сила твоя?» И молвил Илья: «Кабы был столб от земли до неба, я перевернул бы всю землю!»

В народных сказаниях богатырь, собирающийся на битву со змеем — демоническим представителем зимних облаков и туманов, должен трижды испытать

¹⁴⁹ Калики перехожие — былинный образ путников, выполнявших верховную волю Божью.

«живой» («сильной») воды, и только тогда он получал силу поднять меч-кладенец. Пиво, которое пил Илья Муромец, — старинная метафора дождя. Окованный зимней стужей, богатырь-громовник сидит сиднем без движения (не заявляя о себе грозой), пока не напьется «живой» воды, т. е. пока весеннее тепло не разобьет ледяных оков и не превратит снежные тучи в дождевые. Только тогда зарождается в нем сила, и он уже может поднять молниеносный меч и направить его против темных демонов. Наделенный богатырской крепостью, Илья Муромец отправляется на свершение богатырских подвигов.

Как имя Перуна было заменено именем исторического героя Ильи Муромца, так и миф о борьбе его с демоническими существами — великанами и змеями был перенесен на битвы самого раннего периода существования русской государственности, когда общественный строй Руси еще не окреп. Внутри ее границ, среди лесов и пустынных мест легко укрывались разбойники, а извне, из широких степей угрожали ей непрерывными набегами дикие кочевники, против которых должны были бороться русские воины.

Каменный рельеф (собор в г. Владимире)

Илья Муромец усмиряет разбойников, освобождает славянский Черниговград, и в этих ратных подвигах сохраняет свое родство с древним Перуном. Он действует его оружием — все сокрушающими стрелами и выезжает на таком же чудесном коне, как и бог-громовец.

Конь его словно сокол летит, с горы на гору перескакивает, с холма на холм перемахивает, реки, озера и темны леса промеж ног пропускает, хвостом поля устилает. Подобно Зевсову коню Пегасу, он выбивает копытами колодцы.

Окруженный разбойниками, Илья Муромец вынимает тугой лук, вынимает стрелу каленую, натягивает тетиву и пускает стрелу по сыру дубу.

Сражаясь один против несметных полчищ кочевников, он куда ни бросится — там улица, где ни поворотится — часты площади. Наезжает Илья Муромец на Соловья-Разбойника, который свил себе гнездо на 12 дубах и свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом. Илья Муромец сшиб его каленой стрелой и повез с собой в Киев.

Во многих народных сказаниях Соловей-Разбойник заменяет Змея-Горыныча, а Илья Муромец побивает двенадцатиглавого змея, избавляя от него красавицу-королевну.

В образе Соловья-Разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной грозовой тучи, с которой сражался бог-громовник Перун. Именно такое олицетворение Перуна появляется в русской мифологии, где образ его связывается с народными героическими представлениями.

ВОЛОС — ВЕЛЕС — ВЛАС

Божество, известное у различных ветвей славянства под именами Волос, Велес, Влас (в церковнославянской традиции — Власий), было для них столь же значимым, как и Перун. Правда, оно не вошло в пантеон богов, введенный князем Владимиром. Но идол Волоса в Киеве все же был. Стоял он не в княжеском городе, а на Подоле, близ реки Почайны, куда и был сброшен после крещения князя. Это различие имело определенный социально-политический смысл: Велес считался богом всей Руси, а Перун — лишь княжеской дружины.

Ученые В. Н. Топоров и В. В. Иванов исследовали смысловое значение (семантику) всех слов, связанных с корнем «вол» — «вел», и пришли к выводу, что эти слова близки к имени демона Валу из индийской мифологии.

В иудаистской и христианской мифологии Велиал — демоническое существо, дух небытия, лжи и разрушения, вождь «сынов тьмы», противник Иисуса Христа, возможно, равнозначен Сатане (греч.: «дьяволос», рус: «черт») — врагу

человеческого рода, царю ада и повелителю бесов.

В балтийской мифологии Велес (Велняс) означает демона и черта. Он — оборотень с рогами и копытами, который может воплощаться в камне, дереве и животных. Велняс связан с водой («глаз Велняса» — окно в болоте), а также с музыкой и танцами. Иногда он выступает как древнее божество подземного царства, выполняя функции Велеса — бога загробного мира и скота, которому посвящены дни мертвых — «велии». «Веле» — души или тени усопших (к этому ряду относится по своему происхождению и славянское «вилы»). У некоторых славянских народов Велесов месяц — октябрь. День октября, когда совершали обряд поминовения усопших, считался днем Велеса. Тогда же сжигали кости животных во имя Власия — покровителя скота.

В индоевропейской традиции существовало представление о загробном мире как о пастбище мертвых, а древнегреческие Елисейские поля¹⁵⁰ происходили от корня «валу», означавшего «умирать». В более поздней, уже православной традиции Велес — лютый зверь, черт, а поэтому леший — это «Велс-Елс», «Волосатик», «Волосень». В чешском языке Велес — злой дух, демон.

Велес — противник Перуна. Как противник громовержца Перуна Велес выступает в виде существа змеиной породы. Видимо, отсюда произошли и эпитеты волоса «длинный», «извивающийся». В древнеевропейской мифологии эта идея отражала борьбу небесного начала — птицы и начала земного — змеи. Подобный сюжет можно встретить на многих изображениях в Египте, Иране, Индии, Вавилоне. Позже он перешел в борьбу птицы и коня против змеи и встречается в изображении египетского бога Гора с птичьей (соколиной) головой, сидящего на коне и поражающего змея копьем, а на Руси — в образе святого Георгия на коне, убивающего змея. По существу во всех случаях здесь налицо изображение извечной борьбы духовного и материального начал, а также небесного и земного, которая происходит и внутри человека — борьба его духа и плоти и, кроме того, выражение борьбы добра и зла в их самых общих проявлениях.

Велес — власть — владыка. В древнерусских источниках, начиная с договора Олега с греками (907 г.), в «Повести временных лет» Велес выступает как «скотий бог» — покровитель домашних животных, как бог богатства и власти. В договорах с греками Велес соотносится с золотом, а упоминаемый вместе с ним Перун — с оружием.

Велес — святой Власий. После принятия христианства у Волоса-Велеса появился двойник — святой Власий Севастийский. В XIV в. в Новгороде, на древней Волосовой улице, очевидно, на месте идола этого древнего божества, была поставлена церковь святого Власия: в средневековье церкви, ставившиеся на месте свергнутых языческих идолов, обычно носили имя того христианского святого, который приходил на смену своего древнеславянского мифологического предшественника.

Кроме того, мы должны обратить внимание и на календарность христианского празднования, так как именно в ней может быть разгадка языческого прототипа. В данном случае перед нами праздник Богоявления — Крещения, отмечаемый 6 января. Крещение — последний день 12-дневных зимних святок, начинающихся в ночь с 24 на 25 декабря (включая языческий Новый год — 1 января) и заканчивающихся русальными «бесовскими» играми 6 января. Отрезок времени с 1 по 6 января считался временем разгула всякой нечисти. Это были «страшные

¹⁵⁰ Древнегреческие Елисейские поля — данное понятие ассоциировалось с пастбищем мертвых в загробном мире. Корень «(в)елис» совпадал с корнем мифологического имени Елисей. Существовали многочисленные мифы о чудесах, якобы совершенных Елисеем посмертно.

вечера» (на Крещение гадали, устраивали смотрины невест, игрища с песнями и плясками). В день Богоявления производились некоторые ритуальные действия над скотом, ибо он сопоставлялся с днем святого Власия — покровителя скота.

В книге «Неведомая, нечистая и крестная сила» (СПб., 1903) С. В. Максимов так описывает эти обряды: «После обедни, которая на Крещение отходит рано утром, крестьяне расходятся по домам... потом один из членов семьи берет с божницы икону с зажженной перед ней свечой, другой — кадьлицу, третий — топор, четвертый (обыкновенно сам хозяин) надевает вывороченную наизнанку шубу и берет миску с Богоявленской водою и соломенное кропило. Вся семья отправляется на скотий двор, где совершается обряд. Глава семьи в вывороченной мехом вверх шубе, угощающий скот оставленными для этой цели с осени снопами ржи, овса и других хлебных растений и заклинающий его сохранность при помощи топора, выглядит так, как выглядеть должен был, вероятно, древний волхв, жрец волохатого бога Волоса».

Именно на зимние праздники пекли обрядовое печенье, изображавшее скот, — «коровки», «козульки», «баранки», «рожки» и другие.

В Болгарии в новогодних обрядах 1–6 января участвовали 12 старцев, одетых в маски зверей и домашнего скота, обвешанных по поясу коровьими бубенцами-болталами. Эти старцы-сурвакары (иногда их называли медведями) сходились в ночь под Новый год из разных деревень в село и начинали свое длительное многообразное действо, состоявшее из заклинательных обрядов и сражения двух групп ряженных. Среди масок были маски медведя и быка. 2 января болгары проводили особый «волохий» праздник, когда сурвакары и колядники очищали хлевы. Последним днем святого Власия у болгар было 7 января, когда вожак колядников угощал свою дружину, являющуюся в масках. Маска медведя была обязательной. По всей вероятности, святки делились на две половины: первая, включая новогоднюю ночь, посвящалась будущему урожаю и гаданию о замужестве; вторая, начиная с новогодней ночи, была связана со скотом и зверьем и представляла собой «велесовы дни».

Итак, Велес ассоциировался со зверьем и скотом. Он мог выступать в образе медведя, «лесного царя» и в виде быка-тура, представителя рогатого богатства. На Руси культ Велеса-Власия связывался также с почитанием медведя как хозяина животных и лося сохатого, рогатого.

Велес-медведь и Тур. Когда-то, еще в охотничьем неолитическом обществе, Волос почитался как хозяин леса, божество охотничьей добычи и представлялся в облике медведя. Возможно, как считает Б. А. Рыбаков, само имя его было лишь нарицательным иносказанием из-за того, что на подлинное имя было наложено табу: Волос — волохатый, косматый, как позднейший медведь — мед ведающий, как лось сохатый, рогатый. В какой-то период с понятием «волохатости», «косматости» был связан обряд, во время которого колдун-жрец, имитируя охоту, наряжался в звериную шкуру. Позднейшие охотники на медведей не маскировались в медвежью шкуру, но в качестве ритуальной одежды она дожила до XIX в.

Несколько более поздняя ипостась (сущность, проявление) Велеса, связанная со скотоводством, — тур, встречающийся в южнославянских областях от Украины до Далмации. После введения христианства на имя популярного славянского бога был наложен строгий запрет, а в святочных песнях появилось новообразование «тур-турицы».

Рядились в звериные маски и вывороченные тулупы дважды в год — на зимние святки и на масленицу, связанные с солнечными фазами (зимним солнцестоянием и весенним равноденствием).

Дохристианская масленица по времени совпадала с архаичными комоедицами — праздниками пробуждения медведя после долгой зимней спячки, известными еще с эпохи древнекаменного века (палеолита). На масленицу белорусы исполняли

ритуальный танец в шубах мехом наружу (от комоедицы произошла греческая комедия).

Так получилось, что обычай ритуального переряживания на святки и на масленицу оказался прочно связанным с Велесом в его первичном образе бога зверей и более поздними вариациями «скотьего бога».

Велес — покровитель поэзии. По записям этнографов середины XIX в. известно, что под Новый год, когда, как бы прощаясь со всем старым, в деревнях исполняли целые циклы былин («старин» — мифологических сказаний), а в традиции большинства славянских народов Новый год был праздником Велеса. Зимние святки являлись кульминацией праздничного песенно-танцевального творчества всех жанров, поэтому неудивительно, что божество, вокруг которого и ради которого пели и танцевали, древние славяне почитали и как покровителя песен-сказаний, вообще поэзии. Исполнители такого рода ритуальной поэзии, как былины и сказания, вполне могли именоваться «Велесовыми внуками» (вспомним обращение автора «Слова...» к Бояну: «Вещий Бояне, Велесов внуче!»).

Велес-волхв. Ученые усматривают мифологическую связь слов «Велес» и «волхв» в связи волхвов с культом Велеса. Сам бог и его жрецы-волхвы слыли чудесными врачевателями, поскольку обладали сакральным «живым» огнем. Однако «волхование» связано и с «нижним» миром — миром умерших, покоящихся в земле и обеспечивающих ее плодородие. Отсюда понятна и связь Волоса с этим миром. Но помимо того, что Велес исполнял жреческие функции и имел теснейшую связь с искусством, он еще являлся покровителем скота.

Существует и другая линия связи жреческих функций с символикой быка: символическая связь быка и луны, коня и солнца широко известна из ранних мифологий. В глубокой древности люди знали «солнечный год» с 12 месяцами и «лунный год» — с 10, а поскольку период беременности лошади равняется 12 месяцам, коровы — 10, постольку тема «лунного быка» и «солнечного коня» получила предельно широкое распространение и обнаружена еще в настенных рисунках палеолитических пещер. Мифы, сказки, обряды, связанные с Волосом, были сродни мифам, сказкам и обрядам в честь воскрешающего божества природы и культурного героя-первопредка Волоса. Все это объясняет соединение в Волосе черт живой природы (медведь, змей) и человеческой культуры (покровитель песен, поэзии, жрец).

Велес — «волосова борода». Связь Велеса с сельскохозяйственными культами видна из восточнославянского обычая оставлять на поле несжатые несколько стеблей хлебных злаков — «волотей», называвшихся «волосовой бородкой». Обозначение этой последней горсти колосьев — «Волосу на бородку» — известно только русским, у западных славян его нет. У южных славян сохранилось выражение «божья борода», но имя бога уже забыто. Сочетание мертвого поля с «велесовой бородой» и последним снопом также в какой-то мере объясняет связь Велеса с миром предков, миром умерших, о чем мы только что упоминали.

С распространением земледелия, которое постепенно приходило на смену охотничьему хозяйству, связь Велеса с убитым мертвым зверем, сформировавшаяся в сознании древних славян в пору их занятия охотой, стала осмысливаться шире — как связь его с миром мертвых вообще.

В сознании древних пахарей предки, захороненные в земле, содействовали ее плодородию. Угощение «дзядов»¹⁵¹ («дедов» — духов умерших предков) на кладбище или за домашним столом имело аграрномагический смысл. Правомерно

¹⁵¹ Дзяды — распространенное название предков — дедов (польск.).

допустить, что именно по этой причине (в связи с культом предков) Велес и в земледельческом хозяйстве сохранил связь с культом мертвых.

В XIX в. крестьяне-земледельцы жертвовали Волосу последнюю горсть колосьев, оставшуюся на сжатой ниве. Хлеб убран, поле омертвело, и лишь тогда земледелец вспоминает о Волосе, оставляя ему на бородку колосья и завязывая их узлом. Наряду с этим обычаем у некоторых славянских народов существовало почтительное отношение и к последнему снопу, увозимому с поля: они любовно называли его «дедом», «стариком», «бабой», а зерна считали плодовитыми и примешивали к зернам посевным.

И все-таки, несмотря на эти «дополнительные» земледельческие функции бога Велеса, они не заменили его основной сущности — бога загробного царства и скота, которая сохранилась вплоть до христианизации Руси.

ТРОЯН-ТРАЯН

Существовало у славян древнее языческое божество, которое называли Троян (Траян), а иногда Триглав или Трояк. Корень «три» в этом имени побуждал иногда изображать божество с тремя головами на одном туловище. Так было у западных славян.

Троян был богом-воином, богом-наездником. Его популярность, распространенность и связь с воинством были столь широки, что именем бога-воина называли военные сооружения, географические пункты. Возможно, это имя имеет отношение и к имени реального исторического лица — римского императора Траяна, с которым связывают строительство валов, ограждавших границы Римской империи. Однако количество Трояновых валов выходит далеко за границы походов императора, и только на территории нашей страны общая длина таких валов достигает 400 км. Кроме того, валы нередко носят название «Змиевых валов», что прямо связано с мифологией. Сегодня чрезвычайно трудно установить, какие обличья и в какие эпохи принимал мифологический Троян у индоевропейских народов и что точно означало его имя. Известно лишь, что древнерусское слово «третей» означало «суд», «судья»; литовское «третиас» — «третейский суд». В «Ведах» Трита — бог справедливости, в «Авесте» Трайтайона — бог правды, истины.

Вероятно, соотнесенность имени Трояна с числом «три» и с такими важными понятиями, как справедливость, истина, способствовала его особенно широкому распространению в глубокой древности.

Вообще в целом ряде мифопоэтических традиций число «три» является первым, оно открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное божественное число. Образующий соединением трех точек, треугольник служил иероглифом (здесь: знаком, символом) божественной триады у всех народов древности.

Священная триада встречается во всех религиях мира как образ абсолютного совершенства, превосходства («тресветлый», «трисвятой») — вспомним «светлое-тресветлое солнце» в «Слове о полку Игореве». Кроме того, триада является основной структурой мифопоэтического макрокосма, а также социальной организации (для сравнения: три сферы Вселенной, три высшие ценности, божественные троицы и т. п.).

Число «три» служит символическим выражением триад: Неба, Земли, ада; прошедшего, настоящего, будущего; отца, матери, сына. В мифологиях многих народов начало их существования ведется от трех братьев. Геродот повествует о трех сыновьях скифского Таргитая, русские летописи — о трех братьях Кие, Щеке и Хориве; три брата постоянно присутствуют в русских сказках. Везде третье лицо

триады как результат первых двух обладает превосходством над ними, поэтому в сказках младший брат всегда оказывается героем. Кроме того, любое дело завершается лишь в результате трехкратного повторения. Обычай считать до трех для совершения какого-либо действия до сих пор сохранился в жизни многих народов мира.

Во времена скитаний, войн, походов славяне обращали свой взор к вечному над ними небесному своду, на котором им указывала путь белая дорога — Млечный Путь. Неизвестно, когда это название пришло к славянам, но известно, что у разных славянских племен эта серебристая туманная полоса называлась по-разному, в том числе и «Путь Траяна».

Млечный Путь опоясывает небесную сферу и хорошо виден в безлунные ночи. Человек заметил эту полосу еще в глубокой древности. И каждый народ придумал для нее свое имя и дал ей свою интерпретацию вовсе не случайно, он связывал их с какой-то конкретной, существенной для него земной реалией и характерным признаком самого Млечного Пути.

В одном из мифов Древней Греции так рассказывалось о появлении этой полосы на небе.

По приказу Зевса его сын Геракл, рожденный смертной женщиной, был поднесен к груди спящей верховной олимпийской богини Геры, сестры и супруги Зевса, чтобы молоко богини сделало младенца бессмертным. Однако проснувшаяся Гера резко оттолкнула младенца, а брызнувшее из ее груди молоко оставило на небе яркий белый (вечный, бессмертный) след — Млечный Путь.

Римляне взяли название Млечного Пути у греков, но было у них и собственное название — «Царская дорога Неба». Название могло прийти и с Востока, так как в древнем Шумере Млечный Путь был связан с богиней Наной, женой бога Неба. В санскрите Млечный Путь назывался «божественным», в Иране он был известен как «Тропа Аримана» — повелителя злых божеств, в Скандинавии — как «Дорога Одина», верховного бога скандинавской мифологии, в Молдавии — «Путь Траяна», в Валахии — «Небесный Траян».

В. М. Васнецов. Палаты царя Берендея

У южных славян, прежде всего у сербов и болгар, а также у славян, живущих на землях Румынии и Молдавии, существуют многочисленные сказочные предания и поверья о некоем царе Трояне. Для сербов и болгар царь Троян был мифическим существом, одним из духов мрака, не терпящих солнечных лучей. Боясь солнца, он выезжал по ночам, и однажды солнце растопило Трояна. Болгарский Троян-Траян был еще и хранителем золота и серебра, имел свое чудесное царство, строил города.

Румынский языческий Троян был богом снегопада и дорог, и в его имени сочетались два основных значения Млечного Пути: элемент белизны и дорога.

В «Слове о полку Игореве» много мифологических образов, и связь их с народными преданиями, легендами, с языческими божествами проследить нетрудно: это и упоминавшиеся Стрибог и Хорс, Велес и Дажьдбог, с которыми люди состоят в родстве, точнее — они внуки богов (русичи — Дажьдбожьи внуки, ветры — Стрибожьи внуки, Боян — внук Велеса). Как и Боян, автор «Слова о полку Игореве» обращался к древнейшей эпохе: «Были вечи Трояни...», и еще три раза упоминаются в «Слове...» названия, связанные с именем Трояна: «в тропу Трояню...», «на седьмом веце Трояни», «на землю Трояню...».

Что могли означать эти упоминания Трояна, как соотносить их с землей русов, с землей славян, как далеко могли уходить троянские тропы по троянской земле в троянское время? Помочь ответить на эти вопросы могут знания об ареале распространения славяно-русских корней во времени и пространстве, а также сведения о родословной славянских народов (т. е. об их роде и слове), об их истории.

Существует много свидетельств масштабности, всеохватности мышления древнего славянина, который стремился удержать в своем воображении огромный

пространственный и временной мир, представавший перед ним. Тысячелетия запечатлевали в народной памяти какие-то устойчивые образы, создавая из них то мифологические предания, то поэтические традиции.

СТРИБОГ

Это очень древнее божество олицетворяло стихию — прежде всего ветер. Недаром в «Слове о полку Игореве» появляются «ветры — Стрибожьи внуки».

Корень «стр(и)» часто встречается в названиях племен, населенных пунктов, рек, озер на огромном пространстве от нижнего Истра (Дуная) и Днестра (Данастра) через Украину, Моравию, Чехию, Словакию, Австрию, Италию: известное племя истры, давшее имя Истру-Дунаю, племя стримоны, жившее в Трое, а также по реке Стрима в нынешней Болгарии, города Баньска-Быстрица, Острава, Стршибро, Страсбург, да и в самом названии «Австрия» содержится этот корень. Есть множество названий водных бассейнов с таким корнем: Стривигор, Стронавки, Стружа, Струй, Струма, Стрима, Строна. Поэтому вполне правомерно предположить, что именно в этих местах некогда обитали племена с главным божеством Стрибогом.

Имя Стрибога через корень «стр»¹⁵² связан с именами языческих богов многих расселившихся по белу свету индоевропейских народов, но их прототипы взяты из славянских языков, поскольку в них сохранилось от древности множество слов с таким корнем: «стрый» (польск.: «дядя по отцу»), «старик», «старый бог», т. е. «бог-отец». Один из древнейших римских богов Сатурн был «прастарым богом», олицетворением безжалостной дикой стихии (известны мифы о пожирании Сатурном своих детей) и вместе с тем «течения времени» («время все поглощает»). Имя Стрибога связывается также с созвездием Стрельца.

Известно, что во многих языческих божествах отражены представления древних славян о звездном небе. Главным божеством народов Восточного Средиземноморья было то или иное созвездие Зодиака. Раз в год, когда новолуние приходилось на созвездие Стрельца, устраивалось празднество, во время которого появлялось символическое животное, посвященное божеству. Так, фракийцы водили в этот день козу, о чем писали древнегреческий философ Платон¹⁵³ и римский историк Тит Ливий.¹⁵⁴ На Днепре в новолуние тоже водили козу.

Ученый А. Знойко более 30 лет посвятил исследованию связи славян с ареалом Восточного Средиземноморья с IV тыс. до н. э. Он считает славянское язычество астральным (лат.: «астра» — звезда) культом древних цивилизаций, почти тождественных верованиям этрусков. В. И. Щербаков образно называет этрусков «листом, оторванным от славяно-хеттского дерева». Щербакову принадлежат многие исследования по установлению связей между этрусскими и русскими корнями языков и мифологии.

Поразительно то, что языческие обряды, праздники Рождества Христова (25

¹⁵² В этот корень могли включаться гласные *e, a, o, и, ы, у*, но порядок согласных оставался неизменным.

¹⁵³ *Платон* (428/427–348/347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, основал в Афинах школу (Платоновская Академия). Сочинения Платона — высокохудожественные диалоги «Тимей», «Пир», «Парменид» и др.

¹⁵⁴ *Тит Ливий* (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города».

декабря по н. ст., 7 января – по ст. ст.), Нового года (Щедрый вечер), Купала и другие, сохранившиеся у славян кое-где до наших дней, неизменно исполнялись еще в Трое, Фригии, у этрусков в Италии и были унаследованы Римом. Так, например, одинаковыми были обряды праздника Рождения месяца (Новый год) – жертвенные лепные пироги и гадания по внутренностям животных; в домах этрусков, как и у славян, обязательно были лежанки и скрины – сундуки для хранения одежды. Более 5 тыс. лет на Руси сохраняются пословицы, поговорки и национальные черты быта пеласгов и этрусков. От этих же общих с Русью предшественников заимствовали свои национальные блюда борщ и колбасу римляне.

И Стрибог – свидетельство глубоких и многовековых связей родственных народов. Согласно русской языческой традиции, солнце рождается в созвездии Стрельца в период зимнего солнцестояния. Из греческой же мифологии известно, что один из 12 титанов созвездия, а именно отец солнца Гиперион – титан зимнего солнцестояния – и есть Стрелец.

Солнце Стрибог, рождавшееся в созвездии Стрельца, представлялось русичам в образе младенца, сидящего на голове богини Лады, или символического яблока. Славяне называли этого бога еще и другими именами: Погода, Похвист.

СВАРОГ

Сварог считался высшим небесным божеством среди древних индоевропейских божеств, позднее его функции отошли к Перуну.

Имя «Сварог» связано с древнеиндийским словом «сварга» (небо), отсюда и значение – «божественный». Корень «сва» известен и в русском языке (сваха, сватья, сват). В древнеиндийской мифологии слово «сваха» употреблялось как восклицание при жертвоприношении богам и имело смысл русских восклицаний типа «Да будет благо!», «Во здравие!», «Благослови!». В русском свадебном обряде роль свахи определенно имеет связь с этими понятиями, она благословляет на божественный союз.

У чехов, словаков и украинцев Сварогу аналогичен огненный дух Рарог, а в восточнославянских заговорах – «Страха» (Раха).

Имя Сварога довольно часто употребляется в письменных памятниках. Так, в Ипатьевской летописи¹⁵⁵ читаем: «Некогда царствова на земле Соварог, высочайшее существо, отец света, научи человека искусству ковать и брачным связям». В другой летописи говорится: «И бысть по потопе и по разделению язык, поча царствовати первое Местром от рода Хамова, по нем Ермий, по нем Феоста, иже и Сварога нарекоша египтяне, и по сем царствова сын его именем Солнце, его же наричют Даждьбог...»

Сварог-Сварожич был посредником между небом и землей. Русские сказки о божественном кузнеце, который выковал плуг в 40 пудов, победил страшного черноморского змея и пропахал на нем целую оборонительную линию (Змиевы валы), близки к летописному рассказу о божестве Свароге, научившем людей ковать оружие, владеть им и обрабатывать землю.

СВАРОЖИЧИ

¹⁵⁵ Ипатьевская летопись – один из древнейших памятников южнорусского летописания. Начинается с «Повести временных лет» и доводит описание событий до 1292 г. Название получила от местонахождения одного из ее списков в Ипатьевском монастыре (Кострома).

Сыновей Сварога — «рождающего божества» — называли Сварожичами. Сварожичем был Дажьбог, занимавший почетное место в славянском пантеоне богов. На Руси он — бог солнечного дня — был известен еще и как «податель благ» (вероятно, по совпадению имени со словом «дать»).

Солнечные лучи представлялись славянину стрелами Дажьбога. Яркими лучами своими солнце гонит поутру ночь и рассеивает туманы, разбивает ранней весной льды и снега, карает в летний жар землю и ее обитателей. Ярославна недаром молила «тресветлое солнце» не простирать своих горячих лучей на воинов ее мужа. С солнцем связан мифологический родоначальник династии сколотских (скифских) среднеднепровских «царей» — Колаксай, Солнце-царь. Фрагмент этого мифа попал в летопись XII в., где Дажьбог назван «Солнце-царь». Последнего русского великого князя-язычника Владимира в былинном эпосе именовали Владимиром-Красное Солнышко, а праправнуков Владимира в «Слове о полку Игореве» — «Дажьбожьими внуками». Интересно, что имя греческого бога солнца Гелиоса, которого изображали едущим на колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней, славяне переводили как «Дажьбог».

Месяц в славянской мифологии был мужем богини Солнца, а Луна — супругой, женой Дажьбога. «Солнце — князь, Луна — княгиня». В качестве супруги Солнца Луна почиталась и у скифов.

Как и Перуна, Дажьбога называли дедом. А. Н. Афанасьев приводит украинское предание «о старом беловласом и сопливом деде, который бродит по свету, и, если утереть ему нос, он тотчас рассыпается серебром. Белорусы говорят, что это Белун, в образе которого олицетворялось ясное небо и который поэтому соединял в себе черты бога-солнца и бога-громовника, как первый прогоняет ночь, так и последний — темные тучи».

У балтийских славян Сварожичи назывались по-разному. В средневековом городе Ретра, где жили полабские славяне, существовал просто Сварожич. Кстати, полабскими здешних славян стали называть из-за соседства их поселений с рекой Эльбой, которая по-славянски называлась Лаба. Тут стояли идолы, исчертанные таинственными письменами, убранные в страшные шишаки со щитами. Посреди них стоял Сварожич, почитаемый более всех. В храме в мирное время хранились знамена, под которыми полабские славяне ходили на войну. Город, где стоял идол Сварожича, назывался Редерариум. Его окружала священная роща, и он считался главным культовым центром. Описания его можно найти у известного средневекового автора Дитмара Мерзебургского.

Сварожича называли то Радегастом, то Радгостом, то Ридигостом, то как-то иначе, но независимо от имени неизменными атрибутами его идолов были конь и копье. Это означало, что Сварожичей воспринимали как светоносных начал, а различия возникли потому, что славяне по-разному представляли проявления этих начал в разное время. Несомненно, можно найти аналогию с конями Аполлона у греков, Митры у зендов (иранцев). Митра у зендов считался непобедимым богом, пробегающим Вселенную с луком, мечом и булавой, поражающим злых духов — дэвов.

Сварожичем был и Свентовит. Его называли также Свантовид, Святой Вит, Свентовид (так называемый Збручский идол). Вот какие известия, посвященные Свентовиту, богослужение которому отправляли на острове Рюген, находим мы у средневекового автора Саксона Грамматика.

На меловом утесе северо-восточного Рюгенского мыса стоял укрепленный небольшой город Аркона, в котором происходили богослужения и люди укрывались от набегов. Посреди города была площадь, на ней стояло деревянное здание, в котором находился идол Свентовита.

Внешний ход в здание был сделан в виде арки, а карнизы украшены рисунками. Храм делился на две части. В середине здания располагалось отделение с четырьмя колоннами, вместо стен ему служили висячие покровы, потолок был выкрашен красной краской. И здесь, в отгороженном от внешнего мира внутреннем отделении, стоял идол. Он был выше человеческого роста, и у него было четыре головы на четырех шеях. Борода идола была прибрана, а волосы острижены так, как стригли их рюгенцы. В одной руке идол держал рог с вином. Ежегодно в строго определенный день его наполнял жрец, и по количеству этого вина угадывалось благоденствие будущего года. Левая рука идола была согнута, словно он держал лук. Одежда его спускалась до колен, а подошвы ног входили в землю. Около идола находились его принадлежности: седло, узда и огромный разукрашенный меч, ножны и рукоятка которого блистали серебром. Богослужения Свентовиту проходили в одни и те же дни года, тогда же люди гадали о будущем.

Збручский идол

Свентовит был богом плодов земных и войны. Каждый мужчина и каждая женщина считали благочестивой обязанностью принести ему в дар монеты. Ему же принадлежала часть добычи от войны. Для его охраны существовала вооруженная гвардия из 300 конных воинов и стольких же пеших стрелков. Все дары жрец хранил в запертых сундуках, в особых коморах. Кроме денег, здесь были также пурпурные материи.

Существовали и другие капища с идолом Свентовита. За ними смотрели жрецы, но рангом ниже, чем арконский жрец.

Кроме сокровищ, при арконском храме находился белый конь, гриву и хвост которого было запрещено свивать. Только жрец мог кормить коня и садиться на него. Но на коне нельзя было ездить часто: славяне считали, что на нем ездит сам Свентовит (Свантовид) и сражается со своими неприятелями. Существовали предания, в которых рассказывалось, как конь, вечером поставленный в конюшню, к утру бывал весь в пене словно после долгой езды. Этот конь служил для прорицаний: когда собирались на войну, то перед храмом ставили шесть копий, попарно воткнутых остриями в землю. После торжественных молитв жрец за узду проводил коня через три ряда скрещенных копий, и если конь, перепрыгивая, поднимал прежде правую ногу, то это было счастливым предзнаменованием, левую — несчастливим. Во втором случае дело (мирное предприятие, военный поход и т. п.), о неудачном исходе которого свидетельствовал конь, не затевалось.

Кроме этого, гадали по дощечкам, у которых одна сторона была белая, а другая — черная: белая — к счастью, черная — к несчастью. Женщины при храме гадали по линиям в пепле после того, как затухал огонь.

При храме Свантовита хранились также священные знамена и орлы, использовавшиеся на войне.

СВЯТОЙ ВИТ

В «Славянской хронике» средневекового немецкого историка и миссионера Гельмгольда (XII в.) есть упоминание о том, что под Свантовидом славяне разумели Солнце — бога богов и всегда просили его о помощи. Свантовид — это не только солнечная животворная сила, но и конкретный человеческий образ. По свидетельству Гельмгольда, славяне были так привержены своему богу, что и после крещения долго не забывали его обрядов. Тогда для постепенного успокоения вместо Свантовидов им подставили Святого Вита — по сходству имен.

Имя Свантовид, по толкованию известного слависта XIX в. П. И. Шафарика (автора трудов «Славянские древности», «Славянская этнография» и др.), происходит от слова «свантый» (святой) и «вит» — слово, означавшее достоинство человеческой природы («витязь», «вития» — красноречивый, мудрый).

Збручский идол. В 1848 г. из реки Збруч был поднят знаменитый идол Свентовита. Считают, что он был сброшен в реку, когда на этих землях стало вводиться христианство.

Збручский идол представляет собой четырехгранный столб с четырьмя ликами. На голове идола — убор, напоминающий древнерусскую княжескую шапку. С четырех сторон статуя украшена тремя ярусами изображений, отвечающих религиозным

представлениям о трех сферах мира: о небе — жилище богов, о земле — обители людей и о подземном мире — царстве злых сил. Среди небесных богов на главном месте — богиня с рогом изобилия, рядом с ней — бог войны с мечом.

Б. А. Рыбаков полагает, что Збручский идол был богом Вселенной — Родом, верховным властителем неба, земли и подземного мира. Объемные фигуры языческих богов встречаются во многих славянских курганах IX–X вв.

Бог Солнца. Рельефное украшение боевой колесницы. 3 тыс. лет до н. э.

Существовали солнечные божества и с иными именами — Руевит, Поревит, Поренут, Яровит и другими.

Руевит. Этого идола также описывал Саксон Грамматик. Идол имел 7 голов, 7 мечей, а восьмой, обнаженный, держал в руке. Он был выше человеческого роста. Имя Руевит, как и Геровит, было прочтено вместо Яровит. Оно происходит от слова «руяный» (красный, горячий, огненный), так что этот бог означает «свет» в его кульминационной деятельности. Если Яровит символизировал весну, то Руевит — лето. 7 голов и 7 мечей означали полную силу этого божества.

Поревит. Около храма Руевита было расположено капище Поревита. Идол его был безоружен и, видимо, имел значение, противоположное Руевиту. Поревит был идентичен зимнему солнцу, потерявшему свою силу, и означал божество мирное.

Поренут. Неподалеку от храма Поревита стоял храм Поренута. Имя божества производили от слова «пороние», что означало «родить». Считается, что этот бог был символом рождающей силы. Идол изображен с 4 головами, пятая покоилась на груди; одной рукой он держался за бороду, а другая лежала на лбу.

У славян существовало понятие о ежегодном рождении солнца — так выражался в их сознании поворот на лето, а четырехголовый Поренут символизировал солнце в момент его возвращения к деятельности после зимнего сна. Четыре головы были постоянным атрибутом Поренута вообще, пятая же (на груди) означала рождение нового солнца.

Яровит. Яровит был божеством света и войны. Само имя бога содержало светоносное начало, ярость, мужество, весну и молодость. В воображении древних Яровит был воплощением солнечной силы, появляющейся весной. Значение буйности, силы имеют имена Яровита и Руевита, таковы их «черты характера». Яровиту был посвящен щит, почитавшийся столь священным, что к нему никто не смел прикоснуться. Этот щит, как у древних, был символом небесного свода и власти солнца.

Ясмень. Со временем «Яр» перешел в «Яс» и бога света стали называть Ясоном или Хасоном. Этого бога знали чехи, у них его имя означало «яркий», «красный»; польские историки называют его «Ессе» («Ясмень»), связывая с Юпитером. Имя Ясменя можно прочесть на этрусских памятниках.¹⁵⁶

У солнцепоклонников почиталось число 7. Оно же было тесно связано с понятиями индоевропейской мифологии: семь врат солнца, семь стоп Гелиоса, седьмой день рождения каждого месяца, отмечавшийся как день Аполлона-Солнца. В этот день совершались обряды хождения по кругу — «кружения», которые представляли собой обязательную функцию царей-вождей. У хеттов бог солнца объезжал на упряжке с четырьмя конями, что являлось знаком четырех сторон света, потом появлялась квадрига Аполлона.

¹⁵⁶ Речь идет о памятниках, приведенных в книге Ф. Воланского «Памятники письменности до Рождества Христова, собранные и объясненные Ф. Воланским» (М., 1861).

Использование повозки или колесницы в ритуалах обусловлено тем, что колесо в колеснице рассматривалось как символ солнца. Позже, уже в христианский период, в дни празднования весенних праздников, священники стали обходить вокруг храма.

Белобог. К солнечным божествам относится и Белобог. В широком смысле слова под именем Белобога славяне признавали доброе начало, а под именем Чернобога – злое. На пиршествах они обносили чашу с благовониями и закланиями и верили, что счастье проистекает от доброго бога, а все дурное – от злого. Те же обряды славяне отправляли и на празднике света, а следовательно, Белобог и Свентовит – одно и то же божество. В древности оно было известно у адриатических славян, живших близ Адриатического моря. На камнях, найденных возле города Аквилеи, начертано: «**BELLINO – APOLLINO**».

У кельтов существо света, называемое римскими писателями Аполлоном, имело и другое имя – Беллино, что показывает древность этого имени у северных народов. Да и само имя Аполлона, не имеющее в греческом языке корня, кажется однозначно по корню с Беллино-Белобогом славян, ибо, как уже упоминалось, Аполлон занесен в Грецию с севера, почему и назывался гиперборейским.

Имя Белобога перекликается с русским выражением «белый свет» и «белый день», отсюда и «белый царь», ибо белым цветом, цветом видимых солнечных лучей, светопоклонники означали все достойное уважения.

ХОРС

Имя бога Хорса читаем в летописи Нестора: «Владимир поставил идол Хорса вместе с идолами Перуна». В «Похвале князю Владимиру» тоже встречается имя Хорса. О веровании в Хорса упоминается в «Слове Христюбца», в «Сказании о Мамаевом побоище». Божествами Хоросом-Гурсом-Русом клялся Мамай. В «Слове о полку Игореве» находим выражение: «Великому Хорсу дорогу прерыскаше...»

Из летописи Нестора вытекает, что Хорс и Дажьбог были единым божеством. Нестор не ставит между ними соединительного союза: «Володимир постави кумиры Перуна и Хърса, Дажьбога и Стрибога, Симаргла и Мокошь».

Многие ученые связывают имя бога «Хорс» с иранским влиянием во времена скифов. По-персидски Солнце – «Хурсид», «Хоршед», «Хорс», «Хварс». Последнее слово по-осетински означает «хороший», «добрый». Может быть, к имени этого бога имеет отношение и русское слово «хорошо»?..

Несмотря на целый ряд иранских параллелей, имя божества солнца Хорс может быть поставлено в ряд со славянскими и греческими словами, обозначающими «круг», «окружность». Таковы греческие слова «хора» и «хорос». «Хорос» означало круговое движение, «хоромы» – круговая застройка (древний смысл), в болгарском языке «хоро» – круговой танец. В скифское время, вероятно, у приднепровских славян-земледельцев существовали обе формы обозначения солнца: производная от «хоро» – Хорс и от «коло(а)» – сколотский (скифский) царь – Колаксай, Солнцецарь.

Возможно, что у праславян, как и у современных им греков, смешивались и сливались понятия солнца как светила, источника света с более широким понятием светлого солнечного божества вроде Аполлона или Дажьбога, иногда олицетворяя его, иногда полностью подменяя.

В «Слове о полку Игореве» Хорс назван Великим. Возможно, он был очень древним божеством, представления о котором предшествовали идее светоносного небесного бога (вроде Аполлона). Культ Солнца ярко проявился у земледельцев медно-каменного века – энеолита, а уже в бронзовом веке появилось

представление о «ночном солнце», совершающем свой путь подземный по морю мрака, и таким «ночным» солнцем был Хорс.

СИМАРГЛ

Существует несколько гипотез происхождения имени Симаргла и его толкования. Одна из них связывает имя Симаргла с «Седмоглавом» (Семиглавом).

Семь, как известно, являлось числом, часто использовавшимся в мифологии. Оно состоит из суммы 3 и 4 — основных параметров (признаков), называемых «совершенными», «божественными». По воззрениям древних, число 7 представляет соединение Творца с творением. Не случайно в Библии читаем: «Господь сотворил землю в шесть дней, в седьмой же почил от трудов своих».

Почти все древние народы считали, что существует 7 небесных сфер, и у каждой из них есть свой бог или гений-покровитель, своя планета и свойственная ей добродетель. Семи планетам соответствуют семь дней недели, семь цветов радуги, семь главных металлов, семь звуков мировой гармонии, семь нот музыкальной грамоты. Лира Аполлона имела семь струн, как, впрочем, и некоторые славянские музыкальные инструменты. Христианство знало семь таинств. В мифопоэтической традиции известно семь чудес света. По объяснению древнегреческого мыслителя, религиозного и политического деятеля, математика Пифагора (VI в. до н. э.), в семи колоннах греческого храма архитектурными средствами отображено стремление человеческой души подняться от четырехгранного фундамента материальной физической жизни к небесным высотам божественного духа, символически представленного треугольником карниза.

У некоторых народов принята семирчная система счисления. Семь выступает как наиболее употребительное число. Показатели шкалы времени — от семи дней до семи поколений. Шкала пространства разнообразнее: семь небес (на «седьмом небе»), семь тысяч звезд, семь братьев, семь сестер и т. д. В результате семерка выступает как сгусток опыта первобытных предков, как число, определяющее объем человеческой памяти, дающее и психофизиологическую характеристику человека (человек редко запоминает больше семи элементов, понятий и т. д.).

Сила и крепость числа 7 проявляется и в мифопоэтической традиции славян, в том числе русских. Вспомним наш заговор «За семью замками, семью дверями, семью ключами». Существуют и приметы: завязать семью узлами, собрать семь углей из семи печей... В противоположность семи добродетелям люди придумали семь смертных грехов, семь язв небесных, семиглавого дракона Апокалипсиса, отголосок которого встречается в семи хоботах водяного змея русских сказок.

Итак, семь — понятие совершенства, поэтому князь Владимир, возможно, и включил Симаргла в пантеон верховных божеств наряду с Перуном, Дажьбогом, Мокошью и другими.

Однако встречаются и иные гипотезы относительно происхождения и смысла имени Симаргла. Так, образ Симаргла упоминается в древних гимнах Ригведы и гатах Авесты. Это фантастическое существо считалось «не единой природы, а о трех естествах, трех образах».

Еще в трипольских росписях встречаются псы, прыгающие, кувыркающиеся, как бы летающие вокруг молодых посевов разных растений и охраняющие их. На рисунках эти фантастические существа изображены с когтями, зубами и крыльями. Б. А. Рыбаков считает, что в связи с тремя образами Симаргла следует начать поиск в изобразительном искусстве не только собако-птиц с двумя лапами и крыльями, но и иных фантастических животных, близких к грифонам, которых

называли собаками Зевса.¹⁵⁷

Интересны сюжеты русского прикладного искусства X–XIII вв., в которых часто встречается крылатый пес. Иногда его помещали даже на церковных дверях, как, например, в Суздали (XVI в.) или на фронте Большого театра в Москве (XIX в.).

Среди русских женских украшений в XI–XIII вв. были широко распространены браслеты – обручи, одевавшиеся на длинные рукава женских рубах.

Во время языческих ритуальных игр женщины перед танцами снимали браслеты и плясали «спустя рукава». Этот обычай сохранился в народной памяти и отражен в сказке о «Царевне-лягушке». На таких браслетах изображались женские фигуры в платьях с длинными рукавами, гусяры, воины, крылатые чудовища, чаши и кубки со священным напитком.

Позднее старого Смаргла стали называть Переплутом. Культ Смаргла – Переплута оказался тесно связан с русалиями (празднествами в честь вил-русалок). Русалки, или вилы, изображавшиеся в виде сирен, красивых крылатых птицедев, почитались как божества орошения полей дождями или влажными утренними туманами.

На браслетах из клада, найденного в Твери, возможно, как раз и изображены пляски в честь Переплута и посвященная ему сцена жертвоприношения: девушка в длинной узорчатой рубахе с распущенными волосами подносит кубок изображению крылатого пса.

Есть и такое предположение: изображение Смаргла на браслете связано с календарем, обозначавшим порядок чередования месяцев в течение года. Если говорить о браслете из Твери, то изображенные на нем сюжеты, по мнению исследователей А. А. Куликова и О. С. Мосина, являются художественными изображениями созвездий Зодиака. Самые древние календари составлялись по ночным наблюдениям, что говорит в пользу глубокой древности этих браслетов.

МОКОШЬ

Что за богиня Мокошь – единственное женское божество среди поставленных князем Владимиром на его дворе в Киеве? Упоминания об этой богине встречаются во многих источниках, но они очень неясны. Трудно определить и происхождение слова «Мокошь». Некоторые исследователи связывали его с финским племенным названием «мокша», другие считали Мокошь божеством, близким восточной богине Астарте или греческим Афродите¹⁵⁸ и Гекате,¹⁵⁹ третьи приравнивали к русалке.

Б. А. Рыбаков считает, что это имя содержит слово «кошь», «коць» («жребий», «судьба») и является корнем слов, обозначающих ёмкости для зерна (например, «корзина», «кошница», «кошуля»). Отсюда, по его мнению, Мокошь – богиня судьбы, удачи.

Упоминается Мокошь в одних и тех же источниках, обычно вместе с

¹⁵⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М., 1980.

¹⁵⁸ Афродита – в греческой мифологии богиня любви и красоты. Имя негреческого происхождения. Согласно одной версии, Афродита родилась из крови оскопленного Кроном Урана, эта кровь попала в море и образовала пену. Отсюда так называемая народная этимология ее имени «пенорожденная».

¹⁵⁹ Геката – в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейства, дочь титанидов Перса и Астерии.

Рожаницами¹⁶⁰ — богинями, которых можно видеть вышитыми на русских полотенцах и рубахах. Мокошь изображена на них как центральная фигура всей композиции. Здесь она уподобляется Роду¹⁶¹ — корню. На полотенцах для весенних обрядов Мокошь изображалась с воздетыми к небу руками, как бы молящая верховное небесное божество оросить дождем вспаханные и засеянные поля. К дням летнего солнцестояния, когда земля уже вырастила колосья, Мокошь изображалась окруженной солнечными кругами, с опущенными к земле руками. Отсюда и связь со знаменитым фольклорным образом «Матерью-сырой-землей». Культ Мокоши сопровождался установкой идолов в храмах, а также огромных идолов под открытым небом. Как древнее земледельческое божество, она была «матерью урожая», богиней жизненных благ и изобилия.

Рожаницы. Эти богини были подчинены или соподчинены Мокоши. В изобразительном искусстве они всегда были в двойственном числе.

Культ Рожаниц в известной мере слился с Богородичным культом Рождества Богородицы. Духовенство освящало Рожаничную трапезу и позволяло приносить «желю Роду и Рожаницам» в христианский храм. Культ Рожаниц отличался от остальных языческих обрядов прежде всего открытостью, торжественными пирами в честь богинь, частично замаскированными празднествами Богородицы. Эти пиршества противопоставлялись в известной степени «кладению треб» другим — языческим — богам, которым христиане вынуждены были поклоняться тайно. Принесение в жертву животных и птиц могло производиться в своих дворах без особой огласки. Трапезы же, посвященные Роду и Рожаницам, устраивались всенародно.

Принявшие христианство русские люди в XI–XII вв., по свидетельству автора средневекового произведения «Слово об идолах»,¹⁶² все еще молились «по украинам» их «проклятому богу Перуну, Хорсу и Мокоши и вилам, но творили акы отай» (тайно). Явно презирая языческие обряды, этот автор продолжал: «Сего же не могут ся лишити, наченше в поганьстве, даже и до селе проклятого того ставления вторья трапезы Роду и Рожаницам на прелесть верным христьяном».

Рожаничный пир назывался «второй трапезой» и устраивался после церковного празднования, сверх разрешенного церковью пирования в честь Рождества Богородицы, очевидно, на второй день, т. е. 9 сентября по ст. ст., 26 августа по н. ст. Главный праздник Рода и двух Рожаниц был общественным осенним праздником, наподобие праздника Урожая в честь западнославянского четырехглавого Святовиды. Вторично Рода и Рожаниц чествовали на Рождество Христово (после 25 декабря). В тот день приносили в храм хлеб, пироги и пр. Слияние языческого с христианским, Рожаниц с Богородицей особенно ярко выразилось в русских вышивках, русском прикладном искусстве.

Постепенно культ Мокоши был оттеснен, с одной стороны, культом христианской Богородицы, а с другой — культом христианской святой Параскевы-Пятницы и в

¹⁶⁰ Рожаницы — мифологические существа у славян, связанные с продолжением рода и женской средой; обычно упоминаются в форме множественного (собирающего) числа женского рода.

¹⁶¹ Род — в славянской мифологии воплощение рода, единства потомков одного предка. Б. А. Рыбаков считает Рода верховным божеством славян.

¹⁶² «Слово об идолах» (кон. XIII — нач. XIV в.) — компиляция, составленная на основании «Слова Григория Богослова на Богоявление». (В рукописях его называли так: «Слово святого Григорья изобретено в тольцех о том, како первое погане суще языцы кланялися идолам и требы им клали, то и ныне творят».) Направлено против древнеславянских языческих обрядов и верований.

этом виде сохранился до начала XX века. Наши не столь далекие предки молились св. Параскеве о всяком благополучии и счастье домашнем, об удаче в торговле. С незапамятных времен на Руси торговым днем считалась пятница, поскольку Пятница была покровительницей торговли. В Новгороде Великом церковь Пятницы на Торгу была построена в 1207 г., тогда же воздвигли церковь Пятницы и на Торгу в Чернигове. Существовала церковь Пятницы и в Москве, в торговом Охотном ряду. В более позднее время Мокошь стала почитаться в качестве покровительницы женских работ, особенно прядения и ткачества. Так сфера деятельности этого божества от Матери-сырой-земли сузилась до домашних забот.

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

Берегиня. Первоначальное имя Великой Богини теряется в глубинах тысячелетий. Есть много свидетельств того, что в древности Великая Богиня называлась Берегиней, а слово «берегиня» означало «земля». Таким образом, Богиня Земли, которая в вышивках часто заменяется изображением Березы, называлась Берегиней, т. е. Землей. У восточных славян ее еще называли Житной Бабой, Рожаницей, Землей, Ладой, Славой.

На широко известной киевской фибуле (металлической застежке для одежды) изображена Великая Богиня в широкой юбке, с руками, переходящими в головы коней. Перед нами и богиня, и представители солнечного светила — кони, и солнечные диски — его символы. Рядом с женской фигуркой изображен мужчина, руки которого также переходят в женские головы. Возле его ног располагались два коня. Мужская фигура олицетворяла солнечное божество, оплодотворяющее землю.

Изида и христианская Богородица. Интересное рассуждение по реконструкции истории этого образа привел Олжас Сулейменов. В поэме «Аз и я» (Алма-Ата, 1975) он ведет этимологию Изиды от древнеевропейского слова «есть» — «быть», «суть», «существовать» (**est, es, is, iz**). Сулейменов сравнивает **ist** с древнейшим именем древнеегипетской богини Ишт (II тыс. до н. э.), которую греки называли Ист, так как шипящих в греческом языке нет. Персы озвучивали это имя как Изид. Богиня Изид, кормящая грудью младенца, стала прообразом христианской Богородицы (параллель доказана искусствоведами). В Египет культ Ишт (Иштар) пришел из Передней Азии, где с IV–III тыс. до н. э. поклонялись богине жизни и плодородия Иштхор. У нее было много функций, одна из них — мать солнца. Глиняные статуэтки змееголовой Иштхор с безымянным младенцем на руках были своеобразной метафорой, в которой соединялись три понятия: Мать (женщина с младенцем), Земля (глина), Божество (змея).

Египетские скульпторы совершенствовали заимствованный образ. Они изображали ее прекрасной женщиной. О бывшей змееголовости напоминают лишь кобры — уреи, обвивающие голову священной. Египетские жрецы приняли версию «матери солнца» и обожествили младенца, по их мнению, символизировавшего восходящее светило. Непонятно звучащее имя распределено между двумя персонажами: «Ишт» присвоено матери, «Хор» — божественному младенцу. Позже служители культа стали толковать изображенный сюжет так, что в мифах появился Гор-сын, который борется со змеями, угрожающими матери. Культ Гора-сына распространился по всему миру в I тыс. до н. э.

Много памятников, посвященных Великой Богине, было у этрусков. Они поклонялись новорожденному солнцу, образом которого выступало бронзовое зеркало. На территории Этрурии найдено много бронзовых зеркал с изображением младенца и почти всегда с надписью «Геркле», т. е. «Гер-сын». Эллины

поклонялись змееборцу Гераклу, латинцы — Геркулесу. В христианской мифологии поражает змею Георгий, у славян имя «Геркле» (при палатализации согласного «г» в «з») перешло в «зеркле» — зеркало — вещь, отражающую свет.

Возможно, таким путем случайно приходили понятия из одних языков в другие.

Великая Богиня — мать всего живого. На вышитых восточнославянских рушниках Великая Богиня держит птицу или расцветающий куст, на котором сидят жрецы, подносящие ей дары. Головы и руки их прорастают ветвями деревьев, вокруг расположились символы солнца петухи — вестники утра, животворного света.

Такие изображения Матери всего живого, ее жрецов и птиц свидетельствуют о непосредственной связи религиозных представлений древних славян о силах природы, о весеннем оплодотворении солнцем с земледелием — их главным занятием в ту эпоху.

Первоначальное имя Великой Богини неизвестно. Поздние имена — Жива, Дана, Дава, Берегиня, Земля, Баба, Рожаница, Лада, Леля.

ЛАДА

С 23 мая по 24 июня по н. ст. славяне отмечали празднества божества Лады. В славянском фольклоре это имя было распространено достаточно широко. Лада считалась покровительницей любви, браков, богиней юности, красоты, плодородия, щедрой матерью.

Вот что рассказал о ней А. Н. Афанасьев.

В весеннюю пору прекрасная богиня вступала в брачный союз с могучим громовником, слала на землю благодатное семя дождей и оживляла природу. Закликая весну, обращались к ней с такими словами:

Благослови, мати,
Ой, мати Лада, мати!
Весну закликати...

Чувство взаимного влечения юноши и девицы, чувство любви, ведущей к брачному союзу, издревле выражалось метафоричными образами грозы, связующей отца-небо с матерью-землей. На эпическом языке народных песен любовь прямо называется горячей, и о ней поется:

Не огонь горит, не смола кипит,
А горит-кипит ретиво сердце по красной девице...

В холодное время зимы прекрасная богиня Лада скрывается за густыми тучами и остается за их мрачными затворами печальной узницей до тех пор, пока не расцветет весной пламенный цветок Перуна и не отопрет темницу.

Дева Заря выводит поутру ясное солнце и прогоняет темную ночь. По аналогии суточных явлений с годовыми той же богине Ладе приписывали вывод весеннего солнца из-за туманных покровов зимы. В ярких красках зари наши далекие предки видели рассыпаемые ею по небесному своду розы, а в росе — ее жемчужные слезы. Падают слезы на землю, и распускается всемирный цвет — свет дня, восходящее летнее солнце.

В одной из сказок теплое веяние Весны согревает облака и заставляет Ладу плакать — проливать росу и дожди; от ее горячих слез пробуждается Перун и низвергает злого демона зимы.

В другой сказке Лада выступает под именем Марьи-Моревны: юный царевич (бог-громовник) женится на Марье-Моревне — прекрасной королевне с золотыми волосами — солнечными лучами. Ее воинственный богатырский характер и прозвание Моревна (дочь моря)

указывают, что под ней подразумевается все та же богиня Весны славянская Венера — Лада. В этом образе воплотились весеннее солнце и дожденосная дева.

Лада присутствует в фольклоре всех славянских народов — поляков, чехов, словаков, сербов, хорватов, иллирийцев, болгар, русских, белорусов, украинцев. Широко распространено это имя и у балтийских славян.

В заговорах, произносившихся воином перед выступлением на войну, звучало обращение к богине: «Еду на гору высокую-далекую по облакам, по водам (т. е. небесный свод. — Авт.), а на горе высокой стоит терем боярский, а в тереме боярском сидит зазноба — красная девица (богиня Лада). Вынь ты, девица, панцырь дедовский; откни ты, девица, меня своею фатою от силы вражьей».

Б. А. Рыбаков отметил общеславянский культ богини Лады и ее дочери Лели и близость к нему культа южных богинь и Кору-Персефоны. В Крито-Микенской культуре был широко распространен культ богини Лато (называвшейся еще Латоной).

Во многих мифах прослеживается связь богини Лато и с северными народами. Так, согласно мифологии, Лато происходит из земли гиперборейцев, в которой Аполлон хранит свои стрелы. Аполлон и Артемида — дети Лато, и гиперборейцы ежегодно посылали дары в их делосские храмы.

Культ Лады и ее дочери Лели связывается с очень известным в древности у значительной части европейских народов культом двух рожаниц, из которых старшую, мать, называли Лада (Лато), а младшую, дочь, — Лель, Леля, Ляля (у праславян) либо Артемида, сохранившая много черт богини охоты (у греков).

Ляля-Леля была дочерью Лады, о чем свидетельствуют близкие к этому мифологическому ряду слова «ляля», «лялька» (ребенок, дитя, кукла, игрушка). «Люлька» — детская колыбелька, «лелека» — аист, который будто бы приносит детей.

Ляля олицетворяла весну, весеннюю зелень, расцвет обновленной природы. В белорусском фольклоре часто звучит обращение к этой богине:

Дай нам житцу да пшаницу,
Ляля, наша Ляля!
В агародзе, сеножаце,
Ляля, наша Ляля!
Ровны гряды, ровны зряды,
Ляля, наша Ляля!

«Лелис» по-литовски значит «светлый», по-украински — «блистать». Эти же два близнеца — Лель, Лато — служили особым предметом поклонения у народов Лидии,¹⁶³ где, по сказаниям римского историка Тацита,¹⁶⁴ жрец, приносящий жертву, одевался в мужское и женское платье, изображая одно существо. У греков бог солнца Дионисий также изображался двуполым. Двуполое существо (по-славянски двутелец) позже явилось в образах отдельных существ — мужских и женских. Мужское существо олицетворяло свет, женское — воду.

Один из вариантов культа Лады как богини охоты — древнегрузинский культ

¹⁶³ Лидия — в древности страна на западе Малой Азии. В VI–IV вв. до н. э. находилась под властью персов, затем входила в состав империи Александра Македонского.

¹⁶⁴ Тацит (ок. 58 — ок. 117) — римский историк. Главные труды посвящены истории Рима и Римской империи («Анналы», «История», «Германия»).

богини Дали, Дал (возможна перестановка звуков «Дал-Лад» типа перестановки слов в паре «медведь-ведмедь»). Дал — лесная царица, покровительница зверей, госпожа зверей, королева. Дали — не одна. Есть Дали скал, вод, леса. Она имеет отношение к погоде. Дали ходит обнаженной, закрываясь золотыми волосами. Она — божество скал, воды, зверей, леса, плодородия, мать божеств.

Во многих мифологиях богини плодородия первоначально были горными божествами. В охотничий период они были богинями гор и хозяйками животных, но по мере перехода к земледелию превратились в богинь плодородия. На одном из изображений малоазийской (фригийской) богини Кибелы, отождествлявшейся с великой Матерью богов, она стоит на горе с двумя львами перед ней. У Гомера Реа — та же Кибела, которая прежде была богиней гор и охоты, тот же образ этрусской матери-матуы, сидящей на троне с ножками в виде фигур леопардов.

Постепенно древние божества охоты стали ассоциироваться с небом и звездами, в частности Дали — с образом Венеры, утренней звезды рассвета, утра, называвшегося по-грузински «Дила» (связь грузинской богини и славянской Лады). Это можно рассматривать как проявление древнейших связей грузин-иберов-басков с пеласгами-этрусками-славянами, нашедшее некоторое отдаленное выражение в мифе о золотом руне (ряд исследователей считает руны первописьменностью на земле).

У славян существовали игры и обряды в честь Лады. Песни, обращенные к богине или ставящие ее имя в припев, поются только во время весенне-летнего обрядового цикла. Закливание весны и пение веснянок происходило на высоких местах: на горках, на холмах; дети влезали на деревья, на крыши изб и оттуда приветствовали весну.

Все остальные обряды с исполнением песен в честь Лады связаны с весенне-летним и аграрно-магическим циклом молений о дожде, праздников зелени, первых всходов и первых колосьев. Заканчивались они праздниками на Ивана Купала — праздниками летнего солнцестояния.

В играх-обрядках в честь Лады нашли отражение хлопоты, заботы, надежды и тревоги, обуревавшие людей во время весенних полевых работ; весеннее свадебное время представлялось магическим обрядом, в котором передавалось их отношение к пахоте, севу, а также чувства по поводу сватовства, выдачи девушек замуж.

СИВА И ЖИВА

Аналогично божеству Ладе у древних славян существовало божество Жив (Жива), которое польский историк Длугош¹⁶⁵ называл божеством жизни.

В польских летописях рассказывается, что на горе Живице был построен храм и в нем весной, в первые дни мая, собирался во множестве народ. Там молились о счастье и благоденствии на весь предстоящий год. Жив считался божеством благополучия, верховным правителем Вселенной, божеством красоты и весны (двуполое божество). Согласно польским преданиям, весной Жив (Живый) превращается в кукушку, чтобы возвещать людям время года, определять, кто сколько проживет на белом свете, и за это люди приносили ему жертвы.

Весеннее поклонение Ладе и Живу свидетельствует о том, что они составляли одно божество и относились к светоносному началу — к всеобщей любви и жизни природы. Жива была женским божеством, подобно тому как Живитель был у

¹⁶⁵ Длугош Ян (1415–1480) — польский историк, автор «Истории Польши».

древних пеласгов мужским божеством оплодотворения. Литовцы называли Ладу Золотой Пани, чехи — Красопани. Праздник в ее честь начинался вместе с торжеством солнца.

РОД

На основе почитания предков сложилось самое широкое почитание Рода и Рожаниц. Большинство ученых считают, что культ Рода возник во II тыс. до н. э., но есть предположения, что он существовал и в более глубокой древности. Род противопоставлялся Саваофу¹⁶⁶ и соотносился с Осирисом¹⁶⁷ и Ваалом.¹⁶⁸

Значение корня «род» в славянских языках связано с целым рядом понятий: это и рождение живого (род, народ, родить), и природа, и вода (родник, родица), и даже молния (родия).

Под Родом подразумевалось всеобъемлющее божество Вселенной со всеми ее мирами — верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним миром природы, рождения и нижним миром с его «огненным родством».

Уже отмечалось, что Роду, как и Рожаницам, «клялись требы», приносились жертвы и устраивался в честь них праздник, который так и не устранило христианство.

Ритуальные пиры в честь Рода и Рожаниц, а впоследствии только одних Рожаниц происходили следующим образом: после уборки урожая и обмолота хлебов, сопровождавшегося в ряде мест сушкой снопов у «сварожича» в овине, устраивалось «собрание»; на нем крестьяне пели песни, которые христианские церковники всячески порицали. Столы были полны всякого кушанья, приготовленного из продуктов земледелия, по кругу ходили чаши с медом.

Церковные писатели Древней Руси признавали Род как бы соперником христианского бога-творца Саваофа. По некоторым характеристикам, Рода связывали с Зевсом, включая в это понятие и самого бога, и небо, а также с Посейдоном, богом моря и «земледержцем» или «супругом Земли».

Для восточных славян таким «единым богом в небесах» был Род; ему же, вероятно, поклонялись под именем света.

Для западных славян божеством «белого света», как вы уже знаете, был Святovit, имя которого состоит из двух частей: первая («свет») означала и «святость», и «свет», а вторая («вит») сближалась, по мнению лингвистов, иногда с понятием «радость», иногда — «жизнь». По мнению Б. А. Рыбакова, известный Збручский идол Святовита (Свентовида) отражает черты Рода — бога Природы, бога-жизнедавца, бога всех четырех сторон Вселенной. Такая четырехгранность Збручского идола связана с очень древними, еще неолитическими представлениями славян о необходимости обезопасить себя «со всех четырех сторон».

4. МИР ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

¹⁶⁶ *Саваоф* — одно из имен Бога в иудаистской и христианской традиции (Вседержитель).

¹⁶⁷ *Озирис (Осирис)* — в египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира.

¹⁶⁸ *Ваал* — библейский *Баал (Балу)* — бог бури, одно из наиболее употребительных прозвищ богов отдельных местностей, а также бог бури, грома, молнии, дождя и плодородия.

Древние славяне воспринимали окружающий мир в противопоставлениях, которые затрагивали все — время, пространство, общество. Одним из наиболее распространенных было противопоставление хаоса как чего-то бесформенного и неорганизованного упорядоченному космосу, что отразилось в мифах древних славян о сотворении мира. В их представлении хаос служил как бы нулевой точкой отсчета: вводя в него основные признаки-противопоставления (вода — суша, тьма — свет, ночь — день, холод — тепло, низ — верх, мужское — женское и т. д.), мифологическое сознание постепенно преобразовывало хаос в космос.

В славянских мифах о сотворении мира переплетаются как бы два главных мотива: происхождение жителей Земли из океанических вод и сотворение мира и человека в конечном слиянии двух антагонистических начал, стихий. На эти мифы наслаивались разнообразные верования, обогащая и конкретизируя их, но все они отражали мир в двоичных системах — добра и зла, жизни и смерти, черного и белого, левого и правого и т. п. Такая двойственность (двоичность) признавалась основным условием существования мира и жизни.

Главный сюжет славянского мифа о сотворении мира уходит своими корнями в далекие доиндоевропейские времена. Впоследствии он подвергся многочисленным влияниям, а уже в христианское время получил распространение такой миф.

Вначале не было ничего, кроме неба и моря. Бог плавал на лодке, а дьявол, высывавшийся из пены морской, пристроился к Богу. Мысль сотворить землю подсунул Богу дьявол, который не мог сделать это сам. Дьявол нырнул и достал со дна горсть песка. Бог бросил его на воду и сотворил такой маленький кусочек земли, что оба едва поместились на нем. Бог и дьявол заселили землю. Дьявол задумал спихнуть спящего Бога в воду, но из-за этого земля, сотворенная Богом, увеличилась в размерах, и из затеи дьявола ничего не вышло. Оба создателя начали спор, закончившийся уходом Бога на небо и свержением дьявола, который подул и бросил молнии в пучину морскую.

Согласно украинскому варианту этого мифа, дьявол сохранил под языком немного песка для создания земли, а когда песок начал «расти», увеличиваясь в объеме, он стал разрывать дьяволу рот. Тот вынужден был выплевывать злосчастный песок, а из него возникали земля, горы, пустоши...

НЕБО — ЗЕМЛЯ

Подобно другим народам, славяне обоготворили небо, полагая, что там находится вечное царство природы, — ведь именно небо посылает солнечные лучи, оттуда блистают звезды и луна, проливается благодатный дождь.

Народная, фантазия, создавшая для разнообразных небесных явлений различные поэтические олицетворения, тем не менее рисовала их в едином, нераздельном образе. Так, по древнеиндийским Преданиям, в образе Варуны¹⁶⁹ — божества неба соединились многие представления; и потому это божество «руководит» светом и временем, выводит в путь солнце и звезды. Солнце — его глаз, а ветер, колеблющий воздух, — его дыхание...

Очень похожее воззрение можно найти в Голубиной книге — памятнике устного древнерусского народного творчества, в котором содержатся сведения о происхождении мира, природы, человека, различных вещей и т. д. (он отражал характерные для массового сознания представления о христианской вере и связанные с ней нравственные основы жизни). Здесь дана такая картина.

¹⁶⁹ *Варуна* — в древнеиндийской мифологии бог, связанный с космическими водами, охранитель истины и справедливости, один из верховных богов индийского пантеона.

«Солнце красное — от лица Божьего, млад светел месяц — от груди Божьих, звезды частые — от риз Божьих, зори белые — от очей Господних, ночи темные — от опашня Всевышнего, ветры буйные — от Его дыхания, громы — от Его глаголов, дробен дожди и росы — от Его слез».

Арийские племена олицетворяли небо мужским полом. Его влияние на «земные роды» (урожаи) невольно соединялось с мыслью о супружеском союзе Отца-неба с Матерью-землей. Небо действует как мужская плодотворящая сила, проливая на землю свои согревающие лучи и утоляющий жажду дождь, а земля принимает весеннее тепло и дождевую влагу в свое лоно и дает плод.

Соответственно небо обозначалось словами мужского рода, а земля — женского. Слова среднего рода типа русского «небо» образовались позднее.

У славян Отец-небо получил имя Сварог. Он, как вы помните, — верховный владыка Вселенной, родоначальник прочих светлых богов, т. е. прабог. На новых богов, «рожденных» Отцом-небом, были перенесены различные его атрибуты и признаки, и вместе с тем им было присвоено владычество над миром: Сварог, по древнему сказанию, предается покою, предоставляя возможность творчества и управления Вселенной своим детям. В упоминавшейся Ипатьевской летописи есть такая вставка из греческой хроники Иоанна Малалы:¹⁷⁰ «И после Сварога царствовал сын его именем Солнце, его же наричють Дажьбог... Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силен».

Филин. Лубок

Противопоставление неба и земли привело к тому, что божество было перенесено на небо, а человек — на землю. В результате супружества неба и земли появилось (во множестве мифологий) первое поколение богов — верховные божества. В древнеиндийской мифологии, в частности, существовал такой миф.

Сын Неба и Земли Индра¹⁷¹ вступает в бой со злым демоном Вритрой.¹⁷² Для этого боя ремесленник богов выковал для него оружие — ваджру (обычно оно отождествлялось с молнией — «громовой стрелой»). Индра подкрепился тремя гигантскими кубками сомы (напиток, обладающий могущественными свойствами, частично отождествляемый с живой водой русских сказок), отчего у него прибавилось роста и силы, и напал на Вритру, изображаемого в «Ригведе» в виде змея, лежащего на горах.

Схватка была ожесточенной. Вритра не только обладал силой, но был хитер и искусен в магии. И все же не помогли ему ни сила, ни волшебство. Индра, наконец, обрушил на него свою ваджру и переломил ему хребет. Иногда говорится, что он распорол ему брюхо, а иногда, что удар ваджры расколол горы. Из распоротого брюха Вритры вышли космические воды, которые были беременны плодом: в их утробе было Солнце...

Возникновение земли представлялось ариям в нескольких вариантах. Наиболее старый из них соответствовал приведенному славянскому мифу о песке (или комке ила), поднятого дьяволом, в других вариантах — ведем со дна морского. Вепрь,

¹⁷⁰ *Малала Иоанн* (ок. 491–578) — византийский историк, автор знаменитой хроники, излагающей события от легендарной истории египтян до 563 г. К хронике Малалы как к источнику по всемирной истории обращались древнерусские летописцы.

¹⁷¹ *Индра* — в древнеиндийской мифологии бог грома и молнии, глава богов, самый популярный мифологический персонаж «Вед».

¹⁷² *Вритра* — в древнеиндийской мифологии демон, противник Индры.

которого изображали похожим на кабана, воплощал мифологического «отца существ». Увидев на поверхности ил, «он назвал его гнездом вод», разложил на нем костер, который стал Землей, и тогда он нашел опору». (Поэтому в древних ритуалах под жертвенные костры клали немного земли, вырытой кабаном.)

В книге Ю. Шилова «Космические тайны курганов» (М., 1990) можно найти аргументы в пользу не только древней прародине ариев в Причерноморье, но и связей гимнов «Ригведы» с этими землями. Так, согласно Ю. Шиллову, миф о противоборстве Индры и Вритры из «Ригведы» подтверждается ритуальными захоронениями в «степных пирамидах». Наиболее близкое соответствие мифу прослежено в курганах у села Усатово под Одессой. Каменные конструкции имели вид полусферы, окруженной змеевидным культовым сооружением в виде оград из камней (кромлехом): они символизировали дракона, охраняющего яйцо или остров. Среди камней найдены две человекоподобные стелы. На груди одной из них изображен вепрь. Стелы напоминают образы Индры и «отца существ» – вепря, которого в индийской мифологии называют Праджапати,¹⁷³ а насыпь (комок ила) – это зародыш, или праяйцо. Зародыш возник из выделившегося изначальными водами жара, от столкновения волн. Из расколовшегося яйца вышел «отец существ» Праджапати, а из половинок скорлупы образовались Земля и Небо.

У закавказского селения Цнори могила имитировала остров посреди подземных, окрашенных в красное (т. е. хаотических, пышущих жаром) волн. Солнце оставило свои следы в этом могильнике многочисленными изображениями на посуде, золотыми бусинками и колесом от повозки.

ОГОНЬ И ВОДА

Противопоставление огня и влаги (воды) тесно связано с мировыми религиями. В нем особенно ярко проявляется постоянный мотив противоборства и слияния. В русских сказках, былинах, заговорах огонь персонифицирован в образе огненного змея – дракона, то изрыгающего пламя, то побиваемого молнией или палицей Перуна. Вот один из заговоров от укуса змеи.

Змия Македоница! Зачем ты, всем змиям старшая и большая, делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей? Собери ты своих теток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела у раба (такого-то); а если ты не вынешь своего жала, то нашлау на тебя грозную тучу, она камнем побьет, молнией пожжет. От грозной тучи ты нигде не укроешься: ни под землею, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах...

Сова. Лубок

Олицетворением огня является и Огненная птица (сказочная Жар-птица) – воплощение бога грозы. Из ее раскрытого клюва вместе со звуками грома сыплются перлы – искры молний.

Огонь и Вода соединяются в образах Купалы, Коляды, Огненной реки.

Многочисленны мифологические образы живой воды и живого огня. О живой воде существовал миф, общий всем индоевропейским народам. Живая вода исцеляет

¹⁷³ *Праджапати* – в древнеиндийской мифологии божество, творец всего сущего. В одном из гимнов «Ригведы» говорится, что Праджапати возник как «золотой зародыш», стал единственным господином творения, поддержал землю и небо, укрепил солнце, измерил пространство, даровал жизнь и силу.

раны, наделяет крепостью, возвращает жизнь. В славянской мифологии возникло еще одно противопоставление: «вода живая» — «вода мертвая». «Мертвая вода» иногда называлась «целющей»: она заставляет срастаться вместе рассеченные части мертвого тела, но еще не воскрешает его. Она исцеляет труп, т. е. делает его целым, но оставляет мертвым, пока «живая вода» не возвратит ему жизнь. Так, в народном эпосе рассказывалось о том, что убитых героев сначала окропляют «мертвой», а потом «живой водой» — так в самой природе первые дожди, сгоняя льды и снега, как бы стягивают рассеченные части матери-земли, а следующие дают ей зелень и цветы.

«Живая вода» в славянской мифологии — то же, что и «бессмертный напиток» амрита (санскрит), амброзия (греч.) или нектар. Выпив кубок амриты, боги становились бессмертными, вечно юными.

В индоевропейской мифологии дождь нередко уподоблялся крепким опьяняющим напиткам. Шумное проявление небесных гроз связывали с действием, производимым на человека опьянением: как человек, напившийся вина, становится склонным к ссорам и дракам, так боги и демоны, являющиеся в дожденосных тучах, опьяненные амритой, отличаются буйством и стремлением идти на битвы; в завываниях бури и раскатах грома слышатся их воинственные, враждебные голоса.

Мифологический персонаж «Огненная Мария» связан с богом-громовником Перуном (в христианстве — Ильей-Пророком) и его спутниками — духами весенних гроз.

Н. К. Рерих. Змиевна

БЕЛОБОГ — ЧЕРНОБОГ

Верование в Белобога и Чернобога было некогда общим у всех славянских племен, о чем свидетельствуют уцелевшие географические названия и народные предания. Память о древнем Белобоге долго сохранялась в белорусском предании о Белуне, который изображался старцем с длинной белой бородой, в белой одежде и с посохом в руках. Его почитали как подателя богатства и плодородия. Согласно поверьям, Белобог является только днем и выводит на дорогу путников, заблудившихся в дремучем лесу.

Прилагательное «белый» (Бел-бог) значит «светлый», «ясный». Этот эпитет мы находим в выражениях «белый свет» и «белый день». Белобога называли Аполлоном, Свентовидом (Святовидом) — богом дневного, весеннего, ясного неба, а затем владыкой неба, который не только блистает солнечным светом, но и борется с темными тучами. С именем Белобога сочеталось понятие дневного света — солнца. Святой, по убеждениям древних славян, — это светлый, белый, ибо сама стихия света есть божество, не терпящее ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле — греховного. Понятия светлого божества и святости нераздельны.

ТЕМНЫЙ — СВЕТЛЫЙ, ЧИСТЫЙ — НЕЧИСТЫЙ

Слово «чистый» однозначно со словом «светлый» и совмещает в себе понятия небесного сияния и святости: небо чистое, небо очищается. Не случайно у славян очищение было религиозным обрядом, в соответствии с которым они прыгали через зажженные костры (очищались огнем) и омывались ключевой водой. Огонь

при этом служил символом небесной молнии, вода — символом дождя. Позднее обряд получил значение нравственного очищения от грехов. Как весенняя гроза выводит из-за туч яркое солнце, прочищает небо, так действием огня и воды прогоняются от человека темные, враждебные, демонические силы.

МУЖСКОЕ — ЖЕНСКОЕ

Это противопоставление часто выражается наличием в мифах двух одноименных персонажей: Див — Дива, Род — Рожаница, Суд — Суденица. Будучи ясным и понятным в применении к живым существам, определение мужского и женского начал представляет большие трудности для предметов бесполой. Конечно, мужской и женский род оказали несомненное влияние на их мифическое олицетворение. Часто одно и то же понятие могло принимать форму и мужского, и женского рода. Это колебание заметно прежде всего в обращении к Солнцу.

Первоначально солнце в мифологии славян было женского рода. Затем, соединив с понятием солнца плодородящую силу, древний славянин то сливал идею творчества с самим актом рождения и потому наделял верховное светило женским родом, то смотрел на него как на божество, которое само не рождает, но своими лучами оплодотворяет Мать-сыру землю, и уже та производит все из собственных недр, т. е. олицетворял солнце в мужском роде. Народная загадка той поры «Красная девушка в окно глядит», отгадкой которой было «солнце», подтверждает версию о том, что солнце — красная девица было женского рода.

В русском сказании, в котором солнце олицетворялось в женском образе, говорилось о том, что в декабре месяце, когда зима поворачивает на лето, солнце наряжается в праздничный сарафан и кокошник, едет в теплые страны, а на Иванов день (24 июня) выезжает из своего чертога навстречу своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу огненные лучи. Этот день полного раскрытия творческих сил летней природы представлялся днем брачного союза между Солнцем и Месяцем, причем Месяц считался мужем богини Солнца.

В некоторых сказаниях Луна, согласно с женской формой этого слова, выступала как супруга Солнца, следовательно, Солнце было мужского рода. С тех времен и появилась у славян поговорка «Солнце — князь, Луна — княгиня». Еще скифы почитали Луну в качестве сестры и супруги Солнца и называли ее «Солнца», окончанием «а» подчеркивая ее женское начало. (Этим названием скифский бог Солнца роднится с греческим сребролуким Аполлоном, а богиня Луны — с его сестрой Артемидой.)

В сербских сказаниях солнце представляется молодым, красивым юношей, который живет в солнечном царстве, восседает на златотканом, пурпурном¹⁷⁴ престоле, а около него стоят две Девы — заря утренняя и заря вечерняя, семь судей (планет) и семь вестников, летающих по свету в образе «хвостатых» звезд. Тут же и лысый дядя Солнца — старый Месяц.

В русских сказках царь Солнце владеет двенадцатью царствами (указание на 12 месяцев в году или на 12 знаков Зодиака), а сыновья его живут в звездах. Всем им прислуживают солнцевы Девы, которые умывают их, убирают и поют им песни. Они расчесывают золотые кудри Солнца (его лучи), разгоняют тучи и проливают дождь; они прочищают лик дневного светила, дают ему ясность.

¹⁷⁴ Пурпурный (красновато-фиолетовый) цвет — в древности широко применялся для окраски тканей природным красящим веществом.

СОЛНЦЕ – МЕСЯЦ

В славянских сказаниях Солнце и Месяц представлены как сестра и брат или как супруги. Вот о чем повествует сказание древних германцев, в котором они выступают мужем и женой.

Месяц был слишком холоден, и это раздражало его пылкую супругу – богиню Солнце. Однажды богиня побилась об заклад со своим мужем: кто из них раньше проснется, тому достанется право светить днем, а ленивому – светить ночью.

Рано утром богиня Солнце зажгла свет миру и разбудила своего спящего мужа. С той поры они разлучились и светят порознь: Солнце – днем, а Месяц – ночью. Оба сожалеют о своей разлуке и стараются сблизиться, однако, сходясь во время солнечного затмения, осыпают друг друга упреками. И ни тот, ни другая не соглашаются на уступки, поэтому вместо встречи они снова расстаются.

М. А. Врубель. Пророк

Не менее интересно и литовское предание.

Месяц женился на Солнце. У них появились дети – звезды. Как-то Солнце встало очень-очень рано, а Месяц, устыдясь, скрылся. Потом он влюбился в Денницу (утреннюю зарю) и блуждал, влюбленный, один по небу. И разгневался грозный бог-громовник Перкун (литовский аналог общеславянскому Перуну), разрубил его мечом, приговаривая: «Зачем ты оставил Солнце? Зачем влюбился в Денницу? Зачем таскаешься один по ночам?»

Художественная фантазия передала здесь поразившие человека естественные явления природы. Понаблюдайте когда-нибудь, и вы сами увидите: когда восходит поутру солнце, месяц исчезает в его ярких лучах, а когда вечером удаляется, месяц выступает на небо и перед самым утренним рассветом действительно блуждает по небу с прекрасной денницей.

Постоянные изменения месяца в объеме породили мысль об изменчивом характере, о непостоянстве и неверности в любви этого обоготворенного светила. В ярко багряном диске восходящего солнца наши далекие предки видели пламенеющий гневом лик небесной царицы. Чистота солнечного блеска рождала мысль о девственной чистоте богини, выступавшей на небо в пурпурной одежде зари и в сияющем венце лучей, словно богато убранная к свадьбе невеста.

Нечистая сила – сила мрака, холода, враждебного человеку зла. Темное царство демонов (ад) виделось древнему славянину на западе – там, где заходит Солнце, где гаснут его последние лучи.

ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, СВЕТ – ТЬМА, ДЕНЬ – НОЧЬ

По представлениям древних славян, жизнь на Земле поддерживают светила, добрые божества, которые посылают свои дары плодородия, не давая погибнуть всему живому. У западных славян богиня весны называлась Жива. Славянин чувствовал свое родство со светлыми богами. «Слово о полку Игореве» говорит о славянах как о внуках Даждьбога – Солнца, Даждьбога – подателя благ и плодородия. Богиней смерти, тьмы и ночи была Мара – Морена. Это имя родственно словам «смерть», «мрак», «морок», «мор», «мары», олицетворявшим нечистую, темную силу.

Между богами света и тьмы, тепла и холода идет нескончаемая борьба за владычество над миром. День и Ночь – это высшие бессмертные существа, причем День – первоначальное верховное божество света (Солнце), а Ночь – божество мрака. Они так же враждебны в преданиях, как и в самой природе. В

народных загадках день и ночь всегда называются «раздорниками» (ссорющимися). «Двое стоячих (небо и земля), двое ходячих (солнце и месяц), два здорника (день и ночь)».

Словацкая мифология донесла до нас следующее предание.

В то время, когда солнце готово выйти из своих чертогов, чтобы совершить дневную прогулку по белому свету, нечистые силы собираются и выжидают его появления, надеясь захватить божество дня и умертвить его. Но при приближении солнца они разбегаются, чувствуя свое бессилие.

В такой поэтической форме древние славяне передавали свои впечатления о том, как первые солнечные лучи, прорезав темный горизонт, разгоняют сумрак ночи. Каждый день повторяется эта борьба, и каждый день солнце побеждает.

По славянским поверьям, собирать лечебные травы, черпать целебную воду, произносить заклятья против чар и болезней лучше всего во время восхода солнца, на утренней заре, потому что с первыми лучами солнца прекращается влияние злых духов и рушится всякое колдовство. Как известно из народных сказаний, нечистая сила до того страшится крика петуха, предвещающего утро, что лишь услышит его, тотчас исчезает.

Дневной свет и тепло, ночная тьма и холод определялись суточным движением солнца, а летняя ясность и зимние туманы, закрывающие небо, и все мертвящие морозы — его годовым движением. Подобно тому как с утром связывались представления о пробуждающемся солнце, о воскресающей повсюду жизни и деятельности, так и с весной связывалась мысль о воскресении тепла, о восстании природы из зимнего сна, когда земля наряжается в цветы и зелень, из далеких стран прилетают птицы.

Наличие родственных признаков у всех этих явлений природы послужило сближению и даже отождествлению мифологических представлений о них у всех славянских народов. Весеннее просветление солнца они стали уподоблять утреннему рассвету, весну и богиню летних гроз — утренней заре, а зиму и тучи — темной ночи. Та борьба, которую наблюдал человек в ежедневной смене дня и ночи, виделась ему и в смене лета и зимы. «Зиме и лету союза нету», — говорит народная пословица.

По чешскому поверью, Солнце ведет постоянную борьбу со злой ведьмой, олицетворявшей ночной мрак. Оно побеждает ее, но и само терпит от ран, нанесенных ею. В июне месяце, в пору самого полного расцвета природы, солнце, следуя непремennomу закону, поворачивает на зимний путь; дни постепенно убывают, а ночи становятся длиннее; власть солнца мало-помалу ослабевает и уступает зиме. А в ноябре зима начинает набирать силу, земля застывает, воды оковываются льдами, жизнь замирает. Однако в декабре, когда зима одерживает победу, солнце поворачивает на лето, и с этого времени его сила снова нарастает, дни начинают прибывать, а ночи становятся короче. Словно чувствуя возрастающее могущество врага, зима истощает свои губительные силы в борьбе с приближающимся летом. Но тщетны ее усилия: весна является в положенный срок, воды сбрасывают ледяные оковы, воздух наполняется теплом, а согретая солнечными лучами земля получает дар производительности. И возрожденная природа вновь предстает в великолепии ее летних уборов, пока новый поворот солнца опять не отдаст ее во власть злой зимы.

Такое двойственное видение природы, в царстве которой действуют добрые и злые силы, отразилось на религиозных представлениях человека. Поклоняясь стихийным божествам, он одни и те же явления различал по мере их участия в создании или разрушении мировой жизни, по степени ближайшей и отдаленнейшей связи с элементами тепла и света. Так, опустошительные зимние бури и морозы считались порождением нечистой силы, бесами, в то время как весенние ветры, пригоняющие дождевые облака и очищающие воздух от вредных испарений, признавались добрыми спутниками верховного божества Перуна, его

помощниками в борьбе со злыми духами.

ЮГ – СЕВЕР, ПРАВЫЙ – ЛЕВЫЙ, ПРАВДА – КРИВДА

По движению солнца человек определял и свое отношение к окружающему миру, в частности устанавливал понятия левого и правого. Для молитвы он всегда обращался к востоку, и, следовательно, с правой руки у него был полуденный юг, а с левой – полноточный север. По этой причине в народных поверьях противоположность юга и севера сочеталась с правой и левой сторонами. Древние славяне были убеждены, что с правой руки человека стоит добрый ангел, с левой – злой черт. Отсюда и пошли народные суеверия:

«Не плюй направо – попадешь в ангела-хранителя. Налево плюнешь – попадешь в черта». «Вставать с постели надо правой ногой, а встанешь левой – весь день будешь не в духе». «Надевать и снимать обувь следует начинать с правой ноги». «Кто, входя в дом, ступит сначала правой ногой, того ждет хороший прием, левой – плохой».

Следуя древним ритуалам-гаданиям и приметам, славяне внимательно наблюдали, например, за тем, как переступает конь через мечи или жерди – правой или левой ногой, потому что верили: если переступает правой – жди удачи, левой – неудачи. Увидишь народившуюся луну с правой стороны – получишь неожиданную прибыль, с левой – что-то потеряешь. Чешется правый глаз – на милого посмотреть, левый – к слезам; правая ладонь чешется – получать деньги, левая – отдавать; правое ухо горит – слышать добрые вести, левое – плохие; в правом ухе звенит – друзья вспоминают, в левом – недруги.

К. Васильев. Садко

Под влиянием таких представлений слово «правый» получило значение нравственного, хорошего, справедливого, и от него пошли слова «правда», «право», «правило» и др.

Глядя на извив молнии как на тот не прямой путь, которым шествует по небу бог-громовик, древний человек связывал его с понятием хитрости, коварства, лукавства. Кривизна служила для обозначения всякой неправды, и прежде всего той кривой дороги, по которой ходит человек увертливый, не соблюдающий справедливость. Слово «лукавый» означает «хитрый», «злой». В буквальном смысле «лукавый» значит «согнутый», «искривленный» и происходит от слова «лук» – согнутая дуга, с которой и люди, и «сам Перун» выпускают свои стрелы. Словам «излучина», «лукоморье», «изгиб морского берега» соответствовали такие понятия, как «кривой», «кривда», «криводушный», а с понятием правды соединилось представление о душевной прямоте («прямить» – «говорить правду», «прямой человек» – «честный человек, идущий прямым путем»).

ДОЛЯ – НЕДОЛЯ, СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ

Понятия «доля» и «недоля» связывались с живыми мифическими лицами, тождественными девам Судьбы (их еще называли Рожаницами). По народным поверьям, счастье и несчастье зависят от добрых или недобрых действий сверхъестественных существ Доли и Недоли, чьи поступки определяются собственными расчетами, независимо от воли человека, которому они принадлежат.

Древние славяне считали так: счастливый вовсе не работает и живет в довольстве потому, что за него трудится его Доля, а когда Доля покидает его, он впадает в нищету. Несчастный страдает, испытывает всевозможные лишения потому, что Доля его предается праздности, бражничает, веселится и не хочет знать никакого труда. Деятельность Недоли всегда направлена во вред человеку: пока она бодрствует,

беда у него следует за бедой, и только тогда становится легче несчастному, когда засыпает его Недоля. Русская пословица звучит так: «Когда спит Лихо, не буди его».

Лихо, Горе-злосчастье, Недоля... Все эти понятия мифологии пыли широко использованы народным эпосом. У южных и западных славян к подобным понятиям относятся так называемые злыдни — маленькие существа неопределенных образов. Люди верили, что дому, в котором поселяются они, грозит большое горе, зло. Своим крохотным ростом и неугомонным характером злыдни напоминают домовых, карликов, злых эльфов, кикимор. Подобно марам, они, селясь в домах, живут невидимками и непременно за печкой.

Иногда в народной речи слово «доля» употребляется в смысле положительной, счастливой судьбы, а с отрицанием «не» — судьбы печальной, несчастливой. В народных пословицах, песнях и сказках беда выступает словно демон, как существо живое, самостоятельно действующее. Она странствует по белу свету, ищет людей, обреченных на несчастье, идет к ним навстречу, гонится за ними. Лихая, горькая, недобрая доля рождается вместе с человеком, следует за каждым его шагом на протяжении всей жизни и провожает в могилу. Горе отождествляется с богиней смерти: смерть охотится за живущими в мире, опутывает их своими сетями и роет заступом свежие могилы. Сказочным героям удается обмануть смерть, заточить ее в темницу и томить там. Существовало такое предание и о горе -недоле.

У многих индоевропейских народов было предание о ветре, который за развеянную у бедного крестьянина муку дарит ему счастливые, делающие его богатым предметы, вещи. Те же вещи получает сказочный герой от своей Доли. Вот эта сказка.

Жили-были два брата. Старший был богатый, да злой, а младший — работающий и добрый, да бедный. Что бедняк ни делает, ничего у него не получается. Вот вздумал он пойти искать свою Долю. Долго ли, коротко ли шел, искал ее и наконец отыскал в поле. Лежит себе Доля, прохлаждается. Стал он бить ее плетью да приговаривать: «Ах ты Доля ленивая! У других людей доли ночь не спят, все для своих хозяев работают, а ты и днем ничего не делаешь». «Полно, перестань драться! — отвечает ему Доля. — Вот тебе лубочный кузовок. Только раскрой, будет что поесть тебе!» Мужик пошел домой, раскрыв кузовок, а там — что только душа пожелает. Старший брат прослышал про такое, пришел к младшему и отнял диковинку силой. Отправился бедняк опять к Доле. Дала она ему золотой кузовок. Вышел он на дорогу, раскрыв его, а оттуда выскочили молодцы с дубинками и давай его бить! Больно побили и спрятались в кузов. «Ну, — думает мужик, — брошу я этот кузовок». Да не тут-то было. Оглянулся назад, а он опять у него за плечами. Нечего делать — принес домой. Польстился на золотой кузовок старший брат, пришел меняться... Долго помнил он потом этот обман...

Первый кузовок, лубяной, соответствует в сказке скатерти-самобранке, второй, золотой, — кнуту-самобою, а в мифологии это метафоры дождевой тучи, которая поит и насыщает Мать-сыру землю, и Перуновой палицы — молнии.

5. МИФЫ О ЖИВОТНЫХ И СУЩЕСТВАХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ

Повседневная жизнь древних славян была наполнена обрядами (календарными, семейными и т. д.), которые лежали в основе народных представлений об устройстве мира и определяли всю систему их представлений. Общий миропорядок «требовал» поддержания необходимого равновесия между миром людей и «тем» светом (миром предков, нечистой силы).

Мифологические персонажи имели свои характерные признаки: время появления (их нужно было ожидать в святки или Духов день, в полночь или в полдень); место

обитания или появления на земле (дома, в хлеву, в бане, в воде, в лесу, в поле); определенный внешний вид; приносящие помощь или вред человеку, животным и т. п.

Каждый персонаж мог иметь и какие-то дополнительные признаки, в результате чего не всегда удастся точно установить, имеем мы дело с одним и тем же персонажем или с разными. Так, болгарских русалок обычно представляли в виде красивых женщин с крыльями, длинноволосыми, в белом одеянии; появлялись они возле источников. Русалки-росены любили петь и танцевать, помогали в уборке урожая хлеба, винограда; к ним обращались для исцеления, но они могли и насылать болезни. Румынские же русалки описывались как нечисть исключительно вредоносная, связанная со стихией ветра, вихря, уродующая людей, сводящая их с ума. Эти крылатые девы любили танцевать и водили хороводы у воды, на полях, насылали болезни, отбирали у коров молоко.

Народная фантазия представляла вредоносные существа в виде животных, не очень любимых людьми, — змеи, волка или в образах дракона и фантастических мифологических персонажей, и действиях которых добро боролось со злом, а зло — с добром.

Злое существо называли бесом. Еще в египетской мифологии он вызывал страх. В древнеязыческих религиозных представлениях бесы — это злые духи. Следы такого употребления данного термина можно найти в архаических фольклорных текстах, особенно в заговорах. А не с ним ли связана в русском языке приставка с отрицательным смыслом «бес» (толковый — бестолковый, смысленный — бессмысленный и т. п.)? Из языческой терминологии слово попало в христианскую традицию и было использовано для перевода греческого слова «демон», зендского «див» или «дэв». В «Слове о полку Игореве» о диве рассказывается: «Див кличет на върху дерева... Див вържесе на землю...» Бесы — духи зла славянской мифологии — аналогичны злым духам самых различных мифологий.

«Чудо лесное поймано весною...» Лубок

Злыми духами в славянской мифологии были также «мары». Мара, маруха, мора, кикимора считались воплощением смерти, мора. Позднее Мара утратила связь со смертью, но сохранила, например в польских сказках, свой вредный для человека характер, способность к оборотничеству (помните — оборотни?) и т. п. Белорусская Мара — название нечисти, а также чучела, которое сжигают на костре в ночь на Ивана Купалу. Поэтому Марью в купальских песнях, легендах можно считать дальнейшей переработкой образа Мары.

В низшей мифологии¹⁷⁵ европейских народов, в которой господствовали демоны и духи, но еще не было богов, Мара — злой дух, воплощение ночного кошмара. Мара садится ночью на грудь спящего и вызывает удушье. В средние века считалось, что кошмары насылают ведьмы или дьявол.

Старинные моралисты называли наших предков людьми двоеверными. Еще в XV в. один католический священник записал свое мнение о русских верованиях: «Русские в такой степени сблизили христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианские верования».¹⁷⁶

¹⁷⁵ Термин «низшая мифология» впервые введен немецким этнографом В. Маннгардтом.

¹⁷⁶ «Один католический священник...» — так доносил в Рим в начале XV в. кардинал ДЭли. Цитата

Сегодня некоторые исследователи говорят даже о «троеверии», полагая, что третий компонент составляет тот элемент язычества, которым за семь веков до официального крещения Руси успело пропитаться византийское христианство и который был воспринят восточными славянами как простая *замена* языческого пантеона набором христианских святых (Волос — Власий, Перун — Илья, Род — Николай). Однако данная версия вызывает серьезные сомнения, поскольку и христианские святые заменили не Киевский пантеон богов князя Владимира, созданный книжниками в соответствии со знакомыми им греческими и римскими стандартами, а местных, малоизвестных идолов и божков.

На Руси мифологические сюжеты черпали из разных источников, одним из которых были «Отреченные книги», принесенные с Запада. Однако к ним причислялись также те листы или тетрадки, в которые люди по собственной инициативе записывали народные заговоры, приметы и суеверные наставления. В списке книг, запрещенных церковью, были «Остролог» (его называли также «Мартолой», «Острономия» или «Звездочетец и Зодий»). Это — сборники астрологических записей (заметок) о вступлении Солнца в различные знаки Зодиака, о влиянии планет на счастье новорожденных младенцев, об их воздействии на судьбы целых народов и общественное благоденствие. Из них черпали предсказания о грядущих событиях — узнавали, будет мир или грянет война, урожай или голод, повсеместное здравие или моровая язва. К таким сборникам относилась и «Рафли» — астрологическая книга, разделенная на 12 схем и трактующая о влиянии звезд на ход человеческой жизни.

«Аристотелевы врата» — перевод средневекового сочинения, составление которого приписывалось Аристотелю. Книга эта, помимо нравственных наставлений, содержала сведения по астрологии, медицине, физиогномике. Она состояла из нескольких разделов, называемых вратами.

Широкое распространение имела книга «Громник» («Молник»), включавшая сведения по месяцам о состоянии погоды, о будущих урожаях, которые связывали с громом или землетрясением, с ударом молнии.

«Колядник» содержит роспись примет по дням недели, на которые приходится Рождество Христово: если, скажем, в данном году оно приходится на среду, то будет зима великая, весна дождливая, жатва добрая...

«Мысленник» — это сборник апокрифических, т. е. не признававшихся церковью и не включенных в ее каноны, сказаний о создании мира и человека.

В «Волховнике» были собраны приметы; в «Соннике» — толкования снов; в «Путнике» рассказывалось о злых и добрых встречах; в «Зелейнике» — о волшебных и целебных травах (зельях) с указанием заговоров, употреблявшихся в народной медицине. «Чаровник» — это сказание о блуждающих оборотнях, «Метание» — книга гаданий с помощью жребия, «Альманахи» — календари с разными астрологическими предсказаниями.

Чудо морское. Лубок

Но в древности такие книги не только запрещалось читать: тех, кто имел их, предавали суду и даже казнили. Сжигались книги, музыкальные инструменты и все, кто слыл колдуном, ведьмой или просто знал и делал заговоры, как, например, при врачевании.

Заговорам приписывалась магическая сила, способная вызвать желаемое состояние. Они самым тесным образом связаны с мифом. Согласно А. Н. Веселовскому, в заговорах выражалось стремление повторить на земле, в практической деятельности человека те процессы, которые, по понятиям язычника, производятся на небе неземными силами. В заговорах дана подробная классификация космических и человеческих функций. Вот характерное для заговоров направление проникновения «внутри»: кровь — плоть — сухожилие — кость — мозг; путь «во вне»: дом — сени — двор — поле — лес — горы — моря, с указанием порога — дверей — ворот — дороги. В этом отношении заговоры могут

взята из книги М. Смирнова «Ягелло-Яков-Владислав и первое воссоединение Литвы с Польшею» (Одесса, 1868. — С. 16).

рассматриваться как важнейший источник, помогающий уяснить суть мифологических представлений о пространстве и времени.

В древности заговоры широко использовались в ритуале врачевания. К примеру, древнеегипетское врачевание предполагало ритуал и заговор: «Ра мучается спазмами, Гор делает статую Изиды — дитяти, гелиопольские боги волшебством отсылают боли Ра в эту статую». Включались в заговоры и божества: скажем, древнеиндийский бог Варуна, связанный с водой и мировым океаном, участвовал в заговорах против водянки. Заговоры балтийских славян от грозы или от прострела содержали обращения к Перуну-Перкунасу.

Вот славянский заговор от пореза.

На море, на Океане, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудожелтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба (имя) от порезу. Булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

А вот заговор от осинового укуса:

Оса, мать всем осам, ты мне не мать. Осятки-детки, всем детям детки, вы мне не детки. Беру я закручень-траву, сушу во сыром бору, жгу в зеленом лугу. Осятки, летите на дым; оса, беги в сырой бор! Слово — замок, ключ — язык!

За ворожбу и чародейство наказывали, ссылали в дальние места, заключали в монастыри, а бывало, и сжигали. Однако несмотря на противодействие церкви, старинные обычаи жили и во дворце, и в боярской палате, и в крестьянской избе; они же были и основой народных мифологических сказаний.

ЗВЕРИНЫЙ ЭПОС

Звери по своим инстинктам и привычкам, по движениям, крику, бегу, как и птицы по полету, искони служили для человека символическими выражениями различных явлений природы и собственной духовной жизни. В их поведении и повадках он усматривал игру свойственных ему самому страстей, пороков и добродетелей. Свои знания о земных животных древний славянин переносил в воображении на небесные атмосферные явления. Так, свист ветра, гром молнии, тучи, застилающие солнце, снег и дождь он объяснял криком, бегом и борьбой различных небесных зверей, птиц, огненных змей. Обращаясь к внутреннему миру своих чувств и мыслей, древний славянин находил повод для аллегорического сравнения себя с известными животными, обозначил их именами и переносил их имена на самого себя. Так возникли аллегорические названия некоторых народностей: фряг — лев, сарацин — вепрь, литвин — тур, турок — змей, румын — выдра и т. п.

В основе таких представлений лежали положительные или отрицательные качества. Со временем мифическая символика исчезла, а в новейшие, христианские времена в образах животных стали сатирически изображать людские страсти и пороки.

Все басни и сказки о животных восходят к самым древним временам, когда существовали чисто мифические предания, и даже древнегреческому баснописцу VI в. до н. э. Эзопу принадлежит честь лишь первой *литературной* обработки этих древнейших сказаний. Эта обработка придала им новую форму сатирического рассказа, целью которого было моральное нравоучение.

На Руси сказания долго сохранялись в их первоизданном виде — как народные сказки, тогда как на Западе в XII в. эти мотивы образовали так называемый

звериный эпос. В XIII в. сформировались три главных эпоса, героем которых был Лис (латинский *Reinardus Vulpus*, французский *Roman de Renard*, южно-немецкий или саксонский *Reineke Voss*. Английские, голландские, шведские переводы и переработки появились позднее – в XIV в.).

Частично эти сказания попали в поэзию южных славян. В русской народной поэзии не сложились столь пространные эпопеи о жизни животных, но к образам диких зверей в древних русских сказках добавились типичные черты, характерные для зверей в западноевропейских сказаниях, особенно волка и лисы. Вспомним сказки о хитрой лисе и глупом волке. С детства мы знаем сказку о том, как лиса притворилась мертвой, заставила мужика поднять ее и положить на телегу, на которой он вез рыбу. По дороге лиса разбросала рыбу и сама сбежала. Встречается ей волк и просит у нее рыбы, а она ему отвечает: «Сам налови!»

До этого момента содержание сказок о лисе и волке у всех славянских народов было одинаковым, но дальше их сюжет в разных странах развивался по-разному. На Руси под влиянием северного климата она получила и соответствующее продолжение: русская лиса учит волка опустить хвост в прорубь, чтобы наловить рыбы. Хвост примерзает. Волк не может убежать и от боли и холода начинает выть. Утром прибегает народ и бьет волка...

Помимо басен и сказок, самостоятельную область рифмованных рассказов и мифологических сведений о животных составляли «Бестиарии», или «Физиологии», имевшие большой успех и влияние на различные искусства – архитектуру, витражи, нумизматику, геральдику. Собственно, они были продолжением древнейших сведений о животных, собранных Плинием и Элианом еще в античные времена, хотя эти сведения более справедливо отнести к миру чудес, чем к зоологии. Под пером византийских писателей они обрастали новыми фантастическими сюжетами, к которым примешивались мифические представления Индии и Сирии.

На Русь эти мифологические образы попали из переводной болгарской, византийской, греческой и другой литературы, в которой было много переводных сказаний, но в ней они приобрели близкие русскому характеру черты, известные еще по русским былинам и сказкам. В «Бестиариях» и «Физиологиях» реальные сведения о разных народах и животном мире дополнялись легендами. Подобным сборником была «Палея», которая состояла из библейских апокрифических сочинений, отступавших от официальных, церковных.

КИТОВРАС

В одном апокрифе повествуется о Китоврасе – мифологическом существе, получеловеке-полуконе. Центральная фигура этого сказания – царь Соломон, прославившийся своей мудростью. Вообще в разных сказаниях о Соломоне Китоврас выступает то как его брат и сподвижник, то как враг и соперник. Одно из апокрифических сказаний «Палеи» XV в. знакомит нас с особо прославившим Соломона строительством Храма, в котором должен храниться «ковчег завета».

Заготовив огромное множество камней (переносили их с горы Офил семьдесят тысяч рабочих), Соломон вдруг подумал, что у него нет приспособления, с помощью которого можно тесать и резать камни. Говорят, правда, такое чудесное приспособление есть, но его знает только Китоврас.

И вот, узнав, где обитает это существо, Соломон решил пленить его. К захвату он тщательно подготовился: приказал сковать прочную железную узду, а посланцам дал с собой овечьих шкур, запас вина и меда.

В далекой пустыне, где жил Китоврас, было три колодца, из которых он часто пил. По указанию Соломона «бояре» вычерпали из них воду и, заткнув дно овечьими шкурами, заполнили два колодца вином, а один медом, сами же спрятались невдалеке.

Почувствовав жажду, Китоврас пришел к колодцам. Их содержимое так понравилось ему, что он выпил все сразу и крепко уснул.

Воспользовавшись этим, Соломоновы посланцы обуздали его железной уздой и привели к царю. Три дня Соломон не допускал его к себе, а потом наконец объяснил, зачем тот ему так понадобился. Пленнику пришлось раскрыть свою тайну.

«Есть птица, — сказал он, — зовут ее Страфиль. Перья ее крепче стали и булата, и режут ими кости и камни. Живет Страфиль на синем море. Когда она встрепенется, все море колышется. Она так велика, что держит белый свет под своим правым крылом». Перья этой птицы и помогли Соломону успешно закончить строительство.

Семь лет Китоврас оставался в его царстве. Возгордившись своей мудростью, Соломон позвал его к себе и сказал: «Вот, я хоть и человек, а сумел справиться с тобой, мощным зверем». Обиделся Китоврас и ответил: «Силу мою, Соломон, ты еще не видел. Если хочешь узнать ее, сними с меня узду и дай мне с руки твой перстень».

Не ведая беды, Соломон так и поступил. А Китоврас, проглотив перстень, распростер крылья и закинул Соломона на самый конец земли...

Последняя сцена изображена на Васильевых вратах (по имени создателя) Троицкого собора в городе Александрове Владимирской области. Данное крупным планом, мифическое существо держит за ноги маленькую фигурку царя, а высоко поднятое крыло готово нанести сокрушительный удар. Не случайно художник изобразил Соломона и Китовраса такими разными по величине: в народном искусстве значимость персонажей всегда подчеркивалась местом и размером. А ведь именно Китоврас превзошел Соломона своей хитростью и силой.

Слово «китоврас» греческого происхождения, однако истоки самого образа следует искать на Востоке, в Древней Индии. Там такое же мифическое существо называлось Гандарву, откуда скорее всего и появилось второе имя Китовраса — Кентавр. По индийским легендам, Гандарвы — это темные демонические существа, духи, способные легко перемещаться и принимать любой облик. Своим волшебным пением они могли вызывать из моря страшных чудовищ, топить корабли. Похоже, именно от них получил Китоврас крылья и волшебную силу.

Полюбившееся на Руси сказание о Китоврасе в XVI–XVII вв. заметно обрусело. Переосмысляя иноземные повести и легенды, наши предки оставляли лишь тех героев, которые были близки им по духу. Китоврас-Кентавр привлекал не только своей невиданностью: в русском фольклоре конь и человек так тесно связаны друг с другом, словно слиты в единое существо.

Введя коня-человека в число своих героев, наши предки наделили богатыря собственными достоинствами: утратив крылья и злую силу, он стал мужественным и благородным, сильным и смелым. Он вошел в самые популярные сказки, сражаясь бок о бок с Бовой Королевичем и Ерусланом Лазаревичем. Конь-человек в этих широко распространенных сказках описывается так: «Сильный богатырь, а имя ему Полкан, по пояс — пёсьи ноги, а от пояса, что и прочий человек, а скачет он каждый скок по семь верст». Даже имя свое Кентавр-Китоврас на Руси сменил на более близкое русскому человеку имя Полкан («полу-конь»).

КОНЬ

В древнейших государствах Ближнего Востока Вавилонии и Египте около 3 тыс. до н. э. еще почти не знали лошади. Например, в древней стране южного Двуречья (юг современного Ирана) в государстве Шумер было изобретено колесо и повозки. Люди умели запрягать ослов и онагров (мулов), лошадь называли «ослом северных гор» (опять северная прародина — на северных горах!). Даже в известных законах царя Хаммурапи (1795–1750 до н. э.) в Вавилонии лошадь не упоминается. Преимуществами лошади, ее силой и скоростью впервые научились пользоваться народы, которые жили на территории нынешней Турции и Ливана и входили в состав Хеттского союза (вспомним об индоевропейских корнях хеттского языка). Они изобрели боевую колесницу и тем самым повлияли на окружающий их мир, поэтому все второе тысячелетие до н. э. иногда называют эрой боевых колесниц.

Автором первого из найденных текстов произведения о лошадях, написанного на глиняных дощечках за 1350 лет до н. э., был начальник конюшен хеттского царя Киккули.

Вряд ли С. Есенин читал этот трактат, но в своих замечательных «Ключах Марии» он описал русское восприятие коня провидчески.

Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице. Ни Запад, ни Восток, взятые вместе с Египтом, выдумать этого не могли, хоть бы тысячу раз повторили себя своей культурой обратно. Это чистая черта Скифии с мистерией вечного кочевья. «Я еду к тебе, в твои лона и пастбища, — говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо». ¹⁷⁷

«Сивка-бурка». Чудесного коня в русских сказках называют так: «Сивка-бурка-вещий каурка». Эпитет «бурый» родственен словам «буря», «буран» и означает то же, что «метель», «вихрь», «бурлить», «шуметь», «бушевать». У бурого коня шерсть напоминает цвет грозящей бури. В целом ряде славянских народных сказаний буйные ветры, ходячие облака, грозовые тучи, быстро мелькающая молния называются небесными конями.

Будучи олицетворением порывистых ветров, бури и летучих облаков, сказочные кони наделялись крыльями, что роднило их с мифическими птицами, а дополнительными эпитетами «огненный», «огнедышащий» награждались кони с ясным солнцем или месяцем во лбу, с частыми звездами по бокам. «Золотогривый», «золотохвостый» или просто «золотой конь» служит поэтическим образом солнца.

Вот как в русских народных сказках описывались Сивка-бурка или вообще богатырские кони.

Добрый конь осержается, от сырой земли отделяется, поднимается выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего; из ноздрей огонь-пламя пышет, из ушей дым столбом, следом — горячие головешки летят; горы и доли промеж ног пропускает, малые реки хвостом застиляет, широкие перепрыгивает.

Изображение коней в славянской иконографии насквозь проникнуто мифологическим символизмом.

В западнославянских сказках мы находим те же описания: «Зашумели ветры, заблестали молнии, затопали копыта, задрожала земля, и показался конь из коней; летит как вихрь, из ноздрей пламя, из очей искры сыплются, из ушей дым валит...» Данные описания представляют собой точное отражение древнепоэтических воззрений на природу: дивному богатырскому коню приданы все свойства грозовой тучи. Это и бурый цвет, и необычайная скорость, и полеты по поднебесью, и способность перескакивать через моря, горы и пропасти, и жгучее пламя изо рта, и топот, от которого земля дрожит.

Водяные кобылицы. В народных сказках говорится о морских или водяных кобылицах, выходящих из глубин вод. Купаясь в горячем молоке этих кобылиц, добрый молодец становится юным, могучим, красивым, а враг его, делая то же самое, погибает.

В Хорватии кобылицы назывались кобылицами вил, так как в образе вил славянская мифология олицетворяла грозу с всполохами молний и связывала с образами Бабы Яги или ведьмы. В южно-славянских странах был такой миф: молодец, желающий добыть чудесного коня, поступает на службу к бабе-чаровнице

¹⁷⁷ Есенин С. А. Собр. соч. — М., 1979. — Т. 5. — С. 171.

и пасет буйных кобылиц, в которых превращаются ее собственные дочери. На Руси считалось, что ведьмы превращаются в кобылиц и бешено носятся по горам и долам. Молоко мифических кобылиц — живая вода, дождь, проливаемый тучами. Купаясь в молоке, сказочный герой становится силачом и красавцем. Подобно языческим богам и богиням, сказочные герои и героини переносятся в дальние страны не только на богатырских конях, но и в летучих колесницах, которые мгновенно появляются и исчезают в повозках-невидимках. Такие колесницы и повозки тождественны ковру-самолету и плащу-невидимке: это различные метафоры облака.

«Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре» и «живой огонь». Приглядимся к некоторым иконописным сюжетам с изображением коней. Вот, например, сюжет «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре». На иконе изображен архангел в рост, лицом к зрителю, а вполоборота к нему — святые Флор и Лавр. Под ними два коня — черный и белый. Архангел Михаил вручает Флору и Лавру поводья разномастных коней. Но вот загадка: почему на иконе сугубо древнерусский сюжет? Дело в том, что до того, как ранневизантийские легенды аналогичного содержания появились на Руси, в них близнецы Флор и Лавр не имели к коням никакого отношения, а были каменотесами, и только. Еще Дмитрий Ростовский — церковный деятель эпохи Петра I вынужден был признать, что сюжет иконы прикрывает неведомую языческую басню... Позже к тому же выводу пришли и ученые-историки. По их осторожному предположению, близнецы Флор и Лавр заменили античных богов Кастора и Полидевка, тоже близнецов — Диоскуров, сыновей Зевса.

Заметим, что близнецы-всадники типа Диоскуров были известны во всем древнем мире. В Индии это — ашвины, были они у германцев, балтов и у славян. Когда в России праздновали память Флора и Лавра, то в этот день полагалось обводить коней вокруг церкви, а затем гнать их меж двух костров, зажженных от «живого огня». «Живым», особенно «священным» считался огонь, добытый трением дерева о дерево, т. е. «хранящийся в дереве».

Из описания позднего крестьянского обычая видно, что Флор и Лавр были причастны к коневодству. Огненные ритуалы с «живым» огнем, пламенем дают ясно понять, что Флор и Лавр заняли место языческих коней-богов, некогда чтившихся славянами. Античные Диоскуры вообще не связаны с культом огня, связь эта прослеживается только в Иране. Даже римские императоры заимствовали из иранских дворцовых ритуалов особые церемонии с огнем.

Персидский культ огня повлиял на весь древний мир, на буддийское и восточно-христианское искусство, а возможно, и на старинные славянские обряды: ведь огненные ритуалы в праздновании дня Флора и Лавра очень стары. Известны они и у скифо-сарматских племен.

Ну а кто же был на месте архангела Михаила? От него — исчезнувшего божества — остались лишь черный и белый кони, олицетворявшие ночную тьму и дневной свет. Эти вышедшие из старого солнечного мифа языческие символы (белый конь — образ дня, черный — образ ночи) встречаются еще в гатах Авесты — священной книги персидских зороастрийцев. А с конями и двумя спутниками изображался иранский бог Митра, которого, по всей вероятности, мы и видим на иконе «Чудо о Флоре и Лавре». Данное предположение доказывает и скульптура V в. н. э. из Хайрахане в Северной Индии: вверху сидит Митра, по правую и левую руку от него видны два маленьких божества, внизу — два оседланных коня. Спутники Митры — тоже близнецы, иранские двойники античных Диоскуров, поскольку те и другие символизировали утреннюю и вечернюю зарю.

Все это говорит о том, что еще в иранских мифах встречаются те идеи и персонажи, которые отображены на иконах русских мастеров-иконописцев. Ни античные, ни

христианские сюжеты не дают такого совпадения общей композиции отдельных деталей и внутреннего значения. Солнечное божество, его спутники-близнецы, т. е. зори утренняя и вечерняя, наконец, два коня (черный — ночь, белый — день) — вот что изображалось в митраистской скульптуре и на древнерусской иконе.

Этот вывод подтверждает и археолог В. Городцов в изданной в 1926 г. книге «Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве»: на крестьянских вышивках Русского Севера автор выделил набор композиций, воспроизводившихся в первом тысячелетии до н. э. на скифо-сарматских украшениях.

ЗМЕЙ

Змеиное многообразие. Змей представлен почти во всех мифологиях мира как символ, связывавшийся, с одной стороны, с плодородием, землей, мудростью, с женской производящей силой, водой, дождем, а с другой — с домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом. Изображения змея находят еще в искусстве верхнего палеолита. Культ змея был широко распространен в Триполье, где он олицетворял пробуждение природы, весну. На глиняных женских статуэтках змей часто изображался как существо, охраняющее и оплодотворяющее женщину. Без змея не обходится почти ни один керамический сосуд трипольцев, но у них он не всегда представлялся добрым защитником очага.

Уже в те далекие времена люди подчеркивали его двойственность. В представлениях трипольцев, наверное, жил какой-то злой змей — дракон, ассоциировавшийся с ужом. Такой уж изображается, как правило, на крышках сосудов снаружи и изнутри, а вид у него свирепый — круглые глаза, большие рога, крылья-когти. Двойной спиралью уж обвивает сосуд, то отпугивая, то угрожая каждому, кто хочет прикоснуться к нему.

Видимо, спираль была для трипольцев символом того, чему они поклонялись или чего боялись, возможно, чего-то непостижимого, но вечного: смены ли времен года, дня и ночи, таинства жизни и смерти, вращения звездного неба или кругового движения солнца, т. е. того, что они видели, но постичь им было не дано. Спираль служила для них знаком виденного, а может быть, и его смыслом.

С времен верхнего палеолита известно противопоставление змей и птиц, получившее продолжение в раннеевразийском искусстве: птицы как животные верхнего мира, змеи — нижнего. Однако на смену этому противопоставлению пришло соединение признаков змеи и птицы в образе летучего крылатого коня — дракона. Сопоставление образов змеи и коня привело к появлению мифологического образа змеи-дракона с головой коня и телом змеи.

В качестве символа плодородия змей получил особое распространение на Крите и Кипре, где найдены изображения женщин (жриц) со змеями в руках. В Египте богиня плодородия и урожая Рененутет предстает в образах кобры или коброголовой женщины.

Змея была одним из атрибутов греческой богини мудрости Афины. В скифоиранской традиции известна богиня со змеиными ногами и двумя змеями, растущими из плеч. Древнеиндийский мировой змей держал на себе землю. Сходную космическую функцию держателя Земли выполнял и мировой змей в скандинавской и египетской мифологиях. В первой это был змей Мидгарда-Ермунганд, живущий в океане и опоясывающий всю Землю, а во второй — змей Мехента, окружающий Землю.

Самые популярные в русском эпосе Змей Горыныч и Тугарин Змеевич крылаты, и потому это скорее всего драконы. Есть в русских сказках и Змея (женского рода), которая прозревает единожды в году на Иванов (Купалы) день, и тогда она бросается на человека или зверя, пробивая свою жертву насквозь (похожее поверье есть и в западноевропейской мифологии о змее, которая стрелой влетает в пасть крокодила и пробивает ему бок). В славянской мифологии змеи имеют своего царя, имя которого Василиск.

Согласно народным поверьям, змей обладает демоническими свойствами и богатырской силой, он знает целебные травы, имеет несметные богатства и живую воду. Иногда змей предстает как страшное чудовище, превращающееся в красавца и вступающее в незаконные связи. Эти «второстепенные», «побочные» представления связаны с основным — с образом огненного змея, олицетворявшим действительное явление природы — молнию, изгиб которой и в самом деле напоминал древнему человеку змею на земле, а на небе — падающую звезду, ибо звезда казалась ему тождественной сверкающей молнии.

В русской летописи в записи под 1556 г. читаем: «Бысть знамение того места, где звезда пала на небеси, явися яко змий образом без главы стояше... ино яко хобот хвост собираше, и бысть яко бочка и спаде на землю огнем и бысть яко дым по земли». Многие предания отождествляют змея с грозовой тучей. Сам эпитет змея «огненный» свидетельствует о его связи с грозовым пламенем.

Издrevле поражала человека живучесть змеи. Продолжая извиваться, ее изрубленное тело вызывало трепет и благоговение перед ее особой жизненной силой. Существовало ритуальное убийство змей. Змея могла укусить смертельно, и поэтому олицетворялась с силами зла, тьмы, преисподней. В греческой мифологии есть миф о Тифоне — чудовище с сотней змеиных голов, способных лаять, шипеть, рычать.

Тифон вступает в брак с Ехидной — полудевой, полужмеей с прекрасным ликом, но ужасной в своей змеиной сущности; и от этого брака рождаются такие же страшные чудовища — Химера, опустошавшая Грецию, Лернийская гидра, похищавшая скот и тоже опустошавшая земли в окрестностях Лерны, и другие. Тифон, низвергнутый под землю в наказание за бунт против Зевса, лежит там связанный и изрыгает пламя, сотрясая почву.

Змей и орел. Схватка змея с орлом, являвшимся олицетворением добра и света, — очень древний и распространенный мотив. Следы его находят на кубке Шумерского правителя Гудеа (XXII в. до н. э.); в известных образах Георгия-победоносца, побеждающего змея на русских иконах, и «фракийского всадника»; в отлитом из металла Медном всаднике в Санкт-Петербурге. Во всех этих изображениях всадники ассоциировались с орлами. В печатных гравюрах торжество добродетели воплотилось в образе орла с побежденной змеей в когтях. В индуистских мифах также живописуется битва между мудрым змеем Нагом и птицей Гарудой. Дочь Нага в облике девушки с истинно змеиной хитростью вырвала любовь у целомудренного юноши Арджуны. «Ты обязан помогать несчастным, — сказала она, — а разве я не несчастна в любви к тебе?» В античные времена змея в когтях орла нередко трактовалась как символ победы патриархата над матриархатом: змея означала в таком случае женское начало и сакральную (тайную) мудрость. Гомеровские греки считали орла с окровавленной змеей в лапах добрым предзнаменованием, означавшим, что Троя падет: Орел-Зевс одолеет змеиное «женское» начало, ибо кто, как не Афродита, толкнула Елену нарушить святой закон патриархата и бежать с Парисом.

На острове Корфу почитали богиню Медузу, которая в греческой мифологии превратилась в чудовище. Вид его был ужасен: крылатое, покрытое чешуей, со змеями вместо волос, с клыками, со взором, превращающим все живое в камень. А ведь при матриархате змеиные атрибуты Медузы означали лишь бессмертие и святость... Медуза стала одной из горгон, она была бессмертна. (Согласно одному из мифов, Персей отрубил ей голову и из ее крови родился Пегас — крылатый конь, олицетворявший поэтическое вдохновение.)

Письменная «Змеиада». В «Ветхом Завете» змей (теперь уже мужского рода) стал дьяволом-змием. Через него в мир вошел страх. Но и проклятый Богом змей продолжал оставаться символом мудрости.

Христианам змея представлялась существом двуликим, воплощавшим в себе одновременно добро и зло. В средневековой «Бестиарии» можно прочесть, что мудрость вызывала опасливое недоверие. Моисей в пустыне оберегал соотечественников от хворей и змеиных укусов с помощью Медного Змия. Во II–III вв. в книге «Физиолог» появился такой рассказ.

Змея, почувствовав, что стареет и слабеет, начала поститься и закончила лишь тогда, когда у нее отслоилась кожа (пост продолжался 40 дней и 40 ночей). Затем змея нашла расщелину, проползла в нее, сбросила старую кожу и помолодела...

Змея, сбрасывающая старую кожу, была привычной иллюстрацией средневековых бестиариев, в которых она занимала срединное положение между двумя группами животных: между вымышленными и вполне реальными, но наделенными невероятными свойствами. Змею изображали и с женским телом, и с львиным, и со скорпионьим, с бесчисленными головами. Вольный полет фантазии со временем превратил змею в оборотня Василиска, в летучего змея – дракона, в аспида. Согласно одной из версий, египетская царица Клеопатра именно аспида заставила ужалить себя, по другой версии, ее укусила фантастическая змея – «гипнал», от укуса которой человек засыпает и умирает во сне.

Страницы рукописей и фронтоны средневековых храмов украшали изображения и самой ужасной из змей – эморриса, который, по сказаниям, выжимал из людей всю кровь. В древних преданиях рассказывалось о том, что в Аравии обитает змея-сирена, способная мчаться быстрее лошади, а в Италии боа-удав выдаивает коров. Встречающаяся во всех славянских странах гадюка – «порождение ехидны» – описана в «Бестиарии» как весьма злое создание. Человеческое воображение шло от образа мирового змея как символа Вселенной, обнимающего время, вечность и бессмертие, обвившего планету кольцом и ждущего конца мира, чтобы проглотить ее, к заурядному «запечному змею» – разновидности домового. Таким он был у западных славян и очень напоминал индийского Нага.

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ РУССКИХ СКАЗОК

В русских народных преданиях Кощей Бессмертный появляется чаще всего в образе змея. Кощей играет ту же роль скупого хранителя сокровищ и опасного похитителя красавиц, что и змей: оба они одинаково враждебны сказочным героям и свободно заменяют друг друга, так что в одной и той же сказке в одном варианте действующее лицо – змей, а в другом – Кощей.

В польской сказке подземный король Кощей Бессмертный выступает вместо Морского царя. В первоначальном значении Морской царь – это бог дождевых туч, затмевающий светлое солнце, а в поэтическом контексте – похищающий златокудрую деву. Встречающиеся в старославянских памятниках «кощь» и «кошть» переводятся как «сухой», «тощий», «худой», и им родственно слово «кость». Глагол «окостенеть» употребляется в смысле «застыть», «оцепенеть», сделаться твердым, как кость или камень от сильного холода. Слово «кощей», возможно, сначала применялось в качестве эпитета, а потом и как собственное имя демона – иссушителя дождевой влаги, представителя темных туч, окованных стужей. Он появляется в зимнее время, когда тучи как бы застывают, превращаются в камни и не дают больше плодоносных дождей, а потому земля лишается своей производительной силы.

В народе до сих пор именем «Кощей» называют старых скряг, иссохших от скупости и дрожащих над затаенным сокровищем (золотом солнечных лучей и живительной влагой дождя). Народная сказка приписывает Кощею и обладание гуслиями-самогудами, которые играют так искусно, что всякий невольно заслушивается их до смерти — метафора песни, которую заводят суровые осенние вихри, погружающие в оцепенение, долгий сон всю природу.

Видимо, и Баба Яга — вещая сказочная старуха, заправляющая вихрями и бурями, тоже родственна со змеем и зовется Баба Яга — костяная нога. В старорусском языке были выражения «кощуны творить», «кощунствовать», что означало совершать действия, приличные колдунам и дьяволам. Диалектное «костить» значило «бранить». В русских сказках Кощей «чует русский дух», в заговорах произносится заклинание против Кощея-ядуна.

Кощей и Марья Моревна. В одной русской сказке юный царевич, образ которого явно связан с богом-громовником, женится на Марье Моревне, прекрасной королевне. Ее воинственный характер, неопишуемая красота и прозвание «Моревна» (дочь моря) указывают на то, что это — славянская Лада, богиня весны, в образе которой соединились представления о весеннем солнце и о дожденосной облачной деве. Солнечные лучи метафорически уподоблялись ее золотым волосам.

...Брак прекрасной королевы и юного царевича непродолжителен: Марью Моревну похищает Кощей Бессмертный, закованный в цепи (холод, лед зимой), которые он легко разрывает, лишь только ему удастся напиться воды весной, когда тает снег. Сорвавшись с цепей, Кощей крадет красавицу и уносит ее далеко в свои горы и подземные пещеры.

Царевич отправляется на поиски, в чем ему помогают силы природы — ветер, гром, дождь (их олицетворения — птицы сокол, орел, ворон). Царевичу удается увести Марью Моревну из заточения, но Кощей (или змей) быстро нагоняет их на своем славном коне, отнимает царевну и снова запирает в неволе. Тогда царевич решает добыть себе такого коня, который был бы сильнее и быстрее Кощеева, и за трудную службу у Бабы Яги достигает своей цели.

Он во второй раз вызволяет и увозит Марью Моревну. Кощей опять пускается в погоню, но богатырский конь Ивана-царевича убивает его своим копытом.

Этот вариант народного эпоса рисует весеннюю грозу, когда красавица-Солнце то выходит из-за туч, то снова заволакивается ими, пока добрый молодец-громовник (царевич) не осилит эти тучи. Образ коня у царевича соответствует образу греческого Пегаса: как тот ударом копыта творил источники, так этот поражает копытом Кощея, т. е. уничтожает тучу, заставляет ее пролиться на землю обильным дождем.

Тайны Кощея. В других вариантах сказки Иван-царевич отыскивает Кощееву смерть. Но смерть Кощея далеко скрыта: на море, на океане, на острове Буяне есть зеленый дуб, под дубом тем зарыт железный сундук, в том сундуке сидит заяц, в зайце — утка, а в утке — яйцо. Стоит только добыть то яйцо, раздавить его — и Кощей умирает.

По сюжету еще одной сказки, красавица-царевна выведывает у Кощея его тайну, сообщает ее царевичу, и тот отправляется на чудесный остров.

Долго идет он путем-дорогой. Голод донимает его. Тут летит ворон (ястреб или сокол). Иван-царевич прицеливается, но ястреб говорит человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе еще пригожусь!» Пожалел Иван-царевич ястреба. Потом ему встречаются медведь, затем волк, и сцена повторяется. Наконец, видит царевич: лежит на берегу щука, не в силах добраться до воды. «А, попалась, зубастая, — говорит Иван-царевич. — Я тебя поймаю и съем». «Не ешь меня, царевич, — отвечает щука. — Скоро я сама тебе пригожусь». Преодолея, пересилив свой голод царевич, добрался до острова, вырвал из земли зеленый дуб с корнем, отрыл железный сундук, но не знает, как его отпереть. Тогда явился к нему медведь и помог в беде. Из сундука выскочил заяц, и не успел он скрыться, как за ним погнался волк, догнал зайца и принес царевичу. Тот распорол его острым ножом. Из зайца вылетела утка. Царевич разрезал утку, стал вынимать яйцо, оно упало в море.

Но тут помогла ему щука и подняла яйцо со дна морского.

В сказках Кощей сообщает свою тайну в виде загадки, за метафорами которой стоят те же образы природы. «На море, на океане, на острове Буяне» означает: среди небесного океана, в блаженной райской стране высится дуб, а под ним сундук зарыт. Дуб тот – это и дерево Перуна, и ясень Игдрасиль, из-под корней которого струится живая вода дождя (поток, ручей). Сундук (в некоторых вариантах – гора, камень, подземелье) – метафоры тучи, скрывающей в своих недрах солнечные лучи и дождевые ключи (колодец, пруд или озеро). Закованная в зимнюю стужу туча сравнивалась с окованным железными обручами сундуком, в котором до поры до времени покоятся могучие силы грозы. У дождевого источника встречаются дракон, заяц, утка – все это мифологические обозначения грозных туч. Описывая весеннюю грозу, древние славяне заставляли героя сокрушать железные запоры и вступать в борьбу с облачными демонами; подвергаясь ударам грома и молнии, порывам ветра, тучи постоянно меняют свою форму и принимают различные фантастические образы, возникающие один из другого.

Эпитет Кощей «бессмертный» связан с тем, что после окончания летней половины года зима вновь овладевает миром и властвует над ним до следующей весны. После победы над Кощеем Перун выводит из-за темных облачных затворов богиню летнего плодородия и вступает с ней в торжественный брачный союз. Оттого смерть Кощей, согласно сказочным преданиям, скрывается там же, где и любовь заколдованной красавицы, временно охладевшей к своему супругу. Погибает Кощей, и возвращается любовь красавицы-царевны к покинутому ею царевичу. Захватывая светлую красавицу, богиню летнего плодородия в свои мрачные объятия, Кощей, по свидетельству народного эпоса, вступает с ней насильно в любовную связь, и связь эта продолжается до того времени, пока не победит его Иван-царевич или могучий бог-громовник.

Со Змеем Горынычем связывали не только Кощей Бессмертного, но и дивов. У сербов «див» означает «чудовище», «великан», «гигант», у болгар – «бурный вихрь». Собственно слово «див» имеет значение «светлый», «блестящий». Индоевропейцы употребляли это слово в качестве названия небесного свода. Но так как, с одной стороны, небо есть царство грозных туч, с которыми ассоциировалось представление о демонах мрака, чудовищных змеях и великанах, а, с другой стороны, в самих сверкающих молниях наши предки усматривали падших, низверженных с неба духов, то слово «див» стало употребляться для обозначения нечистой силы и великанов. Дивов славяне называли еще Чудом-юдом. Это название приписывалось и морскому царю, и водяному змею, а иногда лешему или домовому.

ВОДЯНОЙ

Дедушка водяной, водяной шут, водяник, водовик, топелец (польск.), водник (чешск.), водний мож (словенск.) – все это в славянской мифологии воплощения стихии воды как отрицательного и опасного начала, злой дух. Чаще всего он выступает в облике мужчины с чертами животного (лапы вместо рук, рога на голове) или опутанного тиной безобразного старика с большой бородой и зелеными усами. Олицетворение водяных – черный цвет. В жертву им приносили черного козла, черного петуха.

Морской царь. Согласно народным поверьям, водяные приносят людям один лишь вред, они с радостью принимают в свои владения всех случайных и

намеренных утопленников; живут в реках, обрывистых омутах, у мельниц, любят собираться на ночлег под мельничными колесами. Как и вся бесовская рать, водяные любят устраивать пиры, угощать родичей из ближних и дальних омутов и играть в азартные игры. Есть на эту тему такой рассказ.

Куштозерский водяной князь сошелся в азартной игре в кости с могучим царем, у которого были огромные владения, под стать Онежскому озеру. Никакой риск ему был не страшен, и в игре он был искуснее. Захолустный же князек проигрывался всякий раз, как только садился играть с могучим царем на крупные ставки. Обычно дело кончалось тем, что он проигрывал и воду, и рыбу, а затем и сам попадал в кабалу. Проигравшись в пух и прах, этот князек уходил к царю Онегу зарабатывать проигранную сумму и жил у него в батраках, пока не получит ее. Когда же исполнялся договорный срок, он возвращался в свое водяное логовище и обзаводился новой рыбой.

В других преданиях рассказывается о том, как водяные украшают чертоги, в которых живет Морской царь. Его дворец сияет золотом и серебром с потонувших судов, играет камнями-самоцветами. Эти предания отразились в русских былинах о Садко. Вот сюжет одной из новгородских былин.

К. Васильев. Царь морской

Гусляр Садко, игра которого полюбилась Морскому царю, бьется об заклад с новгородскими купцами, что выловит рыбу «золотые перья» в Ильмень-озере. С помощью Морского царя он выигрывает заклад и становится «богатым гостем». Садко снаряжает торговые корабли, но те останавливаются в море: гусляр должен по жребию опуститься на дно морское. Оказавшись в палатах Морского царя, Садко играет для него. Тот пускается в пляс, отчего море волнуется, и мореплаватели гибнут. По совету явившегося Николы Угодника Садко перестает играть и обрывает струны своих гуслей. Морской царь предлагает Садко жениться на морской девице, и по совету все того же Николы Угодника гусляр выбирает Чернаву. После свадебного пира он засыпает и просыпается на берегу речки Чернавы. Тут возвращаются его корабли, и Садко в благодарность возводит церкви в Новгороде.

В этой былине мы опять видим соединение христианской и мифологической традиций, оно-то и питало народные сказания.

«Озерные» легенды. Вплоть до XIX в. у рыбаков сохранялось множество рассказов о «встречах» с водяными, о шутках и проказах этих духов и т. п. В книге С. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» рассказывается легенда об озере Свитязь, которое воспел польский поэт Адам Мицкевич¹⁷⁸ в поэме «Свитизянка». Это озеро поглотило город того же названия за грехи жителей, нарушивших общеславянскую заповедь быть гостеприимными и презревших связанные с нею добродетели: они не принимали путников, не устраивали их в городе на ночлег. Мицкевич использовал поэтический образ женщины «Свитизянки», превратившейся, подобно жене библейского Лота, в камень за аналогичное прегрешение: она нарушила обещание не оглядываться назад после выхода из города, обреченного на гибель.

Еще в 50-х годах XVIII в. люди рассказывали, что у озера был виден камень, издали похожий на женщину с ребенком. Потом его затопила вода, и, скрываясь в ее глубинах, он рвал у неосторожных рыбаков сети.

Озеро Светлоярое связано с легендой об исчезнувшем под водой Большом граде Китеже, который был построен героем Верхнего Поволжья русским князем Георгием Всеволодовичем, убитым в 1238 г. татарами в роковой битве на реке Сити.

Когда хан Батый с татарскими полчищами разбил князя, скрывшегося в Большом Китеже, и убил его, сверхъестественная сила не

¹⁷⁸ Адам Мицкевич (1798–1855) — польский поэт, основоположник польского романтизма.

допустила кощунства — не позволила татарину овладеть городом. Как стоял этот город со всем православным народом, так и скрылся под водой, став невидимым. И так будет он стоять до скончания века...

Одна из легенд связывает озеро с именем суздальского князя Андрея Боголюбского.¹⁷⁹

В темную ночь 29 июня 1174 г. коварные царедворцы в сговоре с женой князя и ее братьями изменнически убили его. Убийц казнили, а брат князя Михаил свалил их в кораб и бросил в озеро, которое с тех пор начинает волноваться всякий раз, как только наступает роковая ночь. Кораба с негниющими проклятыми телами убитых (их символизируют мшистые зеленые кочки) колышатся между берегами, и слышится окрест унылый стон — то мучаются злобные убийцы Боголюбского и его коварная жена, которую с тяжелым жерновом бросили в самую глубь другого озера — Поганого.

Все эти легенды частично окрашены фантазией местных сказаний, отчасти связаны с более поздними — библейскими — образами и судьбами четырех библейских городов, погребенных за содомские грехи¹⁸⁰ в соленых водах Мертвого моря. Подобные легенды уходят в еще более отдаленные глубины сказаний о потопе, о допотопных сказочных, ушедших на дно городах — в них можно найти отголоски легенд об исчезнувшей Атлантиде.¹⁸¹

ДОМОВОЙ

В восточнославянской мифологии домовый — дух дома. Славяне представляли его в облике человека, чаще всего старика с лицом, покрытым белой шерстью. В сказках и преданиях домовый — символ благополучия дома или, наоборот, его беды; кроме того, от его отношения, доброжелательного или враждебного, зависело здоровье скота. Некоторые обряды, относящиеся к домовому, ранее могли быть связаны со «скотским богом» Велесом, а с исчезновением культа этого бога были перенесены на домового. При переезде в новый дом надлежало совершить особый ритуал, чтобы уговорить домового переехать вместе с хозяевами, которым в противном случае грозили беды.

Различали два вида домовых: доможил и дворовый. Считалось, что доможил живет в доме, обычно в углу за печью, куда надо бросать мусор, чтобы «домовой не перевелся» (его называли также доброхотом, кормильцем, соседкой). О дворовом рассказывали: стоит ему невзлюбить кого-то из животных, как он начинает их мучить. Это он устраивает падеж скота, путает лошадям гривы, обрезает и общипывает хвосты. Хозяин дома всячески старается угодить ему и приносит ему нечто вроде жертв.

¹⁷⁹ *Боголюбский Андрей* (ок. 1111–1174) — Владимиро-Суздальский князь, сын Юрия Долгорукого. Сделал столицей город Владимир. Боролся с самовластием бояр. В 1169 г. завоевал Киев. Убит боярами в своей резиденции в Боголюбове.

¹⁸⁰ Сodomские грехи — название получили от города Содомы. По ветхозаветному преданию, два города — Содом и Гоморра, жители которых погрязли в распутстве, были за это испепелены огнем. Согласно преданию, «жители Содомы были нечестивы и весьма грешны перед Господом, блудодействовали и ходили за иной плотью».

¹⁸¹ Атлантида — по древнегреческому преданию, сохранившемуся у Платона, некогда существовавший огромный остров в Атлантическом океане к западу от Гибралтара, плодородный, густонаселенный, из-за землетрясения опустившийся на дно. Вопросы о существовании и причинах гибели Атлантиды в науке остаются спорными.

Вот как одаряли домового в Орловской губернии: брали разноцветные лоскутки, овечью шерсть, мишуру, блески, горбушку хлеба, отрезанного от целого каравай, несли все это в хлев и читали молитву: «Царь дворовой, хозяин домовый, соседушко-доброхотушко, я тебя дарю, благодарю: скотину прими, попои, накорми!»

Считалось, что домовый-дворовой не любит белых кошек, белых собак и сивых лошадей, соловых и буланных тоже обижает, а холит и гладит только вороных и серых, поэтому старались «предупреждать» его желания, угождать его вкусам. Если же случалось так, что нельзя было отказаться от нелюбимой домовым масти, то лошадей, пригоняя с базара, вводили во двор не иначе, как через разостланную овчиную шубу шерстью вверх. С особым вниманием хозяйки ухаживали за новорожденными животными, зная, что дворовой не любит ни телят, ни овец, а иногда и вовсе душит их. Поэтому, согласно поверьям, новорожденных уносили из хлева и старались поместить в хате с детьми, окружая их такой же заботой.

В сказках о домовых явно прослеживается масса напластований: есть в них образы и символы, свойственные христианской эпохе, и явные признаки древнейшего происхождения...

ЛЕШИЙ

Лесовик, лешак, боровик, леший — в восточнославянской мифологии злой дух, воплощение леса как враждебной человеку части пространства. Живет леший в лесных чащобах, среди деревьев, в еловых или сосновых борах, он — хозяин леса и зверей. Его изображали одетым в звериную шкуру, иногда со звериными атрибутами — рогами и копытами. В Ярославской и Вологодской губерниях его представляли непременно с красным кушаком, левая пола кафтана запахнута на правую сторону, а не наоборот, как все люди тогда носили. Обувь перепутана: правый лапоть на левой ноге, левый — на правой. Глаза у лешего зеленые и горят как угли. Лешему приписывались также особые свойства, присущие только ему одному: если он идет лесом, то ростом равняется с самыми высокими деревьями, а если выходит для забав, прогулок и шуток на лесные опушки, то становится малой былинкой ниже травы, свободно укрываясь под любым ягодным листиком. В лесу леший — полноправный хозяин: все птицы и звери, особенно зайцы, белки, мелкие зверюшки, находятся у него в подчинении и повинуются ему безответно.

Согласно поверьям, лешие не столько вредят людям, сколько проказят, шутят, и в этом очень похожи на своих родичей — домовых. Но проказят они грубо, как это принято у неуклюжих лесных жителей, а шутят зло. Самые обычные проказы и шутки леших заключаются в том, что они «обходят» человека, углубившегося в чащу собирать грибы или ягоды, и либо заводят в такое место, из которого никак не выбраться, либо напустят в глаза его такого тумана, что совсем собьют с толку, и заблудившийся долго будет кружить по лесу, возвращаясь каждый раз на одно и то же место.

ПОЛЕВОЙ

Орловские и новгородские крестьяне верили, что существует некий дух, приставленный охранять хлебные поля, и что зовется он «полевой». Тело его черное, как земля, глаза разноцветные, вместо волос голова покрыта длинной зеленой травой. Шапки и одежды вообще нет. Считалось, что в каждой деревне — 4 полевика. Добрым и проказливым нравом полевик похож на домового, но по характеру проказ напоминает лешего: так же сбивает с дороги, заводит в болото и

зло подшучивает над пьяными пахарями.

С полевиком можно встретиться чаще всего у межевых ям. Спать в таких местах нельзя, а если заснешь, то детки полевичков «межевички» и «луговички», бегающие по межам и ловящие птиц родителям в пищу, могут найти лежачего человека и тогда наваливаются на него и душат. Как все нечистые духи, полевики — взяточники, гордецы, капризники. Чтобы умиловить полевика, орловские крестьяне раз в году (в Духов день) ходили глухой ночью куда-нибудь подальше от проезжей дороги и от деревни к какому-нибудь рву, несли с собой пару яиц и краденого у добрых соседей старого безголосого петуха в дар капризному духу, причем так, чтобы никто не видал, иначе полевик рассердится и истребит весь хлеб. В отличие от прочей нечисти, у полевика любимое время — полдень, но увидеть его удается крайне редко. Вообще внешний облик полевика и характер его выясняются очень мало, и во всей народной мифологии это едва ли не самый смутный образ. Известно только, что полевик зол и подчас любит сыграть с человеком недобрую шутку.

ГУМЕННИК

Среди крестьян Костромской губернии столь же злым духом, даже, пожалуй, самым злым из всех считался гуменник (овинник). Если он рассердится и залютует, то на овин (загон, где держали овец) рукой махнул. По поверьям, овинника можно задобрить, для чего следует принести ему жертвы: пироги и петуха. Петуху на пороге отрубали голову и кропили кровью по всем углам, а пирог оставляли у порога.

Высушить овин можно было только с огнем, а сухие снопы горят словно сухой порох. Так и горели у крестьян овины сплошь да рядом. А кому приписать эти несчастья, сопровождавшиеся зачастую тем, что огонь испепелял гумно со всем старым запасом хлеба и с новым сбором? Кого же винить, как не гуменника? Крестьяне верили, что живет он в нижней части строений, где разводят теплицы, а днем деревенские ребята пекут картошку.

«Глаза у него горят калеными угольями, как у кошки, сам он похож на огромного кота величиной с дворовую собаку, весь черный, лохматый. Овинник умеет лаять по-собачьи и, когда ему удастся напасть на мужика, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего», — пишет С. В. Максимов.

По старинным деревенским законам, овинники имеют «выходные дни», приходившиеся на христианские праздники Воздвижение (14 сентября или 27 сентября по н. ст.) и Покров (1 октября, 14 октября по н. ст.) Топить овины в эти дни гуменник не позволяет и, на добрый случай, пихнет у костра в бок так, что едва соберешь дыхание, а на худой конец — «разгневается», закинет уголь между колосниками и спалит весь овин. Угоду и почет гуменник любит так же, как и все его нечистые родичи: крестьяне начинали топить овин, лишь «попросив у хозяина позволения».

КИКИМОРА

Мифы о кикиморах принадлежат к числу наименее характерных для славян, и, наверное, поэтому народная фантазия не создала законченного образа кикиморы. Имя кикиморы воспринималось как бранное слово. Кикиморой звали «нелюдимого» домового, разных плутов, обманщиков, соглядатаев. На севере России за кикиморой числились и добрые качества: считалось, что она

покровительствует умелым и старательным хозяйкам, убаюкивает по ночам маленьких ребят, оказывает разные другие услуги по хозяйству. Ленивых хозяев кикимора ненавидит, щекочет у них малых ребят так, что те целые ночи кричат; пугает подростков. В Сибири крестьяне верили в лесную кикимору, или лешачиху. Постепенно образ кикиморы стал обезличиваться.

С. В. Максимов считает, что корень слова «кикимора» указывает на его древнее происхождение, как и остатки народных верований, долго сохранявшихся среди славянских племен. На Украине при встрече весны (1 марта или 14 марта по н. ст.) с пением веснянок по улицам носили чучело, которое называли «марой», «мароной», а русское слово «морока» означало мрак, темноту. В северной, лесной России о Маре сохранилось лишь смутное представление, но в Белоруссии кое-где знают Мару и сейчас.

В России кикимору иногда называли «шишигой». По поверьям, шишига живет в овинах, а когда играет свои «свадьбы», тогда на проезжих дорогах вихри поднимают пыль столбом. От «шишиги» пошли слова «шиш», «шиши», встречающиеся в народном обиходе. Считалось, что кикимора обитает в темных сырых углах, под избой. Бытовало поверье, что кикимора проказничает все святки, любит путать пряжу, трепать и сжигать кудель, проказить с веретенами и прядкой.

КУДЕЯР

Неудержимая в поисках чудес народная фантазия изобрела особых духов, будто бы охраняющих зарытые в земле клады с сокровищами и ценностями. На юге России самого духа называли «кладовником», а подручных — «кладенцами». В некоторых губерниях (Орловской, Брянской и др.) главный дух носил имя Кудеяра.

На севере у «кладового» были «спутники»: один — «лаюна», прозванный так за то, что при первой же попытке человека похитить клад он «обращался в собачку-лайку»; другой — «щекотун», оберегавший клады и изображавшийся в виде белобокой сороки-щекотухи.

В Белоруссии этот дух-охранитель превратился в маленького божка Копшу, которого просили указать место кладов и помочь их открыть, а при удаче благодарили, оставляя ему известную часть добычи.

Уже по этому признаку видно, насколько древен народный обычай зарывания кладов и насколько устойчива вера в их существование. Обычай родился вследствие тяжелых условий существования отдельных земледельческих славянских племен. Близкое соседство с кочевниками, которые жили внезапными опустошительными набегами, и желание оградить потомков-наследников указало такой странной путь сохранения имущества, нажитого тяжелым трудом. Со времени печенежских и половецких набегов вплоть до татарских погромов, когда мирное существование земледельцев оказалось под угрозой, русские люди неумолимо придумывали всевозможные меры самозащиты, охраны личного имущества. В те трудные времена им не на кого было положиться, и потому люди доверяли свое имущество земле. Русская поговорка «хоронить золото и чисто серебро» свидетельствовала о том, что народ зарывал в землю зерно и добро от поборов и захватов.

В Брянских лесах называли места, где скрыты клады, закопанные полумифическим разбойником Кудеяром. Говорили, что над камнями, прикрывающими эти сокровища, вспыхивают огоньки, а два раза в неделю в 12 часов слышен жалобный плач ребенка. В Воронежской губернии были (и до сих пор сохраняются) урочища, в названиях которых звучало имя Кудеяра.

ВОЛКИ-ОБОРОТНИ

Волк-туча. В мифологических представлениях образ волка связывался с враждебным демоном, олицетворявшим силу ночного мрака, зимы, холода. Существовала и такая народная загадка: «Пришел волк, весь народ умолк, ясен сокол пришел — весь народ пошел», т. е. когда приходит волк-ночь, люди успокаиваются и спят, а когда прилетает ясный сокол, они пробуждаются от сна и идут на работу.

Однако волк мог быть и верным помощником главного героя народных сказок. Почти всем индоевропейским народам была известна сказка о сером волке, который с быстротой ветра уносит царевича в далекие страны и помогает ему добыть жар-птицу, златогривого коня и невесту-красавицу. Во многих сказках рассказывалось о «крылатом волке», образ которого появился, очевидно, в те времена, когда человек «населял» небо животными, олицетворявшими летучие облака.

Представляя дождевые облака дойными коровами, овцами, козами, люди верили, что на зиму эти стада похищают демоны, которые к тому же еще поедают и божественные светила — солнце и луну. Тучи-волки терзают зубами солнце и луну и те бесчисленные стада овец и коз, в виде которых олицетворялись звезды. Так как солнце, луну и звезды фантазия древнего человека признавала за небесные огни, то возникло поверье, будто волки пожирают огонь. А по преданию западных славян, царь-солнце борется с нечистой силой — зимою, нападающей на него в образе волка. Зима, особенно декабрь, представлялась периодом торжества демонов холода, тумана, снеговых туч над солнцем и теплом. Оттого вся зима с ноября до февраля называлась в народе волчьим временем. Февраль славяне называли «лютым» (характерный эпитет для волков).

В народных сказках родившееся на Коляду солнце представлялось прекрасным младенцем, захваченным злой ведьмой-зимой, которая превращает его в волчонка, и только когда снимают с него волчью шкуру (т. е. когда весеннее тепло растопит зимние тучи), оно приобретает свой настоящий облик.

Солнечные и лунные затмения объяснялись враждебным нападением демонов тьмы на светлых богов, обитающих на высоком небе. Волк-туча, пожиратель небесных светил, появился в русских народных сказках под именем волка-самоглота. Он живет на море-окияне (т. е. на небе), добывает сказочному герою гусли-самогуды (метафора грозных разрядов), пасть у него страшная, готовая проглотить противника. «Под хвостом у волка-тучи баня, а в заду море. Если в этой бане выпариться, а в том море выкупаться, то станешь молодцем-красавцем». То есть волк-туча хранит в своей утробе живую воду дождя, с которой нераздельны понятия здоровья, силы, красоты.

Сказания о волке-туче объясняют некоторые народные приметы: вой волков предвещает мороз, голод, мор, войну; если волки ходят по полям стаями и воют, то это знак будущего неурожая. Понятия победы, торжества над врагами также ассоциировались со смелым, хищным волком. В некоторых мифологиях образ волка был связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени. В этом плане общим для многих европейских сказаний является мотив воспитания родоначальника племени, а иногда его близнеца волчицей. Таковы легенды о Ромуле и Реме,¹⁸² древнеиранская легенда о волчице, вскормившей Кира.¹⁸³

¹⁸² Ромул и Рем — легендарные основатели Рима, братья-близнецы, сыновья или внуки Энея, якобы вскормлены волчицей.

¹⁸³ Кир II Великий (?—530 до н. э.) — первый царь государства.

В бурной грозе неслись воинственные боги на битву с демонами, следом за ними на поле бежали жадные волки и летело воронье пожирать трупы убитых. Зимние вьюги и разрушительные «бури» «волчьего времени» порождают голод, мор. Те же печальные последствия вызывают и человеческие войны, опустошающие нивы земледельца; вот почему, согласно поверьям, вой волков пророчит не только военные тревоги, но и общее оскудение.

Волкодлаки. В славянской мифологии мы находим и «волкодлаков» — людей-оборотней, обладающих якобы сверхъестественной способностью превращаться в волка. Считалось также, что такие оборотни могут превратить в волков целые свадебные поезда.

В хеттской мифологии превращение жениха в волка связывалось с распространенной формой брака — умыканием невесты. В древнерусской традиции шафер на свадьбе со стороны жениха назывался волком. Способностью превращаться в волка наделялись мифические герои в Сербии (Змей — Огненный волк). В «Слове о полку Игореве» волком назван древнерусский князь Всеслав Полоцкий, что свидетельствует об общеславянских корнях мифа о герое-волке.

Как говорится в поверьях о превращении человека в медведя или волка, узнать оборотней можно по тому, что у них колени задних ног повернуты вперед, как у человека, а не назад, как у животного (волка). Людям они вреда не причиняют, кроме тех, кто их «испортил». Те не должны попадаться им на глаза. Оборотнями становятся колдуны. Прикидываются они и кошками, собаками, петухами. Оборотни — существа непостоянные: ими прикидываются на время сами колдуны, они же «оборачивают» (превращают в оборотней) некрещеных младенцев, девушек, лишивших себя жизни, и т. п.

КОЛДУНЫ-ЧАРОДЕИ

Страх перед колдунами покоился в народе на верованиях, что все они состоят в самых близких отношениях с нечистой силой и что черти исполняют все их поручения. Колдуны разделялись на природных и добровольных, хотя различия между ними не было никакой, кроме того, что последних якобы труднее «распознать» в толпе и уберечься от них.

В народных верованиях были природные колдуны, которые имели свою генеалогию: «Девка родит девку, эта вторая приносит третью, и родившийся от третьей мальчик делается на возрасте колдуном, а девчонка ведьмой».

Но в представлениях древних существовали и колдуны невольные. Дело в том, что люди верили, будто всякий колдун перед смертью старается передать кому-нибудь свою волшебную силу, иначе ему придется долго мучиться, да и мать-сыра земля его не примет. И осторожные люди избегают брать у него из рук какую-нибудь вещь. Даже самые близкие родственники стараются держаться от него подальше, и если больной просит пить, то не дадут из рук, а поставят ковшик так, чтобы он сам мог дотянуться до него. Если же колдун передаст кому-нибудь что-то по неведению из рук в руки, то для «невольного» колдуна возможны покаяние и спасение.

Посвящение в колдуны сопровождается обрядами, смысл которых сводится к одному — к отречению от Бога и продаже души черту. Лучшим временем для этого считается полночь, а наиболее удобным местом — перекрестки дорог.

Колдуны вредят человеку, скоту, переносят свою ненависть даже на растения. Вред, приносимый человеку, чаще всего выражался в форме болезней, необъяснимой «порчи» или запоя. Колдуны отнимают у человека разум, делают его припадочным, у мужа вызывают отвращение к жене и наоборот. Они же могут вызвать повальный падеж скота.

Знахари. Знахарями обычно слыли люди пожилые, одинокие холостяки, старушки-вдовы или не вышедшие замуж девицы. Знахарки-ворожеи были обычно умные и опытные, они старались помочь всем, кто обращался к ним за советом. По какой бы причине ни приключалась болезнь, знахарь, как и весь деревенский мир, был убежден, что болезнь — это живое существо, с которым можно разговаривать, к нему можно обращаться с просьбами или приказаниями «выйти вон», спрашивать, требовать ответов и т. п.

ВЕДЬМА И БАГА ЯГА

В славянской мифологии ведьмы — это колдуньи, вступившие в союз с дьяволом или другой нечистой силой ради обретения сверхъестественных способностей. В разных славянских странах ведьмам придавалось разное обличье. На Руси ведьмы представлялись в виде старух с растрепанными седыми космами, костлявыми руками, огромными синими носами. Они летали по воздуху на кочергах, помелах, в ступах и т. п.; отправлялись на темные дела из своих жилищ непременно через печные трубы и, как все чародеи, могли оборачиваться в разных животных, чаще всего в сорок, свиней, собак, кошек. Таких ведьм могли бить чем попало, но кочерги и ухваты отскакивали от них, как мячики, пока не пропоют петухи. Такой ритуал избиения долго сохранялся в деревнях (вспомним знаменитый «Вий» Н. В. Гоголя).

Рядом с ведьмами в сказках жили летучие мыши, черный кот, непременно присутствовали помело, волшебные травы. Ведьма могла принять облик молодой привлекательной девушки.

Для общения с нечистой силой ведьмы слетались на шабаш верхом на помеле, на козле, на свинье, в которых могли превратить человека. Особенно опасными ведьмы считались в период календарных праздников, когда их вмешательство могло повредить урожаю и благополучию всего общества. Древние славяне верили, что в эти праздники (особенно в Новый год) ведьм можно увидеть проносающимися в буре вместе со всякой нечистью.

«Баба Яга едет с крокодилом драться...». Лубок

По поверьям, ведьмы, как и колдуны, умирают в страшных мучениях, стараясь передать кому-нибудь свою «науку». После смерти они начинают хождения из свежих могил на старое пепелище отведать блинов, выставляемых до законного 40-го дня, выместить злобу и свести незаконченные при жизни счета. Успокаивает их осиновый кол, вбитый в могилу.

Деревенским ведьмам-ворожеям крестьянские девушки поверяли свои тайны, а те предлагали им свои услуги.

Одна девушка, служившая у богатого купца, жаловалась: «Обещал взять замуж, да обманул». «А ты принеси мне только лоскут от его рубахи. Я отдам церковному сторожу, чтобы он навязал веревку на этот клоч, тогда купец не будет знать, куда деться от тоски» — таков был рецепт ведьмы. Другая девушка хотела выйти замуж за крестьянина, которому она не нравилась. «Достань мне чулки с его ног. Я отстираю их, наговорю воду ночью и дам тебе три зерна. Напой его той водой, брось под ноги зерна, когда будет ехать, и все исполнится».

Чародейство. Деревенские ворожеи были просто неистощимы в выдумках разнообразных рецептов, особенно в любовных делах. Здесь и таинственный талисман, который добывается из черной кошки или из лягушек. Из первой, разваренной до последней степени, получается «косточка-невидимка». Косточка

равносильна сапогам-скороходам, ковру-самолету, суме-хлебосолке и шапке-невидимке. Из лягушки достают две «косточки-счастливики», с одинаковым успехом служащие и для приворотов, и для отворотов, т. е. вызывающие любовь или отвращение.

В русских народных сказках отразилась вера в чародейство кошачьих и лягушачьих «косточек», которые добыть очень легко: стоит выварить в котле черную кошку, и получаются «крючок и вилочка», а стоит посадить в муравейник двух лягушек, и выйдут крючок и лопаточка. Крючком задевают ту, которую желают привлечь к себе, вилочкой или лопаточкой ее отталкивают, если успевают надоесть или опостылеть...

В славянской мифологии с ведьмой-колдуньей тесно связана Баба Яга.

«Классическая» Баба Яга, согласно сказкам восточных и западных славян, живет в лесу, в «избушке на курьих ножках», пожирает людей. Забор вокруг ее избы сделан из человеческих костей, на заборе — черепа, вместо засова — человеческая нога, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. В печи Баба Яга жарит похищенных детей.

Чаще всего она — антагонист главного героя сказки. Прилетев в ступе, на помеле или кочерге в избу и застав там героя, она всячески донимает его, готовясь сварить из него «ужин», «обед» и т. д. Одна нога у Бабы Яги костяная. В некоторых сказках сообщается, что у нее болят глаза или что она старуха с огромной грудью. Связь с дикими зверями и лесом позволяет выводить ее образ из древнего образа хозяйки зверей и мира мертвых.

Однако в образе Бабы Яги отразились и представления славян о космосе, не случайно в народных преданиях она символизирует ветер — помощника весеннего возрождения природы, а в древнейших вариантах сказания известен и образ Бабы Яги — дарительницы, помощницы героя.

«...В лесах, где постоянно слышится шум ветра, живет Баба Яга с сердитым голосом...» — вероятно, в этих словах есть намек на тот шум. Ее фантастическое жилище, повертывающееся, подобно мельнице, по обычному приговору: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом», — свидетельствует о явной связи образа Бабы Яги с образами коня-ветра и ковра-самолета, которыми она одаривает своих любимцев. Ее несметные табуны, богатые конюшни, способность летать по воздуху и непременно с сильным шумом так, что издали слышен ее полет («Баба Яга — костяная нога в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает»), — все это также свидетельствует о ее связи со стихией.

В осмыслении зимы, зимней метели и стужи Баба Яга представляется колдуньей-людоедкой подобно классическому мифу о Сатурне, пожирающем своих детей. Но в русских сказках сюжет о том, как Яга съедает своих детей, появился значительно позже других сюжетов. Видимо, это — самостоятельная интерпретация древнего сюжета рассказчиком, желавшим насолить злой ведьме.

Обычно Бабу Ягу изображали замужней старухой, правда, муж фигурирует не во всех сказках, чаще всего он известен под именем Кошечья Бессмертного. Во многих сказках Бабу Ягу сопровождают три дочери — Ягишны, которые разделяют с матерью значение природных стихий — ветра, бури и метели.

Итак, с одной стороны, колдунья, олицетворяющая зимнее состояние земли, с помощниками — бурей, ветрами, метелью, а с другой — светлая героиня, помощница добрым молодцам, олицетворяющая летний природный цикл.

Каждый из очагов славянской культуры был сгустком общественного и эстетического опыта, зеркалом тысячелетий. Многие идеи и символы мифологического мышления были «обкатаны» и «обточены» потоком истории до

пределной степени совершенства. Это, например, касается таких фантастических существ, известных в славянской мифологии, как Единорог и птица-Феникс.

ЕДИНОРОГ

«Единорог — зверь, всем зверям зверь», — пелось в старинной русской песне. Это фантастическое существо имело облик коня, козла или осла. Главной же принадлежностью его был один рог посредине лба.

Впервые о единороге упомянул греческий историк Ктесий. В его рукописи об Индии читаем: «Там водятся дикие ослы ростом больше лошади. Тело у них белое, голова темно-красная, а глаза голубые. На лбу рог. Порошок, соскобленный с этого рога, применяется как лекарство от смертоносных ядов. Основание рога чисто белого цвета, острие ярко-красное, а средняя часть черная». Но задолго до Ктесия фантастический зверь был знаком жителям Древнего Востока. Самый причудливый единорог был у древних персов: с тремя ногами, шестью глазами, девятью ртами, с золотым, полым рогом. Стоит посреди океана и чудесным рогом очищает волны от всяческого загрязнения...

Птицы Алконост и Сирин. Лубок

Сюжеты, связанные с единорогом, встречаются в восточнославянском и западнославянском фольклоре, в русских азбуковниках XVI–XVII вв. Единорог описывается как страшный и непобедимый зверь, подобный коню, вся сила которого заключена в роге.

Именем Единорога названо экваториальное созвездие (лат.: Моноцерос). Символ единорога занимает существенное место в геральдике.¹⁸⁴ Его изображали на династических, государственных и личных гербах некоторых знатных русских родов, в частности графа Шувалова, в бытность которого начальником оружейной канцелярии получил развитие введенный на Руси еще в XVI в. обычай называть «инрогами» (единорогами) артиллерийские орудия с изображением единорога.

Рогу приписывались целебные свойства при лечении многих болезней. Считалось также, что единорог своим рогом очищает воду, отравленную змеем.

ПТИЦА-ФЕНИКС

Легенда о Фениксе родилась из древней солнечной символики. Солнце на небе одно, каждый вечер оно умирает и каждое утро воскресает. У Феникса немало «родственников»: арабские птицы Рух и Анка, индийская Гаруда, иранский Симург. В сознании почти всех народов мира солнце рано или поздно сближалось с птицей, превращаясь в прекрасное пернатое существо. У восточных славян среди птиц-огневигов жила мифическая Жар-птица. «Прилетала она из тридесятого царства, где все волшебным образом окрашено в золотой цвет, и каждое ее перо было так чудно и светло, что, если принести его в темную горницу, оно так сияло, как бы в той горнице горело множество свечей».

Сюжет легенд о Фениксе очень прост и сводится примерно к такому тексту из «Бестиария».

¹⁸⁴ Геральдика — гербоведение; вспомогательная историческая дисциплина, изучающая гербы государств, городов, династий и т. д.

«Есть некая птица в Индии, именуемая Фениксом. Один раз в 500 лет приходит она на деревья Ливана, наполняет свои крылья ладаном,¹⁸⁵ потом является к жрецу Гелиополиса.¹⁸⁶ Как только жрец узнает, что она прилетела, он входит в кумирню,¹⁸⁷ наполняет алтарь душистым хворостом. И приходит та птица, собою зажигает огонь и сама сжигает себя. На следующий день жрец находит в кумирне в пепле червы, червь выращивает себе крылья и становится детенышем птицы, которая вслед за этим прощается со жрецом и возвращается жить на старое место».

Но куда она летит? Место спорно, в какую страну — неизвестно, однако все мифы согласны в одном: сожжение ее происходило в Египте, в Гелиополисе. Легенду подхватили и развили в Древней Греции и Древнем Риме. Со временем попала она и в славянскую мифологию. Многие авторы — Аристотель, Плиний Старший, Овидий — писали о ней как о сказке, но сюжет повторялся, и скепсис писавших скоро забыли.

В христианское время стали проводить аналогию между жертвенной смертью Христа и самосожжением птицы-Феникс.

Мечта о бессмертии. Символика птицы, олицетворяющей давнюю мечту человека о воскресении и бессмертии, расширялась. В античные времена Феникса изображали на могильных камнях и саркофагах, в средние века — на монетах, печатях и гербах, на книжных миниатюрах.

На Руси огненную птицу называли «Жар-птица», в Словакии — «птица-Огневик», в русских заговорах и сказках, в космологическом¹⁸⁸ значении с ее иссушающими вихрями существовала птица по имени Рух, или «птица-Страх».

«Медведь с козой прохлаждаются...». Лубок

На образе птицы-Феникс лежит печать удивительной связи Египта с Древней Русью. Боги Египта объединялись в триады: Исида, Осирис, Гор; Нут, Геб, Осирис; Тефнут, Шу, Геб. Все они обладали сходными функциями. Отец каждой пары был сыном в другой, каждая богиня могла считаться Великой Матерью. А в первой высочайшей Троице младенца Шу в момент рождения окружало дыхание жизни из уст птицы-Феникс. Солнечной матерью, чье имя было скрыто от непосвященных, оказывается Феникс — Великая Богиня. Возможно, ее «безымянность» и стала причиной забвения ее женской сути, превращения самого имени Феникс в слово мужского рода. Но в русской традиции она неизменно женского рода — птица-Феникс, Жар-птица.

Сопоставление Феникс с Изидой находит прямое подтверждение. В поздних египетских легендах о птице-Феникс периодичность ее прилета иногда определяется в 1461 год, что соответствует «году бытия» — величайшему циклу египетского календаря. Год у египтян состоял из 365 дней, но раз в 1461 год делалась поправка, когда новогодний праздник совпадал с утренним восходом Сириуса-Сотис, звезды Изиды. Слеза Изиды падала к истокам Нила и вызывала его разлив: «Сотис Великая блистает на небе, и Нил выходит из берегов».

¹⁸⁵ Ладан — ароматическая смола, применяемая для ароматических курений во время религиозных обрядов.

¹⁸⁶ Гелиополис — город в Древнем Египте.

¹⁸⁷ Кумирня (от слова «кумир») — языческий идол; место поклонения.

¹⁸⁸ Космологический — от «космология» — учение о Вселенной, основанное на изучении той ее части, которая доступна для астрономических наблюдений.

Солнечная Троица в известном смысле является основой египетской мифологии, и другие триады богов повторяют первичную схему. Душа солнца – Феникс.

«СВЕТ И ЛУЧА»

Философы Древней Руси для разъяснения сущности Троицы подчас привлекали примеры из окружающей жизни. Удивительный образ Троицы встречаем у Максима Грека: «Якоже глаголем дискос, свет, луча – едино солнце трисия, а не три солнца, сице и таинство святых Троицы: аще бо глаголем Бог Отец, Бог Сын и Слово Его, Бог Всесвятый Дух, но не три Бози». Так раскрывается образ «тресветлого солнца» (вспомним «Слово о полку Игореве!»). «Дискос», «диск» сопоставляется с Отцом, но ведь Дискос – это буквальный перевод имени египетского бога солнца Атона! Богу Сыну у Максима Грека соответствует «свет», а Духу – «луча».

В современном значении «свет» и «луч» – одно и то же, но, видимо, четыре века назад это были разные понятия. Примечательно, что «луча» – слово женского рода. Атон в искусстве Египта обозначался знаком круга. От него к земле тянулись лучи солнца, это и были «луча» – его животворные материнские руки, ведь именно в касании творит солнечный свет подобно птице-Феникс.

Греки переосмыслили египетское «Бену» (Пену через «б – п – ф») как «Феникс» – дословно «пурпурный», «багряный». Возможно, в том же ряду – пурпурный лик Софии – Премудрости русских икон?!

Образы поразительной глубины сохранились в русском фольклоре. В одном из направлений «духовных» христиан еще в начале XX в. Россию делили на семь «частей света», и среди них «Берега священного Нила», «Верхняя страна Кемь» и «Нижняя страна Кемь», но ведь «Кемь» – древнее название Египта! А сколько слов с этим корнем на Руси... Впрочем, об этом уже говорилось в предыдущих главах. В одном из песнопений этого направления христиан, записанном в начале XX в., есть такие слова: «Прилетела птица, золотой сокол; садится птица в кипарис-дерево. Крылышки у сокола бриллиантовые, с алмазными камнями драгоценными, перышки унизаны крупным жемчугом, в сердцах Соловушко – сударь Дух Святой». Здесь истолкована на христианский лад яркая языческая Троица.

Сияющий золотой сокол подобен солнечному Гору – египетскому Богу Сыну с соколиной головой. Соловушко в сердце Солнца – это же его душа Изиды-Феникс. Правда, соловушко мужского рода, но в другом варианте Святой Дух назван «Голубицей, райской птицей, самой матушкой царицей». Что касается кипарис-дерева в значении Отца, то в Египте бог Осирис уподоблялся оси мира, мировому дереву. На священном дереве Ишед египтяне помещали «дом Бену» – Феникс, а Феникс – душа не только солнца, но и Осириса. Кипарис-дерево русских сказок – «утвержден корнями в бел-горюч камень». Этот во многом загадочный камень – центральный образ народных сказаний, его можно соотносить с солнечным белым светом. Тогда и вся триада Древо – Сокол – Соловушко, утвержденная на этом камне, приобретает солнечный характер.

ЯЙЦО

В славянских поверьях, особенно в русских народных сказках, в качестве мифологического символа часто встречается яйцо, которое наши далекие предки считали первоосновой жизни, поскольку оно повторяло форму и важнейшие особенности планеты, имеющей жизнь. О таком понимании смысла яйца в космическом масштабе говорят древние Приднепровские курганы (см.: Шиллов Ю. Космические тайны курганов. – М., 1990).

Вообще яйцо вошло в космогонические мифы всех народов мира. Одно из первых упоминаний о Мировом яйце встречается в древнеегипетском папирусе периода Нового царства, а в египетской «Книге мертвых» говорится о том, что восемь первичных гермопольских (был расположен в 300 км к югу от Каира) богов возникли в первичном океане и сотворили изначальное яйцо, из которого в образе птицы вылупилось первое солнечное божество. В египетских «Текстах саркофагов» также сообщается, что яйцо было первой сотворенной вещью. Во время

ритуальных праздников в честь Осириса впереди процессии вместе с другими священными предметами несли яйцо.

Каждый народ имел свою версию рождения из яйца. Ведические гимны древних индусов повествуют о плавающем в водах первобытного хаоса Мировом яйце, из которого вышел перворожденный Вселенной творец и создатель мира. В «Ригведе» один миф повествует о «зародыше вод», или «золотом огненном зародыше», и связан с представлениями о Прайяце.

«Золотой зародыш» возник от выделявшегося изначальными водами жара, от столкновения волн. Из расколовшегося яйца вышел «Отец существ Праджapati», а из половинок скорлупы образовались Небо и Земля. Произошло это в течение года.

Миф находит соответствие в курганах праславянских племен: курганы непременно имеют следы огня и застывшего ила (образы мирового хаоса). Есть в них и «две половины Вселенной» – конструкции в виде мужской и женской фигур, и яйцо – человеческий череп, названия которого в древности совпадали со «скорлупой» и «холмом», и даже «год», предшествующий раскалыванию Прайяца (календарь на стенах гробницы).

Ю. Шилов полагает, что аналогией мифу служила яйцевидная насыпь из ила над Скворцовым курганом, в центре которого находился «золотой зародыш» – вырытая в желтом лёссе¹⁸⁹ человекоподобная фигура. Помимо таинственного «золотого зародыша», в «Ригведе» представлена более реалистическая картина появления солнца, освобожденного воителем Индрой («ядренным» – от древнего названия яйца). Этот сюжет прослеживается и в яйцевидном, обложенном камнями кургане, расположенном у закавказского селения Цнори, внутри которого заключалась птицеобразная конструкция с могилой во чреве. Могила символизировала остров среди подземных, окрашенных в красное, т. е. «хаотически пышущих жаром вод». В обряде захоронения солнце было представлено многочисленными изображениями на посуде, золотыми бусинами и особенно колесом повозки.

В церковный христианский обиход яйцо вошло в IV в., а в XII в. оно стало обязательным атрибутом Христианской Пасхи.¹⁹⁰

В карело финском эпосе «Калевала» есть тот же сюжет: из нижней части яйца вышла Мать-сыра земля, из верхней встал высокий небесный свод. В русских сказках широко известен мотив яйца, уроненного уткой в море-океан.

В мифах можно найти примеры, когда с образом Мирового яйца связывается временная структура целого, а с образом отдельных яиц – более частые членения времени. У русских такой мотив был заключен в загадке: «Лежит брус через всю Русь, на этом брусѣ двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре яйца, в каждом яйце по семь цыплят».

Обычно начало творения связывается с тем, что Мировое яйцо раскалывается или взрывается, брошенное в небо. В ряде случаев с темой раскалываемого яйца связан бог-громовержец или его отец. Иногда из Мирового яйца рождаются воплощения злой силы, в частности змей и смерти. В русских сказках есть мотив рождения из яйца мифического чудовищного змея. Рассказывалось, что это яйцо снес петух и высидела жаба (поэтому на средневековых изображениях чудовище имеет голову петуха, туловище жабы и хвост змеи).

Космогоническая функция Мирового яйца соотносится с важной ролью яиц в ритуалах плодородия. Например, в пасхальной обрядности у восточных славян

¹⁸⁹ Лёсс – известковая осадочная горная порода светло-желтого цвета.

¹⁹⁰ Христианская Пасха – христианский праздник, связанный с воскресением Иисуса Христа. Отмечается в первое воскресенье после весеннего полнолуния (приходится на период с 22 марта по 25 апреля по старому стилю или с 4 апреля по 8 мая по новому стилю).

яйцо не только занимает центральное место в празднике, но и выступает в качестве его главного символа.

Значение яйца трактуется широко. Оно — и первооснова жизни, и одно из звеньев бесконечной цепи рождений и смертей: из неживого яйца рождается живое существо, которое сносит неживое яйцо, и т. д., т. е. яйцо — символ не только рождения, но и постоянного возрождения. Пасхальный праздник установлен в честь воскресения Иисуса Христа, и яйцо стало пасхальным символом.

Много легенд связано с обычаем красить яйца. Одна из них относится к началу новой эры и упоминает имя римского императора Марка Аврелия (121–180). В день, когда он родился, одна из кур, принадлежавших его матери, якобы снесла яйцо, помеченное красными точками. «Счастлирое предзнаменование» было истолковано таким образом, что новорожденному суждено было стать императором. С 224 г. у римлян стало обычаем посылать в качестве поздравления друг другу крашенные яйца. Христиане переняли этот обычай, вложив в него иной смысл: красный цвет имеет особую силу, ибо яйцо в пасхальные праздники окрашено кровью Христа.

Другая легенда такова: после смерти Христа семь иудеев собрались на пир. Среди блюд были жареная курица и сваренные вкрутую яйца. Во время пира один из собравшихся, вспомнив о казненном, сказал, что Иисус воскреснет на третий день. На это хозяин дома возразил: «Если курица на столе оживет, а яйца станут красными, тогда он воскреснет». И в тот же миг яйца покраснели, а курица ожила.

Древнейший мифологический мотив умирающего и воскресающего божества, жизни и смерти, сосредоточенный в яйце, прошел через поэтические сказания многих славянских народов.

6. ДРЕВО ЖИЗНИ – МИРОВОЕ ДРЕВО

Образ древа — одно из величайших изобретений человечества. Возник он давно и определил структуру всех мифологических систем. Благодаря мировому древу человек увидел мир как единое целое и себя в этом мире как его частицу... Выделившись из первозданного хаоса, древо стало инструментом для создания Космоса либо самим Космосом.¹⁹¹ На него, как на ось, стали нанизываться все элементы мира от конкретных богов и животных до отвлеченных понятий вроде временных категорий. Многочисленными оказались образы божеств на древе (испытание Одина на ясени Иггдрасиль в скандинавской мифологии, кровавая жертва на дереве у кельтов, распятый на деревянном кресте Иисус Христос).

Вертикальная структура мирового древа складывалась из трех частей, или уровней: нижнего (корни), среднего (ствол) и верхнего (ветви). Так сформировались в воображении древних основные космические зоны, а с ними и сдвоенные противоположности: Земля — Небо, Земля — Преисподняя, огонь (сухое) — влага (мокрое), прошлое — настоящее, настоящее — будущее, день — ночь. Эти пары перемещались в структуре древа с троичными единствами: прошлое — настоящее — будущее; предки — современники — потомки; три части тела: голова — туловище — ноги; три стихии: огонь — вода — земля. Пары и тройки обнимали самые разнообразные формы жизни. Люди постигали взаимосвязь противоположностей, суть всякого развития.

НА МОРЕ, НА ОКЕАНЕ...

Образ мирового древа в славянской мифологии играл особую организующую роль

¹⁹¹ *Топоров Владимир Николаевич* — советский ученый, филолог и историк, автор многих работ по мифологии, статьи о Мировом Древе в энциклопедии «Мифы народов мира» (М., 1982. — Ч. II).

по отношению к мифологической системе. В русском заговоре «На море, на океяне, на острове Буяне стоит белая береза вниз ветвями, вверх кореньями» видна четкая структура троичности: предки — современники — потомки, или навь — явь — правь, связанная с особенностями нижнего мира, в котором все переворачивается — живое становится мертвым, видимое — невидимым.

Н. К. Рерих. Поцелуй Земле

К каждой из трех частей дерева относились определенные существа. Вверху, на ветвях изображали птиц, посередине, у ствола — копытных (олений, лосей, коров, лошадей), иногда человека и пчел, а у корней — змей, лягушек, рыб и бобров. Бог восседал на самой верхушке дерева. Иногда он вступал в битву со змеем или драконом и освобождал похищенный ими скот. Дерево, символизировавшее зачатие и плодородие, изображали на женских одеждах.

Вертикальная структура дерева больше связана с космологией, а горизонтальная — с магическими ритуалами. Чаще всего дерево изображалось с восемью ветвями, по четыре с каждой стороны. Имело оно и четыре главных цвета: красный, черный, белый, синий.

Мировое дерево — основа для упорядочения мышления, памяти, восприятия. Образы внешнего и внутреннего мира нанизываются на этот ствол, и теперь их можно выразить в знаковых системах — в словах, числах, формулах, изображениях. Дерево с его тремя уровнями схематизируется в сознании, и вот уже возникают абстракции и символы. Рядом с лошадьми и пчелами появляется солнечное колесо, вписанный в круг восьмиконечный крест. Этот символ мы встречаем и в православных церквях, и в тибетских храмах.

Дерево вошло в нашу генетическую память, в сферу бессознательного. Как доказывают психологи, на определенном этапе развития детской психики оно дает знать о себе как вошедший в плоть и кровь первичный образ: если ребенок много рисует, то в его рисунках преобладает дерево. Некоторые психологи полагают, что это и есть Мировое дерево, дерево жизни — место встречи человека со Вселенной, их общий символ — символ всякого целого, составленного из частей, основа любого языка с его ветвящимися фразами, идея, пронизывающая поэзию, живопись, архитектуру, любые игры, хореографию, социальные, экономические и даже психические структуры.

«ДРЕВО — ЖИЗНЬ»

С. Есенин в «Ключах Марии» гениально подметил смысл представлений русских людей о древе жизни:

«Все от Древа — вот религия мысли нашего народа... То, что музыка и эпос родились вместе через знак древа, заставляет нас думать об этом как не о случайном факте мифического утверждения, а как о строгом вымеренном представлении наших далеких предков. Свидетельство тому наш не поясненный и не разгаданный никем бытовой орнамент. Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья. Это — великая значная эпопея исходу мира и назначению человека... Вглядитесь в цветное узорочье наших простынь и наволочек. Здесь с какой-то торжественностью музыки переплетаются кресты, цветы, ветви. Дерево на полотенце — значение нам уже известное, оно ни на чем не вышивается, кроме полотенца, и опять-таки мы должны указать, что в этом скрыт весьма и весьма глубокий смысл. Дерево — жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением древа, наш народ немом говорит о том, что не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного древа, и, прибегая под покров его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках хоть малую

ветвь его, чтоб, подобно древу, он мог осыпать с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель. Цветы на постельном и тельном белье относятся к кругу восприятия красоты. Означают они царство сада или отдых отдавшего дань труду на плодах своих. Они являются как бы апофеозом как трудового дня, так и вообще жизненного смысла крестьянина».

ТИС, ВЕРБА, ИВА

Древо жизни — образ древа мирового, противопоставление его злу, смерти, гибели. В хеттских ритуалах, связанных с деревом жизни, был культ умирающего и воскресающего бога Телепинуса — бога плодородия, сына бога грозы. С древа свешивалось руно овцы, в него помещался овечий жир. У хеттов деревом жизни считалось дерево еива, к которому восходит русская ива или верба как символ возрождающейся жизни и плодородия; на древневерхнегерманском языке это — тисс. Его высаживали на кладбищах, и оно служило символом преодоления смерти, символом жизненной силы (древнегреч. — «алоу», древнеиндийск. — «ауис»).

В Библии древо жизни трактовалось как древо познания добра и зла. Двенадцать раз древо жизни приносит свои плоды, в каждом месяце разные. Библейская трактовка древа жизни как древа познания добра и зла восходит к еще более древней шумероаккадской легенде, вошедшей в эпос о Гильгамеше, где описывается дерево Хулуппу, отождествлявшееся с ивой. В его корнях жила змея, в ветвях — птица Анзуд, а в стволе — Лилит. Анзуд, согласно эпосу, — птица божественного происхождения в виде орла, терзающего когтями оленей. Гильгамеш изгоняет с дерева Хулуппу (ивы) птицу Анзуд и убивает змею. В иудейской мифологии Лилит — злой дух, Лул-ночь. Это имя восходит к именам трех шумерских демонов.

Интересно, что на Руси, в Москве еще в XVII в. широко праздновали «вербное действо». Верба, как и ива, считалась символом начала жизни. Празднество проводилось в марте, с которого раньше начинался год. Отголоски празднества сохранились в «вербном воскресенье», которое во многих областях России отмечается до сих пор.

ДУБ

А. Н. Афанасьев считает, что в преданиях о мировом древе славяне имели в виду преимущественно дуб. Сохранилось много сказаний о дубах, которые будто бы существовали еще до сотворения мира. В колядке карпатских руссов пелось о том, что «еще во время, когда не было ни земли, ни неба, а стояло два дуба, а на дубах сидело два голубя, голуби опустились на дно моря, достали песку и камней, из которых и создались земля, небо и небесные светила».

В одной из апокрифических повестей о создании Вселенной упоминается о железном дубе, «еже есть первопосажен, на котором держится вода (море“, небо), огонь (пекло, ад) и земля, а корень его стоит на силе божьей».

В русской народной сказке, известной и другим славянам, рассказывается про дуб, который вырос до самого неба. Полз старик на то дерево. Лез-лез и взобрался на небо, где сидел кочеток-золотой гребешок — птица, что ни в огне не горит, ни в воде не тонет, и стояли чудесные жерновки — символ весенней грозы, дарующей земле плодородие, а людям — их хлеб насущный.

В хорватских сказаниях вилы — облачные девы, они обитают в дупле и питаются сахарными яствами, т. е. сладкой амритой. Польская сказка упоминает дуб с золотыми листьями и желудями.

Соединяя вместе эти разрозненные черты, сохранившиеся в различных памятниках, можно убедиться в том, что славянскому старому дубу соответствует

скандинавский ясьень, на котором держатся три великих мира — небо, земля и ад; на ветвях его гнездятся «молниеносные птицы», а у корня лежит страшная змея. Согласно поверьям славян и скандинавов, около дерева текут живые источники и обитают вещие ведьмы, которые собирают дубовые листья в сорочку и вешают этот узел на дерево. Они могут вызвать ветры, рассеять тучи и восстановить ясную погоду. Чтобы вызвать грозу, ведьмы кипятят дубовые листья в горячей воде. По русскому поверью, ведьмы втыкают нож в дерево и тем самым заставляют течь из него молоко, что следовало понимать так: вонзая острие молнии в дерево-тучу, ведьмы проливают небесное молоко дождя.

Птица Сирин. Лубок

В некоторых сказках дуб — это место, где проходят сборища духов, а с ветвей дуба падает целебная роса...

Первоначально слово «дуб» заключало в себе общее понятие дерева, что до сих пор можно увидеть в производных словах — «дубина», «дубец», «дубинка». У сербов дуб называется «грм», «грмов» (дубовый лес — «грмик»), что указывает на его связь с Перуном (громом небесным).

В древности человек добывал огонь из дерева, а древесными ветками и обрубками поддерживал его священное пламя в очаге, что давало повод для своеобразной интерпретации природных явлений. Так, явление грозового пламени он объяснял понятным ему способом: в туче, которая порождает молнии, но которую они же и пожирают, человек видел небесное дерево, а в дожде — его сок, выгнанный с помощью огня. На землю это небесное пламя нисходило в виде живого огня, добываемого трением из дуба.

По словам летописей, литовцы заботились, чтобы перед идолом Перуна-Перкунаса горел неугасимый огонь от дубового дерева. У них сохранилось поверье, будто хлебные семена ниспосланы на землю в шелухе желудей (в мифологических сказаниях «Зендавесты» семена с дерева разносились по всей земле). По некоторым преданиям славян, семена переносятся из вечнозеленых садов рая. Сохранившиеся в Литве предания и прусские хроники повествуют о том, что заповедные дубы Перуна (Перкунаса), под сень которого ставили его кумиров, были вечнозелеными. Особым почетом пользовались старые вековые дубы, которые окружали оградами.

На Украине, на Троицкую неделю, называвшуюся зеленой, готовили игорный (сухой) дуб, т. е. устанавливали на выгоне или на площади длинную палку с прикрепленным сверху колесом, украшали ее травами, цветами и лентами, вокруг окапывали небольшим рвом и ставили срубленные березки. Внутри круга проходили игры, участники празднеств пели обрядовые песни. Обряд состоял в призывании весны, которая приносит с собой зелень и цветы. Дуб — символ Перунова дерева-тучи; зима, похищающая дожди, иссушает его благодатные соки, и он становится сухой палкой. Как и другие деревья, весной дуб оживает и начинает цвести молниями (Перуновым цветком).

Колесо указывает на втулку, в которой бог-громовник вращает свою палицу, чтобы возжечь живое пламя грозы. Под влиянием таких представлений дубу и всякому другому дереву, в которое ударила молния, приписывались те же живительные свойства, что и дождю, и громовой стрелке. Согласно суеверным представлениям, для того чтобы иметь хороших лошадей, советовали класть в конюшне кусок дерева, разбитого молнией. Человеку, у которого болела спина, полагалось при

первом весеннем громе подпереть спиной дерево или деревянную стену. В Тульской губернии крестьяне отыскивали в лесу старые дубы, рядом с которым били из-под земли живые ключи, сдирали с веток кору, вымачивали ее в роднике и носили в ладанке как предохранение от зубной боли.

Золотые, ничем не сокрушимые зубы бога-громовника Перуна, по поверьям, имели спасительную силу прекращать зубную боль, поэтому народная медицина предлагала кусать больным зубом дубовое дерево или камень.

В Воронежской и Саратовской губерниях больных детей носили в лес, раскалывали надвое молодой дубок и между его расщепами протаскивали три раза больного ребенка, а затем связывали дерево. Так же использовалось раздвоенное дерево, вокруг которого девять раз обходили и вешали на него детские рубашечки. Дома детей купали в воде, взятой из девяти рек или колодцев, и обсыпали золой из семи печей. От лихорадки и других болезней купались в реках, лесных родниках и колодцах, а после купания вытирались чистым полотенцем и вешали его на соседнее дерево или ракитов куст. Вместо полотенца вешали также рубашку или лоскут своей одежды и оставляли их висеть до тех пор, пока совсем не истлеют.

Смысл этого обряда заключался в том, что, смывая и стирая со своего тела недуг, хворобу, больной как бы снимал его с себя и вместе с тряпичной и брошенной рубашкой передавал кусту или дереву как земным представителям того небесного райского дерева, которое точит живую воду, исцеляющую болезни. Считалось, что как только оставленные лоскут или рубашка истлеют, так должна сгинуть и сама болезнь. Позднее, когда ясное понимание смысла подобных представлений было утрачено, этот обряд получил характер жертвенного приношения лесным и водяным духам.

Существовали целые священные рощи, в которых все деревья считались божественными, и грех было срывать с них ветку. Об одной такой роще в Упсале — древней религиозной столице Швеции (ее деревьям поклонялись древние славяне-язычники) упоминается в книге «Золотая ветвь» Дж. Фрезера.

Говоря о развитии религиозного мышления славян, он отмечает, что, когда в деревьях стали видеть уже не тело древесного духа, а только его жилище, которое дух волен покинуть, тогда был сделан значительный шаг вперед в религиозном мышлении. Анимизм (лат. *anima* — душа) превратился в политеизм (гр. *poly* — много, *theos* — бог).

Анимизм — одна из древнейших форм верований, а конкретно вера в то, что во всех предметах и явлениях заключается таинственная душа, управляющая ими. Политеизм — многобожие, поклонение многим богам, в иерархии которых находили отражение общественные отношения людей. Вместо того чтобы рассматривать дерево как живое и сознательное существо, человек видел в нем теперь инертную безжизненную массу, в которую на более или менее длительное время вселяется сверхъестественное существо. Будучи в состоянии свободно перемещаться от дерева к дереву, это существо в силу такой способности обладает правом собственности или владения на все деревья и, перестав быть лесным духом, становится лесным богом. Коль скоро древесный дух отделился от единичного дерева, начал меняться и его облик — он принял форму человеческого тела.

ДРЕВЕСНЫЕ ДУХИ

Где-то анимизм и политеизм соприкасались, во всяком случае поклонение древесным духам широко внедрилось в сознание многих славянских народов. В Западной Европе были широко распространены предания о людях, заживо замурованных в фундаментах и стенах разных построек из дерева, а позднее и из камня, особенно в средневековых замках и городских крепостях. Чаще всего это были дети, которых приносили в жертву духам. Согласно поверьям, такая жертва должна была обеспечить прочность постройки. С этим обычаем некоторые авторы связывали древнерусское и болгарское название городского кремля «детинец», но, согласно легендам славянских народов, в новостройках замуровывали не детей, а

молодых женщин. В Сербии было широко известно поверье о крепости Скутари, которую называли также «постройка Скадра».

Три года строили три брата крепость Скадр на реке Бояне. С ними строили: 300 мастеров и не могли возвести даже фундамента, так как каждый раз то, что было построено за день, ночью уничтожала злая волшебница облачная дева вила. Наконец, сама вила сказала одному из братьев: «Не мучайся! Найди брата Стояна с сестрой Стояною, заложи их в фундамент, и построишь, что нужно». Пострадала жена младшего брата, которая сначала приняла за шутку то, что строители окружили ее бревнами и камнями, а когда поняла весь трагизм положения, когда мольбы о спасении были отвергнуты, она попросила строителей оставить отверстие для ее груди, чтобы кормить сына Иованна, а также отверстие для глаз, чтобы она могла видеть малыша. Ее просьбу исполнили, и она, согласно поверью, целый год кормила сына. «Как было тогда, так и осталось: и теперь идет от нее питание, как чудо и еще как исцеление жен, у которых нет в груди молока».

В нижегородском кремле жертвой жестокого обычая якобы стала Алена — молодая жена местного купца Григория Лопаты.

В злополучный день Алена проспала утром и, спеша принести воды, возвращалась с коромыслом и ведрами не кружной дорогой, а более короткой тропинкой по склону горы. В стороне от тропинки она увидела яму, которая была «словно могила», и подошла к ней из любопытства. Строители окружили Алenu, крепко привязали ее к доске и спустили в вырытую яму вместе с ведрами и коромыслом — обычай требовал положить с жертвой все, что было при ней. Рабочие отказались зарывать молодую женщину, но главный мастер сделал это сам, говоря:

Пусть погибнет она за весь город одна,
Мы в молитвах ее не забудем.
Лучше гибнуть одной, да за крепкой стеной
От врагов безопасны мы будем...

По некоторым легендам, фундамент новостройки орошается человеческой кровью. В Шотландии господствовало убеждение, будто древние жители этой страны — пикты, которым местные легенды приписывали неразрушаемые доисторические постройки, обагрят человеческой кровью краеугольные камни для своих сооружений. Подобный обычай объясняется тем, что в мировоззрении древних народов человеческие жертвы служили «компенсацией» древесным духам за срубленные («умерщвленные») для постройки дерева.

Со временем жильцы научились обманывать духов, подсовывая им в основание дома вместо людей каких-нибудь животных — кабана, быка, козла, кошку, собаку, петуха. Поляки при закладке дома убивали петуха, восточные славяне — курицу. У поляков, помимо этого, существовало поверье: первое существо, которое вступит во вновь отстроенный дом, непременно заболеет и умрет. Вот почему в новый дом, еще не перейдя порог, бросают сначала кошку, собаку или курицу. То же поверье известно и у сербов.

Украинские строители нового здания при первом ударе топора заклинали тех или иных животных, чтобы предстоящие беды пали на них, а не на тех людей, которые будут жить в доме.

Вообще сельские жители верили, что деревенские плотники имеют свои тайны, и эти тайны делали их «опасными» в глазах непосвященных. Например, считалось, что если они берут для постройки скрипучее дерево, то жильцы дома будут беспричинно кашлять, дерево с наростом — у жильцов будут нарывы, со снятой корой — будет падать скот и т. п.

Почитание и уважение дерева, отождествление его с живым существом было широко распространено у славян. Согласно их поверьям, дерево ощущает боль. Не случайно герои русской сказки «Курочка и петушок», когда им требуется взять немного лыка (коры) у растущей липы, прежде посылают к корове за маслом,

чтобы помазать липе «больное место». Славяне уверяли, что трава «плакун» плачет, когда ее срывают. В треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева они слышали болезненные стоны, в увядании видели иссушающую горе и т. п. Дерево от ударов железом содрогалось, чахло и проливало кровь (сок). «Ничить трава жалощами, а древо с туюю к земли приклонилсь», — говорится в «Слове о полку Игореве».

БЕРЕЗА, ТОПОЛЯ, КУСТ

Многое было связано с деревьями и травами в обрядах Троицкой недели, когда перед наступлением этих праздников, совершавшихся в честь весны, крестьяне отправлялись в поля и рощи, собирали разные травы, рубили ветки молодых березок и других лиственных деревьев. Поскольку такие порубки были связаны с чувствованием деревьев, то считалось, что дерево не могло «обидеться».

В глубинных российских губерниях на семик собирались в леса и рощи, сплетали венки, пели песни, срубали молодую березку, наряжали ее в женское платье или обвешивали разными лоскутами и лентами. Затем следовал общий пир, для которого все готовилось вскладчину или ссыпчину, т. е. собирали с мира (со всех) муку, молоко, крашеные яйца и другие припасы. По окончании пиршества наряженную березку с радостными песнями и плясками несли в деревню и ставили в избранном с общего согласия доме, где она оставалась до Троицына дня гостьей. В пятницу и субботу приходили ее навещать, а в воскресенье выносили к реке и бросали в воду.

В Пинском уезде на Духов день крестьянские девушки избирали самую красивую подругу, обвязывали ее березовыми и кленовыми ветвями и водили по улицам и дворам, с головы до ног убранную, как куст, в цветы и зелень.

В Полтавской губернии на Духов день водили «тополю», которую представляла девушка, одетая в красивую одежду с яркими лентами в косах и монистами на груди.

Около Воронежа на Троицу строили посреди дубовой рощи небольшой шалаш, убрали его венками, цветами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышение соломенную или деревянную куклу, одетую в праздничное мужское или женское платье. Сюда со всех сторон стекались окрестные жители, приносили с собой разные напитки и яства, водили вокруг шалаша хороводы и устраивали «игры». В семицкой березке, «тополе», «кусте» и в троицкой кукле народ чувствовал лесную деву, оживавшую в зелени дубрав, или саму богиню Весну, одевавшую деревья в листву и цветы.

ЯСЕНЬ, ОСИНА

Многие поверья были связаны с осиною, название которой близко к слову «ясень», обозначавшему дерево, упоминавшееся еще в мифологических сказаниях о стране Асгард¹⁹² и Одине¹⁹³ в ирландских сагах.

¹⁹² Асгард — легендарная страна асов (так называется она в древнеисландских сагах, в древнекитайских источниках — Аньси, в других источниках — Парфия). В период миграций асы переселились на север.

¹⁹³ *Один* — в скандинавской мифологии верховный бог, олицетворявший духовную власть и мудрость.

Ясень Иггдрасиль — древо мира. У него три корня: один тянется в царство мрака Нифльхейм, другой — к великанам, а третий — к богам асам. Под тем корнем, что у асов, находится священный источник Урд (как у старых дубов с «громовой стрелкой»). Здесь главное святилище, куда каждый день съезжаются асы и вершат свой суд. Стоит у источника прекрасный чертог. Живут в нем три девы — Урд, Верданди и Скульд. Это три норны, ведающие судьбы людей. Каждый день они черпают воду и поливают Иггдрасиль, чтобы он не засох. На вершине Иггдрасиля сидит мудрый орел, а меж глаз у него — Ястреб Вердфельнир. Корни ясеня гложут змеи и дракон Нидхегг. Белка Ротаток переносит по стволу перебранку между орлом и драконом...

По народным поверьям, ясень обладает силой, заставляющей цепенеть змей, ту же силу приписывают осине. Когда богатырь Добрыня Никитич убил Змея Горыныча, он повесил его на «осину кляпल्या», где тот уже не смог ожить («Сушися ты, змей-Горынчище, на той осине, на кляпल्या»). Подобное спасительное действие оказывает осина и против колдунов, упырей, ведьм, играющих в народных поверьях роль, сходную со змеем: как он высасывает молоко-дождь из небесных коров-туч, так они похищают дожди и росы, доят тех же коров-туч и, воскресая весной от зимней смерти, любят упиваться теплой кровью.

Забывая о связи старинных метафорических выражений с небесными явлениями природы, читая в них не тот первоначальный смысл, какой они действительно в себе заключали, а понимая их буквально, народ приписал колдунам, упырям и ведьмам способности доить и «портить» крестьянских коров, выходить из гробов после смерти и высасывать кровь у живых людей. Защитить от подобных опасностей могла лишь осина.

Мифическое древо-туча, из-под корней которого струится живая вода, цветет золотым или огненным цветом-молнией; на вершине его сидит молниеносная птица — орет или петух с золотым гребнем. Демонические змеи, чародеи и ведьмы, с жадностью припадая к роднику с живой водой, подвергаются ударам громовых стрел, которые разят хищников и заставляют их бежать в страхе и трепете.

Заостренный осиновый кол получил значение Перуновой палицы. Чтобы мертвец, в котором заподозрили злого колдуна, упыря или ведьму, не мог выходить из могилы, крестьяне вбивали ему осиновый кол. Для предохранения коров и телят от «нападения ведьм» они ставили на воротах и по углам скотного двора осиновые деревья, срубленные или вырванные с корнем. Во время чумы рогатого скота, прогоняя «коровью смерть», ее «бьют», т. е. машут по воздуху осиновыми кольями. В русских сказках колдунам и ведьмам, выходящим из могил, вколачивают в сердце осиновый кол, бьют осиновым поленом и сжигают их трупы на осиновом костре. Но ведьма и сама может воспользоваться осиновым колом или веткой для своих волшебных чар: ударяя веткой в грудь спящего, она наносит ему незримую рану и жадно упивается его кровью — так весенние удары молнии, направленные в тучу, еще объятую зимним сном, проливают из нее дождь. Метафора здесь простая: Перунова ветка раскрывает грудь облачного демона и точит из него горячую кровь. Выдоив черную корову, ведьмы выливают молоко в землю и тут же вбивают осиновый кол, тем самым отнимая у коров молоко, иссушая их сосцы. Так, удары молнии, низводя на землю молоко-дождь, иссушают черные тучи. Как спасительное орудие против «демонского наваждения», осина может служить целебным средством — ею прогоняют нечистую силу болезней. Разбитых параличом заставляют лежа упираться босыми ногами в осиновое полено.

Чтобы избавиться от зубной боли, берут осиновый сучок и трижды читают над ним заговор: «На море, на окяне, на острове на Буяне стоят высокие три дерева, под теми деревьями лежит заяц. Переселись ты, зубная боль, к зайцу!» Затем осиновый сучок прикладывается к больным зубам. Просьба передать боль зайцу повторяет другую просьбу, обращенную к мыши, — дать свой «железный» зуб в обмен на испорченный.

В жизни растительного царства, в жизни деревьев наши предки видели ту же борьбу божественных сил, которую они замечали в стихийных явлениях природы. Древо жизни – это древо природы. В «Ключах Марии» С. Есенин удивительно проникновенно раскрыл мудрость древних народных символов: «Весь абрис¹⁹⁴ хозяйственно-бытовой жизни свидетельствует нам о том, что он (народ) был, остался и живет тем самым прекрасным полотенцем, изображающим через шелк и канву то символическое древо, которое обозначает семью“, совсем не важно, что в Иудее это древо носило имя Маврикийского дуба и потому вместе с христианством перешло, как название, бесплатным приложением к нам. Скандинавская Иггдрасиль – поклонение ясеню, то древо, под которым сидел Гуатама, и этот Маврикийский дуб были символами семьи“ как в узком, так и широком смысле у всех народов; это древо родилось в эпоху пастушеского быта...»

7. ДОМ И ОДЕЖДА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

ДОМ

Дом славянина был весь пронизан магической заклинательной символикой, с помощью которой люди стремились обеспечить себе сытость и тепло, безопасность и здоровье. Боясь «нашествия злых духов» – упырей, вампиров, ведьм, навий (душ умерших), которыми славянин населял окружающую природу, он от них «защищался». Защитой служили прежде всего доброжелательные языческие символы, размещенные на самых уязвимых участках жилища и двора, какими считались стены, окна, кровли жилища. Это была архитектурная резьба – конек на крыше, резные причелины с «громовыми знаками», изображения солнца, птиц, фигурки богини на вершине строения, конские головы и т. п.

Сюжеты архитектурной резьбы близки сюжетам вышивок. Их самая устойчивая тема – женская фигура с воздетыми к небу руками и с птицами и конями по сторонам (известна еще с VII в. до н. э.). Иногда для украшения стрехи дома употребляли специальную композицию из обожженной глины – фигуру женщины с поднятыми к небу руками. У этрусков это были «антефиксы» – изображения женских голов, украшавших кровли домов. Археологические находки с подобными сюжетами датируют III тыс. до н. э.

Еще стены энеолитических жилищ покрывали узорами, в которых преобладала тема ужа (змеи) – покровителя домашнего очага, встречался сложный солярный знак и схематичное изображение фронтона дома, увенчанного человеческой фигурой с воздетыми к небу руками.

И в архитектуре, и в одежде последовательно применялся один и тот же принцип размещения заклинательного орнамента: им украшали все проемы, отверстия, через которые злыдни могли проникнуть к человеку. «Священное» изображение (конь, оленья голова с рогами, богиня и птицы, солнце) увенчивало самую высокую точку дома – щипец крыши. Эти обереги вместе делали дом недоступным для «злых духов» и убежищем для членов семьи. В доме все обиходные предметы на случай проникновения злыдней тоже были покрыты охраняющими знаками, облегчающими «одоление зла» внутри убежища.

¹⁹⁴ Абрис – очертание, внешние контуры предмета.

Оформление причелины славянского дома

Заклинательные действия начинались уже при выборе места под будущее жилье и при постройке дома. На предполагаемом месте постройки чертили на земле большой квадрат, делили крестообразной фигурой на четыре части. Затем глава семьи обращался «во все четыре стороны», приносил «из четырех полей» четыре камня и укладывал их в центре малых квадратов. В результате на месте будущей усадьбы появлялась та идеограмма плодородия, которая известна еще со времен энеолита и сохранилась вплоть до русских подвенечных вышивок XX в.

Во время сооружения бревенчатого сруба внутри должно было находиться молодое деревце с иконкой. Когда воздвигали стропила, то деревце укрепляли на щипце кровли, на месте будущего конька.

Особыми обрядовыми действиями сопровождался настил потолка. На матицу-сволоку (главный срединный брус потолка), на которую настилался потолок, привязывали вывороченный мехом наружу полушубок и клали каравай хлеба, пирог и ставили горшок с кашей. На матице же нередко вырезали «громовой знак» — колесо с шестью спицами.

После завершения постройки устраивали пир. Если же изба строилась «толокой», т. е. с помощью родичей и соседей, то участников торжественно кормили после каждого важного этапа строительства.

Первым в новый дом входил хозяин с квашней и иконой в руках, за ним — хозяйка с курицей, затем шла молодежь. Вселение семьи сопровождалось обрядом перенесения огня из старого жилья в новое, зазыванием домового: «Домовой, домовой, пойдем со мной!» В доме устраивали многие языческие празднества, и не только такие, которые непосредственно касались семьи, вроде крестин, свадеб, постригов, похорон, но и какие-то из общественных, общеплеменных «соборов», проводившихся обычно на площади, в святилище, требище.

Новогодние гадания, колядки, маскарады, медвежьи комоедицы, масленичные пиры, обряды, связанные с выгоном скота, поминания предков, празднование урожая и т. п. начинались в доме, и глава семьи, выполнявший функции жреца, руководил церемониалом.

В книге «Язычество Древней Руси» (М., 1987) Б. А. Рыбаков дает описание типичной северо-русской избы с ее символикой, характерной для древнерусского жилища. Фасад избы в самой верхней части по контуру торца кровли украшен солнечными символами, каждый солнечный знак сопровождается скульптурным изображением головы коня. Щипец кровли увенчивает массивный конек, от которого вниз идет «досчатое полотенце» с солярным знаком. Причелины, спускающиеся по кромке кровли, завершаются внизу тоже знаком солнца, а концам жердей с крюком, держащим желоб для стока воды, придана форма конской головы. Кони эти непосредственно соседствуют с солярными знаками причелин и зрительно сходятся в единый образ солнечных коней.

Конно-солнечные символы фасада избы расположены на двух разных уровнях: два символа на конце кровли, слева и справа по фасаду, ближе к земле; третий, развернутый фронтально, — в самой верхней точке здания. Такая система расположения солярных символов, идущая из древности, — не случайна, она была связана с геоцентрическими представлениями о движении солнца вокруг земли: символ на левом от зрителя краю кровли — восходящее утреннее солнце, верхний конек на щипце кровли — полуденное солнце в зените, на правом краю кровли — вечернее заходящее солнце. Соединение каждого солнечного символа с фигурой коня подчеркивает динамичность всей композиции: солнце показано в его движении по небосводу.

Представления о дневном пути солнца по небу на конях или на лебедях и о ночном пути по подземному океану на водоплавающих птицах возникли в древности; отражением этих представлений были, например, сосуды для умерших, ушедших в подземный мир, где внизу, на днище, изображалось ночное подземное солнце.

Такая космологическая защита от духов зла предусматривала не только солнце и путь его по небу, но и само небо как предполагаемоеместилище дождевой воды, которое называлось «хляби небесные». Бытовало представление о двух небесах — водном и солнечно-воздушном, разделенных прозрачной твердью, или стеклянным куполом — сводом. «Хляби небесные» изображались на причелинах домовых кровель в виде волнистого орнамента в два или три ряда, как бы подчеркивая глубинность хлябей. Очень часто волнистые линии дополнялись небольшими кружками, символизировавшими дождевые капли.

Дождевая вода ассоциировалась с женской грудью. Этот мотив известен на нашей земле еще со времен Трипольской культуры (III–II тыс. до н. э.), в которой он полнее, чем где бы то ни было в Европе, раскрывает сущность представлений древних земледельцев, связывая воедино идею небесного дождя, небесной воды с образом груди двух небесных богинь. Задолго до открытия Трипольских росписей А. Н. Афанасьев писал: «Уподобление дождя молоку заставило видеть в тучах женские груди или коровье вымя».

Рядом с символом солнца почти всегда соседствовал символ земли или поля. Древний символ поля — ромб или квадрат, поставленный на угол и разделенный на четыре части. Этот знак существовал в течение нескольких тысячелетий. Он встречается в узорах свадебной одежды невесты, что свидетельствует о связи его с идеей плодородия.

Основная часть усадьбы древнего славянина была ограждена от носителей зла монументальным, во всю ширь фасада изображением макрокосма и как бы всесторонне освещена движущимся по небу солнцем. На кольца заборов навешивали обладавшие магической силой битые горшки, «счастливые» камни с естественным отверстием («куриный бог»). По периметру двора при каждом празднике рассыпали остатки ритуальной еды, а в воротах во время выгона скота клали рогатину. В качестве оберега над воротами помещали одиночный солярный знак или три солнца (утро, день, вечер).

Костюм славянки

В грозу и бурю солнечные символы, называвшиеся в народе «громовыми знаками» («от грому»), должны были спасти от удара молнии, от пожара, так как они выражали идею ясного дня, безоблачного неба. Показ макрокосма и движения солнца был для наших предков не только средством отображения действительности, но и способом защиты домашнего очага (макркосма) от разлитого в мире вредоносного начала.

В доме главным оберегом считалась печь. У печи давали клятвы, у печного столба заключали договоры, в подпечье обитал покровитель дома — домовый. Белорусы столб печи называли «дедом» и отождествляли его с домовым. Слово «домовой» нередко заменялось на «столбовой». Вторым священным местом в избе была матица — главный срединный брус потолка. На матице вырезали «колесо Юпитера» — круг с шестилучевой розеткой внутри. Это был общеславянский обычай. Иногда знак солнца заменялся православным восьмиконечным крестом.

В каждом доме был священный «красный угол», где впоследствии ставили иконы. Киот (божница) «красного угла» украшался ритуальными полотенцами —

«набожниками». Православные иконы соседствовали с «набожниками», на которых нередко вышивали богов древних славян Ладу, Леля, Мокошь и других, и все это несмотря на новый культ христианских богов, истреблявший языческую архаику, в частности культ солнца и «белого света». Киот украшали резьбой, в которой тоже присутствовали солнце, пиктограмма вспаханной земли (перекрещенные прямоугольники), волнистый орнамент, присущий «хлябям небесным».

Бытовая утварь в доме, за несколькими исключениями, также несла на себе декоративную нагрузку. Круглая форма стола, посуды, ведра содержала идею солнца, обычно их накрывали холстом с вышитым охранительным орнаментом. Недаром ясная солнечная погода имела название «вёдро». Всю мебель, начиная с люльки, украшали солнечными знаками и человеческой фигурой с поднятыми к небу руками. Особенно красивыми были резные и расписные спинки стульев и кресел. Не менее тщательно покрывали закликательными знаками и узором разные вместилища для добра — сусеки для зерна, сундуки, скрыни для праздничной одежды и приданого невест. Система защиты здесь все та же — солнечные знаки (нередко по три сразу), круги «белого света», иногда — символы плодородия. Тут же и «хляби небесные», и ромбики земли по сторонам кругов.

Емкости для пищевых продуктов, туеса орнаментировали архаичными символами плодородия в виде ромбов и квадратов, изображениями засеянного поля, другим элементом была плетенка. Более всех была нагружена защитной символикой посуда. На солонках выжигали, рисовали, вырезали символы солнца и земли, конские головы. Пышно украшали ендовы, ковши, скобкари и другую пиршественную посуду.

ОДЕЖДА

Для *этнографов* одежда — предмет специального научного исследования, связанного с этнической, родовой, социальной, возрастной принадлежностью. В ней они черпают сведения о культуре, материале (шерсть, лен и т. д.), способах ткачества, красителях, технике вышивки, смысле орнамента, а также о влиянии культуры других народов, племен. Для *художника* костюм — это прежде всего произведение искусства, созданное по определенным, ставшим традиционными, законам композиции, с ярко выраженной ритмикой, соотношениями цветовых пятен, цветовыми взаимодействиями фона и орнамента, пропорциями, особым покроем, силуэтом. *Мифологу* одежда, наряду со всем перечисленным, помогает раскрыть ее защитно-закликательные, обрядовые и магические функции.

Декоративная бляшка. Деталь головного убора. VI–VII вв.

В жизни древнего славянина одежда выполняла роль защиты от самых разных внешних воздействий. Например, ремень-пояс служил оберегом пупа, через который ребенок был соединен с материнским чревом, поэтому у некоторых племен он считался особо значимым в костюме. Недаром пояса имели столь разнообразные рисунки-символы, якобы обладавшие защитными свойствами. Но и без них, поскольку пояс являл собой окружность, он был прежде всего оберегом.

Было принято считать, что окружность горловины одежды оберегала шею и голову, окружность подола у сарафана, юбки, у голенищ брюк оберегала ноги.

Изготовление одежды также было связано с магическими, закликательными действиями: ее следовало изготавливать со всеми заклятиями, делавшими ее непроницаемой для «духов зла». Женским работам, связанным с изготовлением

одежды, а следовательно, со льном, пряжей и ткачеством, покровительствовала богиня Мокошь. Орудиями труда были вальки, трепала, прялки и т. п.

Вальки представляли собой схему женской фигуры с расставленными руками: основа валька – широкая юбка, ручки валька – шея, завершающаяся круглой головой, перекрестие рукоятки – руки. Голову обычно украшали солнечной розеткой, рукоятку не орнаментировали, на широкой части валька изображали солнце и символы земли и плодородия – заштрихованные квадраты и ромбы. По всему периметру шла зигзагообразная линия, символизовавшая воду, что соответствовало древним представлениям, согласно которым земля окружена Мировым океаном.

Трепала также были сплошь покрыты охранительным орнаментом, а их рукоятки были украшены фигурами коней. Работать с трепалом можно было лишь в солнечную погоду. Говорили, что солнечные кони дневного солнца обеспечивают необходимую для этой операции погоду.

Символическая орнаментика прялок однородна у всех славянских народов, что позволяет отнести ее к далекой старине праславянских времен. Человечество связывало с прялкой и нитью представление о жизни, долгой, как нить. Процесс прядения отражал идею движения: непрерывно крутится веретено, кудель превращается в нить.

Особенно яркой символикой отличались прялки. Знаками своей орнаментики они выражали идею дня и ночи, круговорота суток. Резьбой и раскраской передавалась древняя, восходящая к бронзовому веку картина мира. Нижний мир передан образом ящера и солнца, находящегося под землей. Согласно легендам, такой ящер водился в Восточной Европе вплоть до XVI в.: этих ящеров (ящериц) видел Герберштейн¹⁹⁵ во время путешествия в Московию. Образ ящерицы служил конкретизацией очень древних представлений о Ящере – хозяине подземно-подводного мира. По свидетельству Адама Олеария, в Новгороде существовало святилище какого-то водного божества, похожего на крокодила. Определенный намек на это видят в детской игре древних славян, которая так и называлась «Ящер» (иногда это слово по созвучию заменялось на имя «Яша»).

Дети водили хоровод, в центре круга сидел мальчик, изображавший ящера, хор пел:

Сиди, сиди, Яша,
Под ореховым кустом.
Грызи, грызи, Яша,
Орешки каленые,
Милому дареные.

Где твоя невеста?
В чем она одета?
Как ее зовут?
И откуда привезут?

Ящер (Яша) выбирал девочку, которая должна была откупиться от него песней, пляской или поцелуем.

Вообще же, надо полагать, многие детские игры являются трансформацией древних языческих обрядов, совершавшихся в особой ритуальной одежде.

¹⁹⁵ Герберштейн – немецкий дипломат XVI в., автор «Записок о московитских делах».

В средней или нижней части лопаски прялки изображали вспаханную землю (заштрихованные квадратики и ромбы). Позднее на месте очень условной земли появились живые люди с разнообразными сценками их быта. Ниже земли, на боковых нижних выступах прялки («серьгах»), почти обязательно изображали восходящее и заходящее солнце. Вся центральная часть прялки была отведена теме солнца, кудель служила символом неба, а «белый свет» изображался в виде диска, игравшего в своей сложной композиции десятками граней.

На наиболее архаичных прялках, помимо кружков, обозначавших ход солнца, вырезали три круга: в центре круг, обведенный волнистой линией с квадратом земли (пашни) посередине; ниже круг с кривыми линиями, подчеркивающими динамику движения; в верхней части прялки, прямо над кружками, отмечающими путь солнца по небосводу, огромный круг из множества деталей, создававших эффект сверкания. Все три элемента — земля, солнце и «белый свет» — являются составными частями картины мира. Возможно, не каждый круг осмыслился как знак солнца. В некоторых случаях он мог выражать идею кругозора, небосвода, всего «белого света».

Наряду с главной идеей суточного круговорота на прялках прослеживается и тема Мокоши. На основной плоскости преобладает солнце, но верх прялки мог содержать сложную композицию из древа жизни с птицами, сидящими на его ветвях, двух коней внизу и человеческой фигуры с воздетыми к небу руками. До нас дошло много таких прялок, широко распространенных по всему Русскому Северу.

Так из глубины веков наши предки посылают нам сигналы-символы о своей жизни, о своем миропонимании, об отношении к силам природы. Расшифровкой этих сигналов стали заниматься сравнительно недавно, и много еще интересного и неожиданного предстоит открыть в них будущим исследователям.

Из поколения в поколение передавались рисунки вышивки, ткачества, украшавшие ворот рубахи, плечье, рукава, а также подола юбки, сарафана. Они отнюдь не были случайными. Какие-то мало-мальски значимые случайности в орнаменте народной одежды появились лишь в конце XIX — начале XX в. в тех местностях, в которых было достаточно сильно влияние города. Но в глубокой древности, в эпохи, далеко не полно изученные нами, люди передавали видимый мир, свои представления о нем и взаимоотношения с ним условным изобразительным языком. Это была первая система Кода, изобретенная людьми и имевшая для них магический смысл.

Шло время, и постепенно эта система превратилась в художественный орнамент, получивший, таким образом, помимо магического, еще и эстетическое содержание, которое сохраняет до сих пор, заставляя нас восхищаться его необычайной красотой.

Первозданные виды одежд всегда просты по покрою, который обычно соответствовал образу жизни людей, конкретной природной среде их обитания. Например, основной одеждой славян и угрофиннов, обитавших в районах среднего течения реки Оки, была рубашка. Она защищала людей от палящих лучей летнего солнца во время работы в поле, зимой на нее надевали меховую одежду.

Неразлучная с телом человека рубашка в глазах наших предков обладала магической силой. В сказке о царевне-лягушке отец женихов просит сшить ему рубашку. Если кто-то хотел причинить зло своему недругу, то стоило ему завладеть на время рубашкой врага, произнести несколько заклинаний, и, по поверьям, хозяин был уже обречен — на него напускали порчу.

знаком служения женщин на земле, знаком близости к ней был орнамент на подолах женских рубашек. Сложный по рисунку, богатый сочными красками, он

широкой полосой украшал «подолицу». С первого взгляда трудно понять его далекий сокровенный смысл. Спокойная красота геометрических фигур не ассоциируется у нас с системой мироздания, а между тем мы находим здесь и знак солнца с его сложными загнутыми концами, и знак поля в виде ромбов с точкой в середине, и знак человека. Существовали и другие узоры, в которых чередовались более простые изображения людей, животных и птиц, но все они берут начало от древней славянской мифологии.

Наборы поясные. VIII–XI вв.

В рубахах женщины выходили на покос. Эти «покосные рубахи» чаще всего были белыми, но могли быть и красного цвета. Иногда на белую рубашку надевали красный сарафан. Красный цвет в русском народном костюме существовал в таком большом разнообразии оттенков, что из них можно было составить целую палитру, своеобразную цветовую симфонию. По законам цветового контраста, сочность красного увеличивается на фоне зелени, придавая радостное, праздничное звучание костюму и облику крестьянских женщин, вышедших на поле.

Многогранна была и символика красного цвета. Он был символом солнца и огня, а огонь в деревне — это не только тепло, но и страшные пожары, поэтому красный цвет служил символом и радости, и горя. Но и это не все. В лирических протяжных песнях «алый цветик» сопровождал мотивы грусти неразделенной любви. Однако в женских костюмах для сенокоса он был посланцем красного солнца, символом его союза с землей.

Женский славянский наряд имел и особую схему головного убора, также связанную с представлениями древних славян и их верованиями. Так, в восточнославянском головном уборе была выражена идея неба, изображалось солнце и мировое древо, устремляющееся к небу, птицы. Сами названия женских головных уборов перекликаются с именами птиц: «кокошник» — «кокош» (петух), «кика», «кичка» (утка), «сорока» и др.

Таинственный сумрак лесов, в которых обитали славянские племена, где бродили лоси, олени, косули, летали кички (утки) и другие птицы, сформировал и сказочный женский костюм с рогатой кичкой. Даже его название говорит о связи с животным миром. Рогатая кичка — сложный головной убор с рогами, состоявший из нескольких частей. Основой убора была стеганная из толстого холста на подкладке кичка, сзади к ней прикрепляли «снур» — толстый плетеный шнур, украшенный крупным бисером. Как символ языческого божества — животного, он спускался вдоль спины. Древний обычай требовал украсить или «оградить» уши от наговора и «сглазу», поэтому поперек кички надевали шнур с великолепными кистями. Затылок закрывали «позатыльник», от которого спускалась прямоугольная сетка, закрывавшая часть спины. «Позатыльник» должен был закрыть все до единого волоски, потому что, по древним поверьям, волос обладал магической силой. Этой силой наделила женщин земля, а женщина, имевшая нивы, наделяла волосы. Выходя замуж, женщина становилась членом чужого рода и, чтобы не принести несчастье мужу и его родне, должна была тщательно прятать свои волосы.

Многие русские головные уборы украшали жемчугом. Жемчуг был одним из излюбленных материалов Древней Руси наряду с деревом, белым камнем, льном, серебром и медью. Иностранцы, посещавшие Россию в XVII–XVIII вв., называли жемчуг национальным русским камнем. Добывали его главным образом в русских

реках. Долгое время возникновение жемчужин в раковинах было окутано легендами. Считалось, что жемчужины — это яйца моллюска, живущего в жестких створках раковин. (Раковины на Руси делили на самцов и самок.) В Карелии, например, существовала такая поэтичная легенда: в жабрах семги зарождается жемчужная искра, и, возвращаясь через три года из моря на место своего рождения, семга в солнечный день опускает искру в раскрывшуюся раковину. От этой искры и рождается лучший жемчуг.

Красота жемчуга имела для людей какое-то особое значение. Может быть, любясь его переливами, наши предки ощущали невидимую связь между всем живым в природе. Возможно, в процессе добычи жемчуга между ним и человеком возникала таинственная близость. Ведь люди не только доставали раковину со дна, но, вскрыв ее, вынимали мягкую жемчужину и для того, чтобы она затвердела, осторожно клали в рот на два-три часа, а затем, завернув во влажную тряпицу, прятали за пазуху, и только через несколько часов жемчуг становился твердым камнем.

Бережное «вынашивание» жемчуга непосредственно самим человеком, на его теле, в глазах людей, добывавших его, было таким серьезным и важным делом, что промысел этот был сопряжен с особыми строгостями. Поскольку считалось, что заниматься добычей жемчуга могут только люди с чистой душой, постольку перед выходом на ловлю раковин полагалось старательно вымыться и выпариться в бане. Само отношение к жемчугу как к материалу определяло его место в жизни русского человека: им украшали все, в чем отразились сокровенные поиски прекрасного.

Широко известны «рясны» — подвески к головному убору в форме вертикальных полос, опускающихся от кокошника вниз.

Металлические подвески, как правило, представляли собой изображения птиц. В качестве подвесок к ряснам служили «колты» с изображением русалок, семарглов, грифонов — посредников между небом и землей.

Праздничные рясны княгинь и боярынь изготовлялись из золота и украшались перегородчатой эмалью. Изображения на них делались с таким расчетом, чтобы подвешивать рясны вертикально. Свисая с выступающих углов кокошника, рясны доходили до плеч женщины, а колты достигали груди. Орнамент рясен устойчив: в нем отражены только две темы — неба и аграрного плодородия. Небесная, воздушная тематика представлена птицами, ходящими по земле; растительная тематика — всеми циклами жизни абстрактного стилизованного растения. Это и прорастающие семена, и ростки, и цветы, и лепестки, и корни, и, наконец, само дерево. Наряду с аграрными символами на ряснах встречаются геометрические узоры — крест, перекаченный квадрат с точками в малых квадратах (знакомая идеограмма засеянного поля, плодородия). Длина рясен вместе с колтом составляла около 50 см.

На других украшениях груди и шеи — гривнах, ожерельях, бусах, монистах — были изображены солярные знаки, луна, звери и птицы.

Много еще удивительного содержит народная одежда славян, каждое поколение постигает ее по-своему...

8. КАЛЕНДАРЬ И ОБРЯДЫ

Потребность измерять время возникла у людей в глубокой древности, и определенные способы счета времени появились много тысячелетий назад. С давних времен человек стремился объединить внешний космос мироздания

(«макрокосм») со своим внутренним космосом («микрокосмом») в некое гармоническое целое.

Ученые уже давно пришли к выводу, что во Вселенной существует свой определенный ритм, или пульс, который можно соотнести с пульсом крови в человеческом организме. Этот пульс выражен температурой $t = 36.5 (6)^\circ$, и год, т. е. пульс человеческой жизни, ее ритм, связанный с солнцем, тоже равен 365/366 дням...

Но коль скоро внутри каждой культуры отношение к времени далеко не однозначно и отражает те особенности, которыми одна культура отличается от другой, то календарь не только ритм, но и память. А. Зелинский считает его «ритмической памятью человечества» (Зелинский А. Великий Индиктион // Контекст. Сб. статей. – М., 1978).

ДРЕВНИЕ КАЛЕНДАРИ

На славянской земле было найдено множество древних календарей. На камне или кости, дереве или металле древний человек изображал точки и лунки, зигзаги и кружки, нередко подчиненные определенному порядку или связанные с различными созвездиями и участками неба. Таковы, например, древний точильный камень с изображением ковша Большой Медведицы, найденный в 1879 г. археологом П. А. Путятиным на берегу Дологовского озера (на полпути между Москвой и Петербургом). Датирован он VI–IV тыс. до н. э.; лопаточная кость, найденная в 1979 г. археологом А. А. Столбуновым под Симферополем (астрономы определили, что на кости изображен участок неба Северного полушария), ее возраст 10–11 тыс. лет; календарь на бивне мамонта, найденный в 1982 г. в селе Межирич Черкасской области; и наконец, за Уралом в 1987 г. был открыт город-обсерватория Аркаим XVIII в. до н. э., удивительно четко спланированный и, по оценкам ученых, по своей направленности близкий известному Стоунхэнджу в Великобритании, а также лабиринтам-календарям, разбросанным, как правило, на островах, полуостровах и в устьях рек в районе Белого, Балтийского и Баренцева морей. По форме Аркаим – точная копия Зодиака и напоминает огромный гороскоп, построенный на земле. В структуре его знаки Зодиака и 28 делений – лунных стоянок, точки весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояний, восходов и закатов Солнца и Луны.

Солнце и знаки Зодиака

Точно измерять промежутки времени оказалось возможным при сопоставлении их с периодически повторяющимися явлениями. Таких периодических явлений в окружающем нас мире несколько. Это – смена дня и ночи, которая дала людям естественную единицу времени – сутки; смена фаз Луны, происходящая на протяжении так называемого синодического месяца (от греческого слова «синодос» – сближение; имелось в виду ежемесячное сближение луны и солнца на небе). Если посмотреть, что представлял собой древнеегипетский солнечный календарь или древние лунно-солнечные календари Вавилона и Китая с их периодически повторяющимися циклами религиозных праздников, то можно убедиться, что они преследовали именно эту цель – быть надежным хранителем памяти о том, что лежало в первооснове каждой из культур.

Древние культуры были связаны с зодиакальными знаками. На заре истории, которая донесла до нас свое дыхание в величественных памятниках прошлого, мы

сталкиваемся с могучим Тельцом — священным животным египетской и вавилонской культуры, земным отражением того небесного Тельца, в знак которого вступила точка весеннего равноденствия ок. 4320 г. до н. э. А поскольку начало года у подавляющего большинства народов мира, в том числе у славян, связано именно с весенним равноденствием, то неудивительно, что знаку Зодиака, в который вступало солнце в этот переломный момент, придавалось совершенно особое значение. Созвездие Телец считалось солнцем Древнего Египта, его живым воплощением служил бык Апис, у которого изображали солнечный диск между рогами. Телец — священное животное бога Мардука в Вавилоне. Там праздновалось весеннее равноденствие, которое называлось «страсти Бела — Мардука», или весенний праздник божественной жертвы, и в то время уже знали Большой круг Бытия, или Солнечный год, — промежуток времени между двумя последовательными прохождениями диска Солнца через точку весеннего равноденствия, и называли его «магнус год», т. е. «большой год». Он составлял 25 920 лет. Цикл перехода от одного зодиакального знака к другому составляет 2160 лет. Нынешний зодиакальный цикл приближается к завершению. Из знака Рыб мы переходим в знак Водолея, т. е. приближается момент смены циклов.

Рыбы — 1=2 160, Овен — 2 160=4 320, Телец — 4 320=6 480, Близнецы — 6 480=8 640, Рак — 8 640=10 800, Лев — 10 800=12 960, Дева — 12 960=15 120, Весы — 15 120=17 380, Скорпион — 17 380=19 540, Стрелец — 19 540=21 600, Козерог — 21 600=23 760, Водолей — 23 760=25 920.

Зодиак очень стар, но известный нам порядок зодиакальных знаков восходит, вероятно, к VIII в. до н. э. и связан с вавилонской культурой, древность же самой системы уходит в неизмеримо более далекое прошлое. Для нас представляют интерес три зодиакальных знака — Телец, Овен и Рыбы, поскольку вся известная история человечества (если следовать движению точки весеннего равноденствия) свершается и проходит под этими знаками.

Б. А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян» отмечает: «Энеолитический календарь отдаленных предков славян предугадывал то деление на две части, которое мы находим у позднейших греков: во-первых, время присутствия Аполлона-Солнца в Греции (эпидемия) и летних празднеств в его честь (таргелии и пианепсии) и, во-вторых, время отбытия Аполлона к северным гиперборейцам (аподемия), приходящееся, естественно, на зимние месяцы. Такой календарь был, по всей вероятности, ритуальным, отмечавшим не хозяйственные сезоны сами по себе, а лишь время сакральных действий, пережитки которых сохранились спустя четыре тысячи лет: святки, масленица, Купала, Ильин день».

РУССКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Этот календарь назывался «Миротворным кругом» и пришел на Русь из Византии вместе с христианством. Известен он и под названиями «Церковный круг» и «Великий Индиктион».¹⁹⁶ В основе это был Юлианский календарь, который, в свою очередь, уходил корнями в культуру Древнего Египта. И для того чтобы понять предысторию календаря наших предков, нужно перенестись в незапамятные времена, когда был создан календарь, просуществовавший вместе с египетской культурой около четырех тысячелетий.

Происхождение древнеегипетского календаря связывают с Сириусом — той самой

¹⁹⁶ «Великий Индиктион», «Миротворный круг», «Церковный круг» — названия средневекового календаря, пришедшего на Русь из Византии и начинавшего год с 1 сентября.

воспетой Гомером и Гесиодом¹⁹⁷ звездой, которая подарила Египту солнечный календарь, лежащий, по словам В. И. Вернадского, «в основе летоисчисления Старого Света вплоть до настоящего времени, когда он оказался распространенным на всю ноосферу».

Дело в том, что промежуток времени между двумя первыми утренними восходами Сириуса, совпадающими в Египте с летним солнцестоянием и разливом Нила, составляет 365,25 дней. Однако в качестве длины своего календарного периода (года) египетские жрецы приняли не 365,25, а ровно 365 дней. Но календарный год длиной в 365 дней заметно отставал от истинного, солнечного года, и это отставание составляло 6 часов в год, следовательно, в каждые четыре года оно нарастало на одни сутки.

Поскольку сезонные явления постепенно опережали календарь, постольку даты в нем перемещались назад по отношению к сезонам года. Но если за четыре года Сириус уходил вперед на одни сутки, то для того, чтобы пройти через все сутки египетского календарного года в 365 дней, ему нужно было уже не 4, а 1460 (365×4) лет. А коль скоро мы знаем, что египетский год (365 дней) короче года Сириуса (365,25 дней) на 6 часов, то для того, чтобы вернуться к своей исходной дате в египетском календаре, Сириусу нужен был еще один год (1460+1). Это так называемый сотический¹⁹⁸ период, который включает 1460 юлианских лет. По истечении данного периода первое число первого египетского месяца совпадает с утренним восходом Сириуса, летним солнцестоянием и разливом Нила. Вся египетская история укладывается в четыре таких периода начиная с 19 июля 4241 г. до н. э. по Юлианскому календарю.

Первая попытка реформировать египетский календарь была предпринята Птолемеем III Эвергетом, который в своем «Канопском декрете» (238 г. до н. э.) впервые ввел понятие високосного года. Однако тогда это нововведение не прижилось. И только римский император Гай Юлий Цезарь с помощью известного александрийского астронома Созигена в 46 г. до н. э. перевел Рим со всеми его императорскими владениями на новый счет времени.

Собственно Юлианский календарь просуществовал недолго — лишь до знаменитого Никейского собора — первого Вселенского собора христиан в Никее, на азиатском берегу Босфора, созванного римским императором Константином Великим в 325 г. После собора календарь Юлия Цезаря превратился в церковный Юлианский календарь и в таком усложненном виде более тысячи лет служил в качестве универсального календаря всего христианского мира. Календарь сохранил в неприкосновенности все принципы и особенности, заложенные в него его создателями, в частности «круг великой альфы», который стал основой литургического календаря всех христиан. Но это не просто круг и даже не просто хронологический отрезок в 532 года, а тот временной интервал, по прошествии которого даты пасхальных полнолуний возвращаются к тем же дням недели и числам месяцев. Построен он из совмещения 19-летнего круга луны с 28-летним кругом солнца и является результатом перемножения этих величин.

Чрезвычайно важная особенность Юлианского календаря, состоящая в том, что каждые 28 лет дни недели падают в нем на те же самые числа месяцев, делает календарь циклическим, действующим с ритмом раз и навсегда заведенного

¹⁹⁷ *Гесиод* (VIII–VII вв. до н. э.) — первый известный по имени древнегреческий поэт. В его поэме «Геогония» (т. е. родословие) систематизированы мифы о богах.

¹⁹⁸ Сотис — древнеегипетское название Сириуса.

механизма. Указанный ритм обуславливается принятой в календаре системой високоса (каждый четвертый год високосный, состоящий из 366 дней).

Обсуждение реформы Юлианского календаря продолжалось несколько столетий. Дело в том, что в Юлианском календаре за 400 лет накапливались три лишних дня и календарь отставал от сезонов года. После обсуждения реформы календаря, продолжавшегося несколько столетий, по указанию папы Римского Григория XIII «в связи с уходом Пасхи в лето» был разработан итальянским мастером Луиджи Лилио проект календаря, призванного устранить погрешность Юлианского календаря. В 1582 г. была издана специальная «булла» папы Григория XIII. Л. Лилио предложил не считать високосными вековые годы, число сотен в номере которых не делится на 4 (1700, 1800, 1900, 2100). Тем самым за днем весеннего равноденствия закреплялась дата 21 марта. Эта система получила название «нового стиля».

Простота Юлианского календаря составляет его научное преимущество перед всякими другими календарными направлениями. Любое нарушение календарного ритма — это нарушение не только исторической или календарно-астрономической хронологии, но и жизни вообще. Ритмические календарные соотношения цикличны в своей основе, будь то движение луны, солнца или совмещение их обоих. Поэтому любая попытка закрепить что-то в календаре навечно в конечном счете обречена на неудачу.

Григорианский календарь ввел понятие «невисокосное столетие» по аналогии с понятием «високосный год» в Юлианском календаре. Но если високосное столетие создает ритм, то столетие, лишенное високоса, его нарушает.

Одним из недостатков Григорианского календаря является то, что в нем нарушен непрерывный счет дней и год начинается среди сезона — зимой. Жизнь на земле была не всегда, и вполне разумно считать, что начало жизни — весна жизни и есть начало года. Так появился весенний Новый год. Но вот урожай созрел, собран, и естественно признать, что год закончился. Так появился осенний Новый год в «Индиктионе». Зимний же гражданский Новый год был введен в России по указу Петра I в 1700 г.

В современных календарях продолжительность года соразмерна с продолжительностью тропического года, т. е. года, измеряемого от одного весеннего равноденствия до другого. Но астрономически самым точным является не тропический, а сидерический, т. е. звездный, год, измеряемый по звездам, а не по солнцу. Так заведено в астрономии, и хотя в основу и Юлианского и Григорианского календарей положена продолжительность тропического года, юлианский год оказался ближе к точнейшему звездному году, чем григорианский, т. е. старый стиль оказывается точнее нового.

ГODOVOЙ ЦИКЛ

Год у древних славян делился на две половины: летнюю и зимнюю и начинался с первого весеннего месяца марта, так как именно с этой поры природа пробуждается к жизни от мертвенного сна. У западных славян поклонение зимней природе сформировалось как поклонение богиням Живе и Море, разделившей между собой весь годовой цикл земной растительности: Жива — лето, Мора — зима. У русских людей не сохранилась память о двух богинях, но отмечено двойное отношение солнца к земной природе: «благотворное» летом и «зловредное» зимой. Поэтому древние русичи различали два солнечных лика: летний лик — светлого бога ярых и плодотворных лучей Белобога и зимний — бога негреющего мрака и холода Чернобога.

Широко известны индоевропейские мифологические сюжеты на темы годовых циклов. Вот один из них.

Злые силы похищают с неба солнце и спускаются с ним на дно океана. Солнечный герой вступает в поединок с похитителями, предлагает злему началу ряд испытаний, в том числе погружение на дно морское. Во время погружения солнечный герой замораживает поверхность океана, и пока злая сила пытается выбраться из-под льда, спасает солнце. Обычно герой одерживает победу в полдень, но сам погибает или принимает страдания от солнечного колеса.

Задолго до принятия христианства восточные славяне выработали собственную систему счета времени, названия месяцев, дней недели. В основе этого счета лежала, как и у других народов, ритмичная смена фаз луны, что нашло отражение в летописях. Существовали даже специальные названия лунных фаз в древности: новолуние называлось «межи», молодой серп – «новец», первая четверть – «новый перекрой», фаза около 10 дней – «подполонь», полнолуние – «полонь», старый серп – «ветох». В результате тщательного анализа летописей был сделан вывод, что новый год у восточных славян начинался с появлением новой луны в первые весенние дни, близкие к весеннему равноденствию, когда природа пробуждалась от зимнего сна.

Христианство не скоро изменило на Руси издревле существовавший обычай начинать новый год с марта, хотя церковь, руководствуясь византийским календарем и святцами, уже приняла упомянутый годичный круг «Индиктион», который начинался с сентября. В народе продолжали придерживаться мартовского исчисления и во многих местах месяцы по-прежнему называли славянскими наименованиями. Несторовская и последующие летописи долго придерживались мартовского года.

Древнеславянские названия месяцев были частично занесены в «Церковный сборник», приложенный к «Остромирову евангелию»¹⁹⁹ (1056 г.), в «Харатейное евангелие»²⁰⁰ (1144 г.) и в некоторые другие старинные книги.

Март – березозол, свистун (пора ветров), пролетье, сухой, бржезень.

Апрель – цветень, кветень, березозол (в некоторых губерниях), дубень.

Май – травень, мур, росеник, розняк, розоцвет, желтопушник.

Июнь – изок, червень, червец, липень, розенцвет, кресник.

Июль – липец, червенец, сенозарник, сеностав, страдник.

Август – зарев, серпень, зорничник (от «зореть» – зреть), женчь, жнейска, прашник.

Сентябрь – рюен, руян, вресьень, лесеник, ревун (период, когда копытные животные бывают в течке и поднимают рев).

Октябрь – листопад, паздзерник от слова «паздер» – кострика (в этом месяце начинают собирать лен и коноплю), грязник.

Ноябрь – листопад, студень, листоной, гнилец, грудень (на севере).

Декабрь – студзень, грудень, просинец, зимник, волчий.

Январь – стычень, зимец, прозимец, просинец, ледень.

Февраль – сечень, снежень, лютый.

Отдельные дни и числа месяцев получили у славян свои особые названия в соответствии с признаками обновлявшейся или умирающей природы и с приуроченными к ней крестьянскими работами. В христианский период

¹⁹⁹ «Остромирово Евангелие» – древнейший памятник старославянской письменности (1056–1057), ценный источник по истории русского искусства, в том числе искусства Киевской Руси.

²⁰⁰ «Харатейное Евангелие» – от слова «харатейный» – древний.

прибавились имена святцев.

Счет годов славяне вели «от сотворения мира», т. е. от 5508 г., до условно принятой даты — Рождества Христова. Эта дата — один из многих вариантов эр «от сотворения мира», была принята в Греции в VII в. и применялась православной церковью. На данную тему существовало и бесчисленное множество чисто славянских сказаний, поверий, апокрифов. На Руси эта дата применялась до 1700 г. (указа Петра I о переходе к новому летоисчислению), на Украине «новый стиль» иногда употреблялся в начале XVII в., в Польше обычай отмечать начало Нового года с 1 января, а летоисчисление вести от Рождества Христова выявляется еще в XIV в. В Западной Европе практически перешли на летоисчисление от Рождества Христова к X в.

ДРУГИЕ СИСТЕМЫ СЧЕТА ВРЕМЕНИ У СЛАВЯН «ВРУЦЕЛЕТ»

Славяне умели в древности вести счет дням и фазам луны по пальцам, «держали в руке лето», т. е. устанавливали день недели на любую календарную дату. Однако раньше тем же способом надо было найти «вруцелет» года, устанавливаемый по месту года в 28-летнем солнечном цикле. Использование счета дням по фазам луны и пальцам требовало высокой математической культуры. Описание метода и рисунки даны в «псалтыри с часословцем», напечатанном Иваном Федоровым в г. Заблудове в 1569 г.

Если каждое юлианское четырехлетие содержит 1461 день и несоизмеримо с недельным ритмом, то семь таких четырехлетий, т. е. 28 юлианских лет, будут содержать 10 227 дней ($1461 \times 4 = 10\,227$), или 1461 неделю. Эта особенность Юлианского календаря породила важную для пасхальных вычислений систему, которая в Европе получила название «воскресных букв», а на Руси, уже начиная с XIV в., — «вруцелет», что означало удержание в памяти различных календарных дат при расположении чисел по суставам пальцев рук. Определение же этих дней, начиная с Пасхи, имело огромное значение для предварительных вычислений всех подвижных праздников и седмиц (недель), следующих за Пасхой, и великопостных церковных дат и недель, предворяющих ее. Чтобы облегчить вычисления, дни недели были обозначены семью первыми буквами славянского алфавита (за исключением букв «Б» и «Ж», которых нет в греческом языке), расположенными в особом порядке. Порядок был связан с последовательностью «дней творения» библейской традиции, но связан совершенно своеобразно, своего рода «обратным счетом», или зеркальным отражением. Это можно представить так:

Итак, счет времени велся с 1 марта 5508 г. до н. э., а последующий порядок дней с их буквенными значениями таков:

Указанный порядок «вруцелет» остается неизменным, поскольку буква «Г» всегда показывает первый день года независимо от того, с какого дня недели данный год начинается. Если первый год от сотворения мира начался пятницей, то его «вруцелетом» будет буква «А», которая покажет все воскресные дни этого года. Согласно такому счету, второй год начнется субботой и его «вруцелетом» будет буква «В», поскольку суббота станет на место пятницы. Третий год начнется воскресеньем, и его «вруцелетом» станет буква «Г», так как теперь воскресенье будет на месте пятницы. Однако четвертый год (по причине того, что третий год

считается високосным) начнется не понедельником, а вторником, и его «вруцелетом» будет буква «Е» (есть). Итак, можно видеть, что «вруцелеты», или «воскресные буквы», следуют друг за другом в алфавитном порядке, который нарушается только после високосных годов, когда приходится пропускать одну букву. Таким образом, зная порядок «воскресных букв» для всего 28-летнего периода, совсем нетрудно найти порядок воскресных дней любого нужного нам года при условии, что нам известен порядковый номер года в 28-летнем цикле.

НАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Народный календарь пронизывал всю жизнь славянина, который отмечал около 250 особых дат. Связанные с ним хозяйственные вехи, ритуалы, предсказания, которые надо было учесть при планировании предстоящего цикла работ, рекомендации, которые предстояло выполнить «сегодня», в соответствии с предшествующими указаниями – все это в целом представляло своеобразную сельскохозяйственную энциклопедию.

Народный календарь содержит результаты огромной, в полном смысле слова исследовательской работы. В книге Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» показано, что первые календарные праздники сложились в эпоху позднего палеолита, начавшуюся 40–45 тыс. лет назад. Их отголоски сохранились в народных ритуалах, отправлявшихся в дни Благовещенья (25 марта), Юрьева дня (23 апреля), Рождества Богородицы (8 сентября) и Воздвиженья Креста (14 сентября). Основной массив сельскохозяйственного календаря формировался уже после овладения земледелием и скотоводством, что на территории Европы произошло 9 тыс. лет назад. Собственно славянское земледелие по разным оценкам насчитывает от 2 до 6 тыс. лет. Б. А. Рыбаков дал описание славянского календаря IV в. н. э.: это календарь, нанесенный на поверхность найденного в селе Ромашки Киевской области глиняного кувшина. Календарь охватывает период с 1 апреля по 7 августа и особо отмечает праздники, позже названные днями Бориса и Глеба (2 мая), Ярилы (4 июня), Купалы (24 июня), Перуна (Рода, Ильи – 20 июля).

С хронологической точки зрения совершенно ясно, что обычный перевод народных календарей-месяцесловов со старого стиля на новый с поправкой в 13 суток неверен: эта поправка относится только к событиям, случившимся в начале XX в. В XIX в. погрешность Юлианского календаря составляла 12 суток (и такова поправка при пересчете дат), в XVIII в. – 11, в XVI–XVII вв. – 10 суток и т. д. Можно воспользоваться следующей таблицей:

Расхождение между Юлианским и Григорианским календарями

Итак, для правильного пересчета даты любого события не важно, какова была погрешность в тот момент, когда оно происходило. В нашем случае датами являются календарные дни, связанные с народными приметами, предсказаниями и культовыми действиями, а событием – встреча древнего сельскохозяйственного календаря с Юлианской календарной системой. И если удастся определить время события, то мы сможем воспользоваться соответствующей календарной поправкой. Такую возможность представляет нам месяцеслов. Днем летнего солнцестояния в нем считается 12 июня (день Петра Афонского), днем зимнего солнцестояния – 12 декабря (день Спиридона Тримифунтского). Солнцестояния в эти дни были в XVI–XVII вв., когда погрешность Юлианского календаря составляла

10 суток. Следовательно, славяне соотносили свои календарные приметы и наблюдения с церковным православным календарем именно в тот период, и даты месяцеслова надо переводить на современный календарь с поправкой не в 13, а в 10 суток, т. е. с «отставанием» на 3 дня.

Что же касается мифологии, то каждому божеству Пантеона князя Владимира, как известно, соответствовал свой день недели, причем он не всегда соответствовал «порядку», перечисленному в летописи. Так, у Перуна был четверг, у Хорса — понедельник, у Дажьбога — воскресенье, у Стрибога — вторник, у Симаргла — суббота, а у Мокоши — целых два дня: среда и пятница.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ СЛАВЯН

Земледельческий календарь славян — это прежде всего отражение их забот, связанных с выращиванием хлеба. Существует множество славянских пословиц о хлебе типа «У кого хлеб родится, тому и веселиться», «Все добро за хлебом», «Дорогой товар из земли растет», «Животинка водится, где хлеб родится».

С хлебом были связаны многие обряды. Во время жатвы в Литве оставляли несколько колосьев в честь «бабы-ругия», т. е. ржи, в России — в честь Волоса. У южных славян долго сохранялись девичьи пляски и игры в честь наступления жатвы. В этот день одну девушку, убранныю колосьями и полевыми цветами, водили по селу как богиню земных плодов, которую звали Додола, Драгайка, Плуга и т. п. В России этому обычаю соответствовал обряд под названием «именинник», согласно которому последний сноп украшали или наряжали в сарафан и кокошник и носили с плясками по деревням, поздравляли всех с окончанием жатвы.

Почти каждому занятию в славянском быту отводился определенный день в календаре, в христианское время они стали называться именами церковных праздников, но частично сохранились и с названиями сельскохозяйственных работ. Не случайно в названиях многих таких праздников были соединены имя святого и прозвище чисто земледельческого происхождения, как, например, день Алены-льняницы, Иеремии-запрягальника, или запашника (в этот день запрягают лошадь, крепят соху и приступают к пахоте), день Феодосии-колосницы (когда начинают колоситься хлеба), день Акулины-гречишницы, Натальи-овсяницы, Фёклы-заревницы (день начала молотбы и топки овинов).

Народные пословицы содержат полный курс сельского хозяйства с советами и предостережениями, обретенными долгим опытом славянства и выраженными в эпической форме. Обычно пословицы отражают характер трудовой земледельческой работы. Недаром она называется «страда» (вспомним Н. А. Некрасова — «В полном разгаре страда деревенская...») и происходит от слова «страдание» откуда пошли и пословицы типа «Горька работа, да сладок хлеб».

Слова «работа» (русск.), «Arbeit» (немецк.), «labor» (англ.) восходят к санскритскому корню «аг», а земля на санскрите «га». Синонимами древнерусских слов «ратай» («оратай»), «орати» сегодня являются слова «хлебопашец», «пахать». Слово «пашня» («пахать») означает также «пастбище» и пришло из эпохи пастушьего быта.

Саму мысль об обработке земли, видимо, подал человеку скот, взрыхлявший своими копытами илистые участки и втоптывавший глубже упавшие семена трав, отчего они потом быстрее всходили, и травы на этих участках росли лучше. В Египте, например, после посева на поля, покрытые мокрой грязью от наводнения, специально выпускали мелкий скот, и он втоптывал рассеянные на ней зерна. Важнейшим из всех земледельческих орудий считалось то, которое человек употреблял во время сева хлеба. Такие орудия — разной формы и по-разному

называвшиеся, встречаются у всех народов мира. На Руси они впервые упоминаются в «Русской правде», где говорится: «Дал ему господин плуг и борону...» У Геродота есть запись скифской легенды о том, как золотой плуг упал с неба и лишь младший из царских сыновей оказался в силах поднять его. Этот плуг стал символом царской власти. В египетских рельефах встречается изображение плуга, который держит в руках фараон.

В чешских и сербских песнях герой отправляется на войну, повесив плуг на гвоздь. На Руси существовало какое-то мифическое существо, называвшееся «Плуга». В русской летописи записано: «На вечери Рождества Христова и Богоявления Колед, Плуг и Усений (Овсень) не кликати». Существовало на Руси и древнеземледельческое орудие «рогалие». Нестор записал в летописи: «Аз же пристроих семь дней рогалие, ими же копати землю».

По-латыни слово «Arator» означало «бык», «таурус», «рог», и всякий рогатый скот во всех космогониях древности был постоянным символом света и его плодородной силы, а позднее и земледелия. Корова стала мифическим олицетворением земли не только как материка, но и как производящей силы. Санскритское слово «Go», сохранившееся в русском слове «говядина», означало одновременно и «корова», и «земля». Все богини земли и хлебопашества непременно имели в своей свите и корову, а египетская Изида нередко изображалась с коровьей головой. Бык или вол встречались как аллегии земледелия. Возможно, поэтому в земледельческий период бог скота на Руси Волос, как считают некоторые ученые, стал покровителем и хлебопашества (вспомним обычай «завивать Волосу бородку» или оставлять несколько несжатых колосьев «Волосу на бородку»).

Примечательно, что в древности человек находил какое-то родство в понятиях плуга и корабля. Поэты и поныне сравнивают нивы с морскими волнами. Может быть, поэтому русское слово «плуг» и немецкое «der Pflug» берут свое начало от санскритского «plava» – корабль и связываются таким образом с глаголом «плавать», «плыть».

Понятие семени и посева во всех индоевропейских языках имеет родственное звучание: у сербов богиню хлебопашества звали Сева, на санскрите «sītia», что значит «жито», отсюда и Сита – индийская богиня хлебопашества. Хлебное семя – зерно, немецкое – «Korn», литовско-латышское – «sīrnas-zīrnas» переходит в значение гороха. Французское «ble» и английское «blead» означают не что иное, как «плод». Некоторые ученые полагают, что немецкое «Brot» (печеный хлеб) происходит от «Bread» («l» заменяется на «g»), подобно тому как санскритское «vrkas» переходит в русском языке в слово «волк».

У всех народов хлеб почитался лучшим благом земли, дающим жизнь. Славянские «жито», «живот», «жизнь» соответствуют немецким «Leib» и «leben», а русское «хлеб» является точным синонимом «жито». Славянское «рожь» («родить», «урожай») происходит от корня «род». После пшеницы и ржи важное место в земледелии занимал овес. Но сеяли его не для пропитания человека, а для кормления скота, птиц. Сербское название овса – «zob», а слово «зобание» («зобати») означало «кормление», «корм». В русском языке этому слову соответствует «(птичий) зоб».

О грече (гречихе) до XV в. в письменных памятниках не упоминается. Некоторые ученые предполагают, что, подобно рису и кукурузе, она появилась у славян довольно поздно. Русское название «греча», «гречиха», латинское «Griikki» прямо указывают на то, что это растение принесено из Греции. На Руси существовала такая присказка: «Звали, позывали нашу гречу во Царьград побывать со князьями, со боярами, с честным овсом, с золотым ячменем...» Но согласно другому сказанию, она привезена из татарского полона.

В представлениях о добре и богатстве хлеб занимает первое место в народных сказаниях, ибо славяне утверждали, что «Все добро от хлеба». И скотоводство в какое-то время отошло на второй план, словно подтвердив новую славянскую мудрость: «Скотинушка родится, где хлеб водится». Слово «товар», происходившее от слова «тур» (лат. «Taurus» – бык), во многих славянских языках означало «гурт скота», что из земли родится, т. е. означало «хлеб».

В период перехода к земледелию плуг стал принадлежностью земледельца и целого племени, покоривших землю и владевших ею, поэтому плуг в народных сказаниях неоднократно выступает символом царства. У чехов в государи

избирали того, кто обедает на железном столе (на плуге), а у скифов, как уже говорилось, царю-отцу наследовал тот из сыновей Таргитая, который в силах был справиться с золотым плугом, упавшим с неба на скифскую землю.

В русских былинах обладателем этого небесного плуга был Микула Селянинович, богатырь, крестьянский сын. Это о нем сказано: «Тоби было, Микулушка, пахать, да орать, тоби было, Микулушка, крестьянствовать». Род Микулушки, как говорится в песне, «любит Мать-сыра-земля», и вся дружина мудрого Вольги Всеславича не в силах поднять позолоченную сошку Микулину, которая, когда сам богатырь подбросил ее, улетела под облака. Это появление символического плуга в руках богатыря-пахаря, богатыря-крестьянина прямо указывает на непосредственное владение землей тех, кто ее обрабатывал, — крестьянства.

Интересно, что приведенное скифское предание о плуге очень напоминает сказание русских былин: подобно тому как младший сын скифского царя лишь один в силах овладеть небесным плугом и за эту свою силу награжден наследством всей земли скифской, точно так же и наш русский Иван, тоже младший из сыновей, часто призывается в сказках поднять камень, который братья его не в силах сдвинуть с места, и благодаря могучей силе достигает цели своих поисков — получает отцовское наследство. Сам же золотой плуг скифского царя очень похож на золотую сошку Микулы Селяниновича. Вот оно — наследие тысячелетий...

«Птица райская, зовома Сирин...». Лубок

КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

Обряды, связанные с сельским хозяйством, непосредственно отражают трудовую деятельность людей. Новый год (Новогодье) был рубежной датой начала большого круга обрядов.

Славяне издревле справляли Новогодье сразу же после зимнего солнцеворота, поскольку земледелие всецело зависело от тепла, посылаемого солнцем. Вот почему и обрядность в основном посвящалась солнечному культу.

Солнечный культ новогодних празднеств, известный славянам со времен язычества, мало изменился с принятием христианства. Правда, летоисчисление, например в России, только с 1700 г. ведется с января, и с той поры новогодние забавы получили признание. Служители церкви попытались согласовать православную обрядность с народной, ушедшей корнями еще в языческую старину, но и светскость, и широко распространившееся православие оказались не в силах переделать народную новогоднюю обрядность. Она сохраняла свою аграрно-земледельческую сущность, свою крестьянскую основу.

Предновогодье и первые дни Нового года обычно называли святками. Продолжались они 12 дней: *с 7 по 14 января (с 25 декабря по 6 января по старому стилю)* их называли «святыми вечерами», *с 14 по 19 января (с 6 по 11 января по старому стилю)* святки нарекли «страшными вечерами».

Деление Новогоднего периода на светлую и темную часть восходит к весьма отдаленным верованиям, когда полагали, что радость от «разгорания солнца» и удлинения дня непомерно бесит вредоносную нечисть, устраивающую всякие козни на вечерах, на крестьянских игрищах. Согласно же некоторым апокрифическим сказаниям, Бог, отмечая рождение Сына, на радостях отворяет ад, чтобы выпустить оттуда бесов и дать им повеселиться на празднике.

Накануне святок (6 января, 24 декабря по ст. ст.) праздновали рождественский сочельник.

К этому дню в избах делали большую уборку — мыли потолки, стены, скоблили ножом и натирали можжевельником полы, а после уборки ходили в баню, меняли белье, накрывали соломой стол. Еда в сочельник была строго ограничена: ели капусту с квасом, хлеб, взвар или сочево вроде компота из яблок и груш, слив и вишен. Пожилые люди старались не есть до «звезды». Вечером на стол ставили скудную кутью — разваренную пшеницу или ячмень с черемухой, кто побогаче — рис с изюмом. Стряпухи начинали готовиться к завтрашнему пированию.

Когда смеркалось, по домам ходила Коляда в вывернутой наизнанку шубе, со звериной маской на лице, с ухватом и палкой. Колядовщики распевали песни.

Уродилась Коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку!

А дай бог тому,
Кто в этом дому!
Его рожь густа,
Рожь ужиниста.

Ряженые деревенские парни и девушки тешили (колядовали) взрослых, а особенно детей, совершая в рождественский сочельник как бы свой первый обход.

Когда-то Коляду воспринимали не как ряженого. Коляда была божеством, причем одним из самых влиятельных. Коляду кликали, зазывали, как и меньших божеств — Таусеню и Плугу. Коляде посвящали предновогодние дни, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии и на святках. На Руси последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 г. Полагают, что в эти новогодние праздники Коляда признавалась славянами за бога веселья, потому-то ее призывали и кликали веселые ватаги молодежи. Когда же божественное значение Коляды исчезло из памяти народной, этим словом стали называть ряженных; кое-где «колядовщиками» ругали нищих.

На севере Руси колядовщики на Рождество распевали «Виноградие». Хор подростков, а иногда и взрослых «робят» отправлялся со звездой в руках под окна. В тексте этого «Виноградия» угадывались былинные мотивы.

Да виноградие, да красно-зеленое!
Да уж мы ходим, мы ходим по Нову-городу!
Уж мы ищем, мы ищем господинов двор:
Господинов двор, да высоко на горе,
Да высоко на горе, да далеко в стороне.
На семидесяти верстах, да на восьмидесяти столбах!
Да на каждом ли столбе по маковке,
Да на каждой маковке по жемчужинке,
Да на каждой жемчужинке по ленточке,
Да на каждой на ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по свечке горит!
Да этот чей стоит дом, да чей высок новый терем? —
Да это дом стоит Василя Ивановича!
Да это горницы Алены Ивановны!

Да ты позволь, сударь, хозяин, ко двору прийти,
Да ко двору прийти, да на круто крыльцо взойти,
Да на круто крыльцо взойти, да за витое кольцо взять...
Да виноградиe спеть, в дому хозяина спеть,
В дому хозяина спеть; в дому хозяйку припеть!..

На Новогодье в старой русской деревне кликали «овсень»:

Овсень, овсень,
Ходил по всем
По закоулочкам,
По проулочкам –
«Здравствуй, хозяин с хозяйшкой!»
«Где хозяин с хозяйшкой?» –
«Дай им Бог
Из полна зерна пирог!»

ЯНВАРЬ – «ПРОСИНЕЦ»²⁰¹

По существовавшему у славян обряду *2(15) января*²⁰² изгоняли лихоманок. Для этого приглашали бабушек-повитушек, которые для свершения обряда заранее запасались «четверговой солью», «золотой из семи печей», «земляным углем», выкопанным на Иванов день из-под чернобыльника.

Самая старшая в семье женщина встречала знахарку хлебом-солью, низким поклоном, ласковым словом. Не входя в избу, знахарка начинала обмывать своим снадобьем притолок, а потом вытирать чистым полотенцем. Заканчивался обряд изгнания (смывания) подарками и угощениями. После этого хозяева на целый год могли быть спокойными – лихоманки к ним не придут.

В первые дни января проводились святочные гадания. Перед вечером подруги провожали богатых девиц со всем почетом до ворот. Мать богатой девицы должна у ворот при прощании приглашать подруг войти в дом, а девицы должны выискивать причины, по которым они не могут сделать этого.

3(16) января. В Калужской, Тульской и других русских и белорусских губерниях существовало поверье, будто в этот день голодные ведьмы, возвращаясь с гулянья, задаивают коров. Для избежания такой беды над воротами привязывали сальную свечу.

4 (17) января девушки, желая испытать действие своих гаданий, выходили вечером во двор смотреть звезды. Если видели созвездие Стожары справа, то верили, что гадания сбудутся. В таком случае старшая и почетная девушка выходила вперед с пирогом, а другие, следуя за ней, причитали:

Ай звезды, звезды, звездочки!
Все вы звезды одной матушки,
Белорумяны вы и дородливы.
Засылайте сватей по миру крещеному,

²⁰¹ В заголовках даются русские названия месяцев.

²⁰² Далее в *январских* числах после даты по старому стилю приведены даты по новому стилю.

Состряпайте свадьбу для мира крещеного,
Для пира гостиного, для красной девицы,
Свет родимой Анны Ивановны...

Если же замечали созвездие Девичьи зори, то горестные уходили в дом, ибо Девичьи зори предвещали печаль — еще год ждать замужества.

5 (18) января — Крещенский сочельник.

Под Крещенье девушки в последний раз гадали. В деревнях под Крещенье старушки собирали снег со стогов, так как, согласно поверьям, он один может выбелить всякий холст так, как не сделает этого ни солнце, ни зола. Считалось, что снег, собранный в крещенский вечер, мажет сохранять в колодцах воду на весь год, даже если лето будет сухое. Этим снегом исцеляли недуги — онемение в ногах, головокружение, судороги.

Славяне верили: если в крещенский сочельник ярко блещут и горят звезды, то это значит, что овцы будут плодородны. Пословица гласит: «Ярки звезды породят белы ярки». В народе сохранялось убеждение, что в Богоявленскую ночь (Крещенский сочельник) перед утреней открывается небо и требует особого подъема в молитвенном настроении. Для изгнания «бесовского» наваждения в часы крещенского сочельника на дверях и окнах домов и надворных построек принято было ставить кресты мелом. А некоторые смельчаки, чтобы изгнать «нечистую силу» и смыть с себя тяжкие грехи святочных игр, ряженья в маски, окунались в прорубь возле «Иордани».

В крещенский сочельник девушки пекли пироги и выходили с ними в морозную ночь кликать суженого; стараясь узнать свою судьбу, бросали сапожки за ворота.

6 (19) января — «Водокреши». Русская православная церковь отмечала в этот день Крещение Господне, когда на реках совершалось св. водосвящение. Тогда же ожидалось крещенские морозы: «Трещи, мороз, не трещи, а минули водокреши». Ясная и холодная погода — к засушливому лету, пасмурная и снежная — к обильному урожаю.

10 (23) января — Григорий. Если на стога и скирды выпадает иней, то лето предстоит сырое и холодное.

11 (24) января — Федосья. На Федосью тепло — к ранней весне.

12 (25) января — Татьяна. Если на Татьяну светит солнышко, значит, птицы прилетят рано, если снег идет, то лето будет дождливым.

Заканчивает январь Афанасий — Ломонос. «Афанасий да Кирило забирают за рыло» — лютует зима.

ФЕВРАЛЬ — «СЕЧЕНЬ»

В Древней Руси февраль был последним месяцем в году, и называли его «сечень» (сечет холодная метель), «межень» (календарная межа зимы и весны), «снежень» (снежный месяц) и «лютый» (лютует в эту пору мороз). Но существовало и другое название — «февраль-бокогрей» (солнце уже подтаивает тяжелую броню изо льда).

1 февраля (19 января по ст. ст.) ²⁰³ — Макарьев день: коли погода ясная, то весну ожидали рано.

2 февраля (20 января) — Ефимий: в полдень солнце — к ранней весне. Если же в середине дня метель разыграется, то вся масленица метельной будет.

²⁰³ Далее в *февральских* числах после даты по новому стилю дается дата по старому стилю. Случаи нарушения этого принципа оговариваются особо.

4 февраля (22 января) – Тимофей-полузимник. Половина зимы прошла. В сумерках гудит метелица, воет ветер, бросает в лицо холодную снежную крупу. «Вьюги да метели под февраль налетели»; «Крутой мороз крепчает, а к вечеру лютует». «Бокогрей» щедр и на снег, и на холод.

6 февраля (24 января) – Аксинья-весноуказательница: какова Аксинья, такова и весна; на полузимницу ведро – весна красная. Запомнилась Аксинья и как полухлебница (до нового урожая хлеба потребуется не менее съеденного).

10 февраля (28 января) – Ефрем. Ветер пронесся – к сырому году. На четвертый день после Ефрема – Трифон. На него предсказателем сказывалось ночное небо: коли звездисто – к поздней весне.

15 (2) февраля – Сретенье – зима с весной встретились. Свесились с крыш сосульки, затенькали робкие капли, на солнышке весной повеяло. «На Сретенье день тепло льды опятнает»; «На Сретенье кафтан с шубой встретился»; «На Сретенье цыган шубу продает».

О весне судили так: если на Сретенье установится оттепель, то весна будет ранняя и теплая, а коли холода завернут, то жди весну холодную. Выпавший в этот день снег – к затяжной, холодной весне.

Февраль – кривые дороги, только и объезжай сугробы. Февраль тоже синевой примечателен. Приглушенный синий отблеск сугробов появляется в ясный день.

17 (4 февраля) – студень Николай. Ударяют морозы.

К *23 (10)* числу приурочено такое разнословье: «До Прохора старуха охала: студно». Пришли Прохор да Влас – никак скоро весна у нас!»

Но Власьевские морозы *24 (11) февраля* еще круты, пробирают до костей, а след от полозьев уже блестит влагой. «Пролет Власий маслица на дороги – зиме пора убирать ноги». Бывший языческий Велес – заступник стад и позже долго почитался под именем св. Власия. К его дню приравнивались самые разнообразные обряды по сохранению скота от падежа: кропили коров водой, кое-где сгоняя их для этого к центру села. Следующей ночью пастухи выходили на перекресток окликать звезды, прося их сделать так, чтобы овец по дворам было не меньше, чем звезд на небе.

Завершается зима. В ознаменование победы сил света и тепла над силами холода устраивались всенародные масленичные гулянья.

Масленица была самым раздольным и веселым праздником. В южнославянских и западнославянских странах божество зимы Морана уступала свое владычество Ладе, олицетворявшей весну. Целую неделю шло веселье. Каждый день масленичной недели имел свое имя. В первый день масленицы на Руси народ справлял «встречу честной масленицы, широкой боярыни». Дети с утра выходили на улицу строить снежные горы, с песнями, причитаниями. Сбегая с гор, кричали: «Приехала масленица, приехала масленица!» Встреча заканчивалась кулачными боями. В некоторых местах приготавливали соломенную куклу-масленицу, надевали на нее кафтан и шапку, опоясывали кушаком, ноги обували в лапти. Эту масленицу-куклу ввозили на санях в гору с причитаниями встречи.

К первому дню масленицы устраивались общественные горы, качели, вислые и круглые балаганы для скоморохов, столы со сладкими яствами. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не отвесть сладких яств значило в старину жить в горькой беде, лежать калекой без ног или быть дряхлым стариком.

Москвичи справляли масленицу у Красных ворот. Богатые люди с понедельника начинали печь блины, бедные делали это лишь с четверга или пятницы. Первый блин клали на слуховое окошко для душ родительских; старухи, кладя блин, приговаривали: «Честные наши родители, вот для вашей душки блинок!» Приготовление блинов было большим искусством, а рецепты хранились втайне. Тещи приходили к зятям в дом поучить своих дочек печь блины.

Масленица-кривошейка,
Встречаем тебя хорошенько!
С блинцами, с каравайцами,
С вареничками!

Масленица-блиноеда,
Масленица-жироеда,
Масленица-обируха,
Масленица-обмануха!

До поста довела,
Всю еду взяла,
Дала редьки хвост
На великий пост!

Мы его поели –
Брюха заболели...

Второй день масленицы (вторник) – заигрыши. С утра приглашали девиц и молодцов поесть блинов и покататься на горах, что устраивали во дворах. Матушки посылали «позываток» по родным и знакомым дочек и сынов с наказом: «У нас горы готовы, блины испечены – просим пожаловать!» Позываток встречали с почетом и приветом и отпускали с наказом «кланяться хозяину и хозяйке с детками». (Отказ же объявлялся условленным общим выражением: «У нас у самих горы состроены и гости прошены».) После угощений гостей отпускали покататься на горах.

На «лакомки» в среду тещи приглашали своих зятёв к блинам, а чтобы позабавить любимого зятя, созывали всех родных, пекли блины, оладьи, творожники.

Среда – «лакомка», за ней – «разгуляй-четверок». Вершина праздника отмечалась взятием снежных городков. Деревенские молодцы выступали за осажденных и осаждаемых; в баталиях по взятию снежных городков участвовали пешие и конные. Такая игра в войну доставляла нашим предкам особое удовольствие.

В деревнях на широкий четверг составляли «потешный поезд». Под Клином, например, он выглядел так: на сани-розвальни ставили бревно-слегу с надетыми на него колесами. На верхнее колесо усаживался весельчак-прибаутник в белом балахоне. В сани вскакивала разодетая молодежь, и поезд с гиком и песнями выносился шестеркой коней на улицы. На первом коне сидел верховой в кафтане, перехваченном крест-накрест кушаками, на плечах у него развевались соломенные эполеты. Впереди всех скакали дети.

В Переяславле-Залесском, Юрьеве-Польском и Владимире возили по улицам мужика с вином и калачами. Для поезда выбирали огромные сани, привязывали в середине столб, на столбе колесо, на то колесо и сажали мужика. За санями тянулся поезд с народом.

В старину на санях возили дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками. В Архангельске прежде мясники возили быка по городу на огромных санях, к которым прицеплялся поезд с народом. В Ярославле с четверга пели Коляду. Кулачные бои начинались с утра и продолжались до вечера.

Кувшин – календарь для летних молений о дожде. IV в.

Пятницу называли «тещин вечер»: в этот день зятя ходили к тещам в гости. Субботу – «золовкины посиделки», посещение родных.

На «тещины вечерки» зятя угощали своих тещ блинами. Приглашения были почетными – со всей родней к обеду или на ужин. Зять был обязан лично пригласить тещу, а потом утром присылать за ней нарядных «зватых». Чем больше приходило «зватых», тем больше почестей оказывалось теще. За хлопоты «зватые» с обеих сторон получали подарки.

Воскресенье – «прощеный день». Прощались с масленицей, с сытым празднованием. Просили у родных и знакомых прощения за нанесенные обиды. На прощенный день ездили одаривать кума с кумой, родные приходили к старшему в роду, бедные – к богатым. Прощание звучало так: «Прости меня, пожалуй, буде чем виноват пред тобой!» Прощание заключалось в поцелуе и низком поклоне. Между домашними прощение бывало после ужина, перед сном: дети кланялись в ноги родителям, просили прощения и, высказав, что на душе лежало, принимались за песни да пляски.

В Москве любимыми местами народных гуляний были Марьино роща, набережные Москвы-реки и Неглинной. Тут не только вдоль берега, но и на льду ставили шатры, палатки, шалаши, крытые рогожами, а где-то лубком. Главный шатер – «колокол» украшали зеленой елкой, над древком развевался нарядный флаг. Вдоль торговых рядов ходили разносчики и предлагали кто блины, кто орехи и пряники, а кто и напитки: сбитенчики угощали сбитнем, бузники наполняли чаши бузой. В балаганах показывали представления, тягались силой, забавлялись фокусами. Шумно было на качелях и каруселях. Устраивали рысистые состязания, пели:

А мы Масленицу провожали,
Ой ли, лели, провожали!
Во земельку мы закопали!
Ой ли, лели, закопали!
Поносивши воду, ножками притоптали,
Ой ли, лели, притоптали!

О русской масленице в народе сохранилось много поговорок. Среди них и такие: «Не все коту масленица!»; «Масленица семь дней гуляет»; «Милости просим к нам об масленице со своим добром, с честным животом»; «Выпили вино об масленице, а с похмелья ломало после радуницы».

МАРТ – «ПРОТАЛЬНИК»

У древних славян март назывался по-разному: «сухий», «сухий» – у украинцев, «бржезень», «марзец» – у поляков, «березозол» – у чехов и словаков, «позимский» – у сербов, «сушец», «третник», «трегурчак» – у венгров и хорватов. В Древней Руси март называли «протальник» и считали первым месяцем в году. Этот счет изменился только во времена великого князя Василия Дмитриевича, в начале XV в. Когда начали считать с сентября, март уже был седьмым. С 1700 г. март – третий месяц года.

О марте народная молва говорила так: «Март – позимье сшибает рог зиме»; «Раненько март веснянку затягивает – ненадежное тепло»; «С марта пролетье, весна начинается» (пролетье – теплый сезон); «Февраль силен метелью, а март капелью»; «Мартушка крутит вертушку» и т. п.

Все собирает народная мудрость. Послушаешь пословицы, как поэму прочитаешь. Неторопливо развивает в марте свое шествие весна. Кругом еще снега. Днем пригреет, дороги подтаят, а ночью опять подморозит, хрустят дороги сухой корочкой льда. Солнце с каждым днем выше, светит все дольше.

1 марта (14 марта по н. ст.) – Евдокия (Евдокея). В тот день гадали об урожае на снегу. Евдокея-Плющиха. Вокруг нее было особенно много примет и присловий. В Юлианском календаре Евдокия была именно 1 марта, она открывала весну. «Пришли Евдокеи – мужику затеи: соху чинить, борону точить»; «Авдотья-весновка – весну снаряжает»; «Евдокия красна и весна красна»; «С Евдокии-Плющихи – первые оттепели».

День Евдокеи был летоуказателем: какова Евдокея, таково и лето. «На Евдокею погоже – все лето пригоже». Крестьянин, думая о погоде, прикидывал о будущем урожае: «На Евдокеи снег – урожай, теплый ветер – мокрое лето, ветер от Москвы – холодное лето». Особенно волновало крестьянина, долго ли до зеленой травы, ведь кормов все меньше и меньше, а скот сохранить надо. И крестьянин замечал: «У Евдокеи – вода, у Егорья²⁰⁴ – трава»; «Коли курочка в Евдокеи напьется, то и овечка у Егорья наестся»; «На Евдокею холодно – скот кормить лишние две недели».

У крестьян был обычай зазывать или, как говорили, гукать весну. Сельские ребята залезали на крыши амбаров, а кто постарше – собирались на пригорке и, у кого как хватало умения, распевали веснянки.

²⁰⁴ Егорья (Юрьев день) отмечали *23 апреля (6 мая по н. ст.)*. Далее в *мартовских* числах в скобках названы даты по новому стилю.

Сначала пели вместе:

Весна-красна!
На чем пришла?
На чем приехала?

Потом одни припевали:

На сошечке, на бороночке,

А другие вторили:

На жердочке, на бороночке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке...

Образ весны, приезжающей на сошке, очень близок крестьянскому представлению о теплом времени, о поре земледельческой.

Хоры, распевавшие веснянки, перекликались от деревни к деревне, от села к селу. На Руси излюбленное место сбора – на реках, возле проруби. Запевали пораньше, пока солнце не встанет. На весну возлагались самые большие надежды земледельца – надежда на полновесный урожай. Вот почему при заклинании весны были такие слова:

Весна, весна красная,
Приди, весна, с радостью,
С радостью, с радостью,
С великою милостью.

Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

За Евдокией следовал Федот. Про него говорили: «На Федота занос – долго травы не будет».

4 (17) марта – Герасим-грачевник. Еще только задымились, освободившись от снега проталинки, а уж грачи тут как тут. «Грач на горе – весна на дворе»; «Грач зиму расклевал – Герасим-грачевник грачей пригнал»; «Увидал грача – весну встречай».

9 (22) марта – Сороки. По народным поверьям, с этого дня начинаются утренники (утренние морозы) и продолжаются ровно сорок дней. Если утренники будут продолжаться постоянно, тогда лето будет теплое. «На Сороки – сорок утренников»; «Во что Сороки, во то и Петровки (Петров день)»; «На Сороки прилетает кулик из-за моря, приносит воду из неволя». На Сороки жаворонки прилетают, и день равен ночи (весеннее равноденствие).

В этот день во многих славянских странах выпекали из теста жаворонков. Стряпухи золотили птичку сусальным золотом, омазывали медом, посылали родным да знакомым гостинцы. Давали жаворонков детям, ласково приговаривали: «Жаворонки прилетели, на головку детям сели». Деревенская детвора взбегала на сугробы, привязывала жаворонков к шесту, раскачивала его и зазывала: «Жаворонки, жаворонки, прилетите к нам, принесите весну-красну. Зима надоела – весь хлеб поела». Затем выпеченных жаворонков крошили и раскидывали по сторонам. Тогда кое-где и вправду можно было услышать звон полевого жаворонка. Журчит, переливается, поет...

На Сороки звучали с новой силой хороводные «сборные» песни. Их назначение – приглашать в хоровод. Ведь посиделки кончились на масленицу, и теперь хороводные песни способствуют веселью и встречам. Обычно собирались на горках – там и суше, и виднее. Такие горки чаще всего назывались «Красными», значит, веселыми и любимыми. Весенние обрядовые танцы на «Красных горках» особенно

торжественны. Танцующие наряжены в самое лучшее платье. Молодые красуются юностью, старые вспоминают былые дни. Ну вот, кажется, кружок собрался, можно начинать хороводное действо.

Хороводная песня задушевно расскажет о том, как умеет веселиться молодая девушка, молодница, пожилая женщина. Парни то водят хоровод вместе с девушками, а то подыгрывают им на дудках, на рожках, забавляют шутками. И хотя народная мудрость подсказывает выбирать жену не в хороводе, а в огороде, все же чаще пары определялись на людях, при веселье.

Во втором зачине весенних обрядов нет конца песням, пляскам, играм. Слетают с уст песни шуточные, игровые, любовные... А по дорогам уже текут ручейки, снег осел, зачернелся. Вопреки козням зимы «на Русь сорок пичуг пробираются». Народ определил, какие новости предсказывает их прилет: «Жаворонок является к теплу, зяблик – к стуже»; «Журавль прилетел – тепло принес»; «Журавли тянут на север – к теплу, тянут обратно – к холоду»; «Чайка прилетела – скоро лето придет».

12 (25) марта. Крестьяне замечают: если утром появился туман, то в этот год будет большой урожай на лен и коноплю. А чтобы примета их сбывалась, они бросают по двору несколько конопляных и льняных семян птицам на угощение. Рачительные хозяева особенно заботятся о лошадях. По поверьям, если в этот день заболит лошадь, то она не годится для летней работы.

17 (30) марта – Алексей Божий человек. Повсюду появляются большие ручьи. «Алексей – с гор потоки»; «Алексей! Из каждого сугроба кувшин пролей!»; «На Алексея выверни оглобли из саней»; «Какovy на теплого Алексея-солногрея ручьи с гор, такова и пойма» (вешние, полые воды).

19 марта – по новому стилю 1 апреля. ²⁰⁵

АПРЕЛЬ – «БЕРЕЗОЗОЛ»

Апрель, как и март, некоторые славяне называли «березозол»; украинцы и поляки – «кветень», «цветень»; чехи и словаки – «дубень»; сербы – «налетний», «ячман»; венды (венеды) – «чтерник» (четвертый), «малтравень»; хорваты – «травень». На севере было название «снегогон». Древнерусское название апреля «березозол» означало «зол для берез», потому что в эту пору, заготовливая сладкий березовый сок, наносили березкам глубокие раны.

Самая общая характеристика месяца заключена в примете: «Ни холоднее марта, ни теплее мая апрель не бывает». Апрель водою славен: талая вода, живая вода клокочет, поблескивает на солнце, сбегая в лощины, овраги. Половодье. Апрель – вешние воды. «Где в апреле река, там в июле лужица»; «Февраль богат снегом, апрель – водой»; «Апрель всех напоит»; «Апрельские ручьи землю будят».

Лев (Старая Загора, Болгария)

По народным поверьям, апрельская вода – на пользу, она понадобится растению еще до летней суши, в майскую пору. «Апрель с водою, май с травой»; «Мокрый апрель – хорошая пашня».

Народные представления об апрельских днях отразились в численнике. Открывают апрель «Дарьи – грязные полубницы, Дарьи – обгадь проруби». Вокруг обтаявших прорубей зачернел навоз, заваленный снегом. С этого дня белили холсты: вытканное суровое полотно стелили на снег. От промораживания и снеговой влаги оно смягчалось, становилось носким и белее цветом. Длинные тонкие холстины назывались «кросны». «Стели кросна по заморозкам», –

²⁰⁵ Далее все числа даны по новому стилю; в скобках указаны даты по старому стилю. Отступления от этого принципа оговорены особо.

советовали пряхи.

2 апреля (20 марта) — Тит-ледолом. На реках начинает ломаться лед.

3 апреля (21 марта) — Никита-водопой.

4 апреля (22 марта) — Василий-солнечник, Василий-парник, Василий-капельник. С крыш капли капаят, в полдень веселые сосульки роняют в снег слезы горючие. Крестьяне выходят смотреть, есть ли вокруг солнца красные круги. Если есть, значит, будет плодородие.

7 апреля (25 марта) — Благовещение.

Весна зиму поборолa. Начинается третья встреча весны. Зимний путь рушится за неделю до Благовещения. Народные приметы: «Коли на Благовещение снег на крышах лежит, то лежать ему до Егория (*6 мая по н. ст.*) в поле»; «С Благовещения осталось сорок морозов (сорок утренников)»; «Коли ночь на Благовещение теплая, то весна будет дружная»; «На Благовещение дождь — уродится рожь».

На Руси исстари повелось в этот день отпускать птиц на волю. В старой Москве такой обряд совершался у Охотного ряда. Поутру горожане отправлялись к ловцам закупать птиц, а потом выпускали их в сияющее небо. Только темная ночь прекращала веселые сборища.

Во многих селениях оставалось верование в очищающую силу огня. В ночь под Благовещение крестьяне сжигали свои соломенные постели, прыгали через огонь, окуривали платья. Считалось, что это спасает от сглаза и порчи. Пожилые женщины пережигали в печи соль, которая, по их мнению, оказывает чудеса при разных болезнях. Из хлебного теста пекли с солью «бляшки» — небольшие булки, предназначенные для лечения скота.

Славяне верили, что если на Благовещение день выдаться красный, то год будет «пожарный» (засушливый). Если пойдет дождик, то год будет грибной, а рыболовы надеялись на удачный лов рыбы. Была еще странная примета о птицах, свивавших гнезда на Благовещение, будто они за это теряют силу в крыльях и в наказание осуждаются ходить по земле, а не летать в поднебесье. «Птичка гнездышко не вьет, девица косы не плетет» — это о Благовещенье. А еще говорили: «На Благовещенье и ворон гнезда не свивает».

8 апреля (26 марта). В Тульской губернии была старинная примета, будто в этот день солнце встречается с месяцем, а встречи бывают добрые и худые. Хорошая встреча обозначается солнцем, ясным днем. Если день солнечный, значит, лето будет хорошее. Туманный, пасмурный день был плохим предзнаменованием на лето.

По народным поверьям, солнце и месяц с первого мороза расходятся в дальние стороны: один — на восток, другой — на запад. И с той поры не встречаются они до самой весны. Солнце не знает, не ведает, где живет месяц и что делает, а месяц не более того о солнце знает. Когда же они весной повстречаются, то долго рассказывают о своем житье-бытье: где побывали, что ведали, что поделывали. Часто случается, что месяц с солнцем на этой встрече доходят до ссоры, а это всегда кончается землетрясением.

9 апреля (27 марта) — день Матрены-настовицы. Срок прилета настовиц-чибисов. «Чибис прилетел — на хвосте воду принес». Слыла Матрена также «полурепницей»: огородники отбирали половину репы на семена.

12 апреля (30 марта) — Иоанн Лествичник. В этот день пекут из теста «лестницы» для восхождения на небо в будущей жизни. На Иоанна Лествичника домовый бесится (до полуночи, пока не запоет петух).

14 (1) апреля — Марьян день. «Марья, зажги снега, заиграй овражки»; «Марья половодье начинает»; «Марья — пустые щи» (запасы капусты выходят). По приметам охотников, в этот день лисицы переселяются из старых гнезд (нор) в новые и в первые дни бывают слепы и глухи, а пробуждаются после того, как вороны начинают клевать их. В тот же день ворон купает своих птенцов и отпускает их «в отдел» — на отдельное семейное житье.

На апрель приходится Радуницкая неделя. Начинается она с Фомина воскресенья (*12 апреля по ст. ст., 25 апреля по н. ст.*). Первый день недели в некоторых местах

России называли «Красная горка», понедельник – «радуница», вторник – «Навий день», или «Усопшие Радаваницы». Украинцы Фомин понедельник называли «могилками», «гробками», «проводами», в Киеве – «бабским праздником». Болгары справляли свою Радуницу на могилах родителей, пировали с родными, катали на могилах красные яйца. С кладбищ отправлялись в праздничных платьях разыгрывать «Красную горку» в хороводах. На «Красную горку» начинали играть в горелки, сеять просо, плести плетень. На Украине дети ходили по домам и славили «ярь», «зеленачку». Девушки гуляли по улицам и пели веснянки.

Молодежь на Руси очень любила играть в горелки. Горельщик становился впереди пар, затем все разбегались, и он пускался догонять пары, чтобы разъединить их. Кого первым догонит и разъединит, тому и «гореть» на очереди. Полагают, что в давние времена эта игра обставлялась огнями – отсюда и «горелки».

Под вечер раздавался голос гармошки-тальянки. «Хороводу, хороводу место!» Все больше подходит народу, хороводница запевает:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, Дид-Ладо, сеяли, сеяли...

Играющие расходятся на две стороны, одна против другой. Хороводница стоит впереди. «Нам надобно девицу, ой, Дид-Ладо, девицу!» Слов в песне много, и поют ее до тех пор, пока все девушки с одной стороны не перейдут на другую. Ладу вспоминают тут неспроста: ведь она – покровительница свадеб, супружеской жизни. После игры «А мы просо сеяли» начинается другая – «Перевейся, ярый хмель» и третья «Сидит дрема под окошком». Вокруг дремы сонливой, ленивой все ходят и поют: «Перестань, дрема, дремать, пора дремушке вставать».

А еще в старину любили разыгрывать «сходбище»: на середину круга становились парень и девушка, а играющие, взявшись за руки, пели: «Как из улицы идет молодец, из другой идет красна девица...» В игре «плетень» молодцы и девицы вставали попарно и, сомкнувшись наподобие плетня, вытягивались в линию. Хороводница запевала: «Заплетися, плетень, заплетися! Ты завейся, труба золотая!» Плетень сначала заплетался, а под конец игры расплетался. И все звучали веснянки:

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со милостью!
Со рожью зернистою,
Со овсом кучерявым,
С ячменем усатым,
Со просом, со гречью,
С калиной-малиною,
С черной смородиной,
С грушами, со яблочками,
Со всякой садовинкой,
С цветами лазоревыми,
С травушкой-муравушкой...

Весенние хоровые песни и веснянки звучны, торжественны, поэтичны. Они славили возвращение тепла и пробуждение природы.

18 апреля – 1 мая по новому стилю.

МАЙ – «ТРАВЕНЬ»

Май на Руси назывался «травень» или «травный»; у чехов и словаков – «кветень»; у хорватов – «розоцвет», «розняк»; у вендов – «майник», «пятник», «желтопушник», «цветничек» и т. п.

Май – торжество весны зеленой. «Майская трава и голодного кормит». В березняках новорожденная тень и легкая прохлада, на влажных лугах золотится

купальница. Но как ни погож май, бывают еще и холода. Ненадежно майское тепло: «Май обманет, в лес уйдет». И люди просят: «Май — коню сена дай, а сам на печь полезай».

О мае народ говорил: «Май леса наряжает, лето в гости ожидает»; «Майская травка голодного кормит»; «Одна майская роса коням лучше овса»; «Март сухой да мокрый май — будет каша да каравай»; «Май холодный — год хлебородный».

1 мая некоторые крестьяне выходили к колодцам, чтобы смочить семена в надежде на будущий урожай, бросали медные деньги на дно колодца. Другие предпочитали смачивать семена речной водой в течение трех утренних зорь, делали это скрытно, иначе урожай будет худой (боялись сглазу завистников).

6 мая (23 апреля). «Пришел Егорий — весне не уйти»; «Егорий храбрый — зиме ворог лютый»; «Егорий землю отмыкает»; «Юрий на порог весну приволок». Егорьев день — день смерти великомученика Георгия по христианскому календарю некогда считался у восточных славян праздником едва ли не больше Пасхи. До сих пор у сербов и болгар Егорьев день является самым значительным праздником в году.

В очень древних обрядовых песнях имя Георгия — Григория — Егория занимает важное место. Песни распевались некогда группой молодежи — колядовщиками, начиная со второго дня Пасхи, всю святую неделю. Это были весенние коляды, в которых высказывалось пожелание благополучия всему дому, семье, хозяину, хозяйству. Они должны были магически действовать на урожай а приплод скота. Их еще называли волочечными. В песнях после обращения-приветствия к хозяину волочечники просили его выглянуть в окно и посмотреть на чудо — на дворе появились столы:

На тых столах все празднички:

Первое свято — велик Христов день,

Другое свято — Юрий — Егорий.

Во чистом поле статок спасает,

Статок спасает, домой гоняет.

С именем Георгия Победоносца — Егория Храброго было связано множество обрядов, легенд, произведений весеннего фольклора, образовавших так называемый Егорьевский цикл. Как обряды, так и фольклор этого цикла имели магическое значение — они должны были оберегать скот и улучшать плодородие. Развлекательный элемент в них обычно отсутствовал. Специфика цикла заключалась в том, что он объединял земледельческие, скотоводческие и брачные обряды.

Многогранен и образ самого Егория — Георгия, в котором житие христианского святого, погибшего мученической смертью 23 апреля 303 года, сплеталось с античным мифом о победителе смерти и широко распространенным среди народов Европы и Азии мифом о змееборце-победителе. На славянской почве он вобрал в себя, видимо, черты светлых благодетельных божеств.

То, что Егорий праздновали в конце апреля, позволяет предположить, что христианский праздник на Руси наложился на какой-то языческий праздник весны, связанный с пробуждением природы от зимней спячки, с победой весны над зимой. Для средней полосы России это время первой травы, первого приплода ягненка или теленка, первого молока, первой росы, первого дождя, первого сева — праздник, падающий на время, от которого зависело благополучие всего года. Егорий весенний как бы открывал период сельскохозяйственной страды, начало полевых работ (Егорием осенним, приходившимся на *30 сентября по ст. ст. или на 13 октября по н. ст.*, полевые работы завершались).

В егорьевских обрядах сохранялись остатки культа предков. На Егория ходили на могильники с вином и пирогами.

У славянских народов Юрия считали покровителем травы, цветов, злаков. У болгар георгиевские обряды имели преимущественно скотоводческий характер («овчарский праздник»), в то время как у сербов, хорватов, белорусов, украинцев, русских — сельскохозяйственный, животноводческий. Поскольку хороший урожай

зависит от влажности почвы, а в конце апреля начинаются теплые росы, то в народе создается представление, будто Егорий отмыкает землю и выпускает первую росу.

Отмыкающий весну Егорий является, по народному поверью, обладателем чудесных ключей, которыми он отпирает землю весной и выпускает росу. Существовала такая песня:

Свят Ягорья
Взял ключи златы,
Пошел в поле,
Росу выпустил.
Росу теплую,
Росу мокрую.

Роса в Юрьев день – первая, потому и считали, что она обладает чудодейственной силой. Ранним утром в Егорьев день крестьяне валялись по росе на полевых межках, полагая: тот, кто покатается-повалится по росе на Юрьев день, будет силен, как Юрьева роса. «На Ягорья роса, будут добры проса».

Капитель колонны собора в Чернигове

С Юрьева дня на другой начинался яровой сев («Егорий придет, соха в поле пойдет»). В это время необходим дождь, а отсюда многие обряды, связанные с заклинанием дождя.

В Донской губернии весной крестьяне посте молебна купали священника во всем облачении. В Костромской губернии раньше взрослые, позже дети закликали, заговаривали первый дождь:

Дождь, дождь,
На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром.

У македонцев до наших дней сохранился обряд Додолы, имеющий ту же функцию заклинания дождя. Песни начинаются мольбой о дожде, и потом описывается его ниспадение. Это должно было иметь магическую силу. «Георгиевскому дождю цены нет», – говорят болгары.

Не в меньшей степени, чем покровителем полей, а у южных славян и в большей, св. Георгий является покровителем скота. С оберегом скота также связан целый ряд заговоров, обрядов, заклинаний, сводившихся к тому, чтобы уберечь скот на время выпаса от хищников и болезней.

Общим моментом Егорьевских обрядов у различных славянских народов был выгон скота в Юрьев день в поле, на «Юрьеву росу». Причем погоняли вербочкой, освященной в Лазаревскую субботу. Хозяин или пастух, ударяя каждое животное вербочкой, произносил заговор: «Егорий ты наш храбрый, ты спаси нашу скотину, в поле и за полем, в лесу и за лесом, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого».

Заговоры, скликанья на выгон скота в Юрьев день звучали так:

Батюшка Егорий, Макарий преподобный!

Спаси нашу скотинку, всю животинку –
В поле и за полем, в лесу и за горами,
Волку, медведю пень да колода, да белая береза,
Древясиновый камушек!
Нашим же телонькам травка-муравка,
Зелененький лужок.

Если у восточных славян обряд на Георгиев день состоял главным образом из ритуального выгона скота в поле, заговоров, обходов дворов с колядовщиками, то у южных славян в центре было доение овец.

Но Юрий-Егорий был для всех без исключения народов не только охранителем полей, урожая, скота, приплода, но и защитником общего благополучия. Считалось, что от него зависело благополучие, плодородие и в семье.

В ряде губерний России молодежь «водила Юрья» – выбирала парня, обвешивала его зелеными ветвями, венками и клала на голову большой круглый пирог, украшенный цветами. Шли в поле толпой и пели песни. Трижды молодежь обходила засеянные поля (озимые), потом на перекрестке путей-межей разводила круглый костер, в середину которого клали «моленник». Все садились вокруг и делили пирог. Верили: девушка, которой доставался кусок с большей начинкой, выйдет замуж.

В Сербии в Юрьев день при восходе солнца шли купаться в реку, чтобы отвести от себя вечное зло, а женщины и девушки брали от водоворота воду и приносили ее в дом как чудодейственную. Девушки гадали на ней о своем будущем, о женихах, о счастье, о браке, дружелюбии. Отсюда обряд «Юренье» – заключения дружбы *6 мая (23 апреля)* на весь год. В Юрьев день девушки и женщины особенно тщательно наряжались. Вероятно, отсюда и пошла поговорка: «Наряжается, как баба в Юрьев день».

13 мая (30 апреля) – Яков. По приметам: теплая тихая звездная ночь – к ведреному сухому лету.

На другой день – Еремей-запрягальник, «яремник». «На Еремея погоже, уборка хороша»; а о себе говорили: «Сей неделю после Егорья, да другую после Еремея».

15 (2) мая – соловьиный праздник. Борисов день. По приметам: «Соловей запел – вода на убыль пошла». Полевые работы в разгаре: «Борис и Глеб сеют хлеб». Отрастают крапива, щавель, огородная зелень. Теперь уже есть, с чем щи варить. «Подошла Мавра – зеленые щи». Мавра-молочница (*16 мая по н. ст. или 3 мая по ст. ст.*). Сытыми начинают приходиться коровы из стада.

18 (5) мая – Арина-рассадница. Капустную рассаду высаживают на грядки.

19 мая – 1 июня по новому стилю.

ИЮНЬ – «ИЗОК»

Июнь поляки называли «червец»; чехи и словаки – «червен»; хорваты – «розенцвет»; венды (венеды) – «шестник», «прашник», «кресниек»; иллирийцы – «липань». Это были коренные славянские названия первого летнего месяца. В Древней Руси июнь называли «изок», что означало «кузнечик»: ведь в июне из буйно разрастающихся трав слышится веселый стрекот кузнечиков. Старинное название «червень» дано июню из-за червенцов (червяков), из которых древние славяне добывали багряную природную краску («Червленые щиты» в «Слове о полку Игореве» – это окрашенные багряной краской знамена). Название «июнь» – латинское. Римляне называли его так по имени Юноны – покровительницы семейного очага.

2 июня (20 мая) – Фалалей-огуречник. В начале июня сажают огурцы.

3 июня (21 мая) – Олены, ранние льны и поздние овсы.

7 июня (25 мая) – худые росы. Крестьяне считали, что с этого дня появляются вредные росы. Заболеет растение, думали: выпала медвяная роса. Если взрослый человек заболевает или ребенок, думали: бегал по худой росе.

11 июня (29 мая) – Федосья-колосьяница, хлеб колосится.

13 июня (31 мая) – Еремей-распрягальник. С севом покончено.

Семицкая неделя бывает на седьмую неделю после Пасхи. Называли ее «русальной», а на Украине — «зеленой», «клевальной». Три последних дня называли «зелеными святками». Для каждого дня Семицкой недели были еще особые названия: вторник — «задушные поминки», четверг — «семик», суббота — «клевальный день». Семицкие ночи называли «воробьиными». На Семицкой неделе отправлялись разные обряды: «задушные поминки», «Семик», «Моргостье», «Завивание венков», «Кукушки», пели особые семицкие песни.

В народе существовало поверье, будто в Семицкую неделю покойники вспоминают о старой своей жизни, бродят без пристанища. Добрые люди из жалости приходят во вторник на их могилы побеседовать с ними и справляют по ним «задушные поминки». По их предположениям, покойники, довольные таким угощением, уже не выходят из могил.

Забывшие же покойники часто встают из могил, вступают в ссоры и драки с русалками, а русалки за все обиды мстят живым. Так же думали об удушенниках и утопленниках. Крестьяне выходили на их могилы, оставляя на них разбитые яйца и блины с уверенностью, что их приношения будут съедены покойниками.

Семик справляли в четверг. Это был один из наиболее почитавшихся в народе праздников. Раньше в тех местах, где Перун считался не только держателем гроз и молний, но и обладателем животворных сил — одевал леса листьями, а луга муравою, Семик посвящали Перуну. Особая честь на Семик воздавалась березе. У древних славян она считалась деревом, олицетворявшим богиню Ладу.

С утра в семицкий четверг по селам и городам молодежь носила разукрашенные лентами зеленые березовые ветки. Затем девушки шли в лес плести венки из цветов. Пели песни:

Пойдем, девочки,
Завивать веночки!
Завьем веночки,
Завьем зеленые!

Мы идем, идем к березе,
Мы идем, идем к березе,
Которая ближе к дороге,
Которая ближе, ближе к дороге!

Ты не радуйся, зелен дуб!
Ты не радуйся, зелен дуб!
Не к тебе идем мы гулять!
Не к тебе идем мы гулять!

У корня березу обвязывали шелковым поясом, на ветки, перевитые лентами, вешали венки. Усевшись в кружок, поодаль от березки, девушки принимались распевать:

Береза, моя березонька,
Береза моя белая,
Береза кудрявая...

После того как наиграются, напоятся, девушки возвращались в село. Сначала заходили в один из домов, где заранее готовился вкусный обед. А после отправлялись на луг, где проходил смотр невест. Там степенно, с напевами шли они мимо односельчан, среди которых стояли женихи. Какая приглянется, к той осенью женихов засылали.

На Семик одной из забав было также «гонять русалок». По поверьям, русалки в этот день особенно коварны: выходят ночью из омутов, хохочут в лесу, раскачиваясь на ветвях, могут защекотать тех, кто им поддастся. Играли в горелки, весело бегая друг за другом.

Завершающим днем семицких гуляний была Троица. Разнаряженную березу срубали, обносили ее вокруг деревни, потом втыкали на улице и начинали водить вокруг нее хороводы.

В продолжение Всесвятской недели отправлялись разные обряды и увеселения. В одних местах были «Похороны Костромы», в других — «гульбище Ярилы», развивание троицких венков, проводы весны и народные гулянья.

Народное игрище Ярило различалось в разных местах обрядами и временем их отправления. Где-то оно было похоже на погребение Костромы, в других имело иное олицетворение. В одних местах оно начиналось с пятницы Всесвятской недели, в других — в воскресенье после Петрова дня. Имя Ярилы сохранилось в названиях этих мест: в Костроме есть Ярилово поле, под Кинешмой была Ярилина роща, урочище Яриловичи...

Костромское игрище чаще всего справляли в воскресенье Всесвятской недели. Ритуал «Похороны Костромы» был призван обеспечить плодородие. Как правило, при ритуальных похоронах Кострому воплощало соломенное чучело женщины или мужчины. Чучело хоронили или сжигали, иногда разрывали на части с обрядовыми оплакиванием и смехом.

Название «Кострома» связывают со словами «костерь», «костра» и другими, обозначающими кору деревьев (по-чешски «костроун» — шутивное название скелета).

В Пензенской и Симбирской губерниях в назначенное время собирались девицы в простых платьях, выбирали из своей среды одну и называли ее Костромой. Отделившись от своих подруг, Кострома стояла с потупленным взором. Другие девицы подходили к ней с поклонами, клали ее на доску и с песнями несли на реку. На берегу пробуждали Кострому и поднимали за руки. После чего начиналось купание. Девицы купают друг дружку. Старшая из них сгибает из лубка лукошко и бьет в него как в барабан. Девицы выходят из воды и отправляются домой. В новых праздничных платьях выходят на улицу и заканчивают день в хороводах и играх.

В Муромском уезде похороны Костромы отправляли молодцы и девицы. Собравшись в назначенное место, они делали из соломы чучело. В одних местах одевали его в какое-нибудь платье, в других — только перевязывали веревками. Чучело называли Костромой. Все становились перед ним с почтительным видом. Старшие брали Кострому на руки и относили к реке. Здесь все сопровождавшие разделялись на две «стороны». Одна, сохранявшая чучело, становилась в кружок, девицы и юноши кланялись Костроме. Другая внезапно нападала на первую, чтобы похитить чучело. Начиналась борьба. Как только захватывали чучело, так тотчас срывали с него платье, перевязи, топтали солому ногами и бросали в воду со смехом. Первая сторона «в отчаянии» оплакивала Кострому. После этого обе стороны объединялись и с веселыми песнями возвращались в селения. По некоторым описаниям, в обряде погребения Костромы вспоминали Перуна, утопленного в Днепре.

В Воронеже для праздника избирали человека, одевали в разноцветный кафтан, украшали лентами, колокольчиками, на голову надевали раскрашенный бумажный колпак с ленточками и кисточками, лицо сурмили красками, на руки привязывали «позвонки» (колокольчики). В таком наряде он назывался Ярилой, ходил по площади, плясал и пел песни, вокруг него толпился народ всех возрастов. Одни пели, другие плясали, третьи бились на кулачки.

Обряд развивания венков: молодые женщины, девушки и холостые ребята выходили на реку или на родник со своими венками. Там разыгрывали хороводы с венками на голове, а потом бросали венки в реку. Молодцы бросались в воду и доставали венки возлюбленных. Девицы и женщины за пойманный венок одаривали их поцелуями. Молодец после поцелуя надевал венок на свою голову и назывался для женщины кумом, а для девушки — красным молодцем. В этих венках пели плясовые песни, а после с кумушками и девушками плясали. Закончив пляски, обменивались венками. Женщины тут же развивали свои венки, а девушки возвращались с ними домой и хранили их до будущей радости, до свадьбы.

Существовал еще очень интересный обряд — **«Крещение кукушки»**. Суть этого, в основе несомненно языческого, обряда связана с обновлением жизненных сил природы: после зимнего умирания — возрождение и торжество солнечного тепла. Другая сторона действия — повлиять на творческие силы природы, вызвать обильный урожай.

По представлениям древних славян, в кукушку обращалась богиня Жива. Происходило это так.

Под Вознесенье (христианский праздник) деревенские девушки и молодцы тайне от мужчин собирались в просторную избу шить наряд

для кукушки — рубашку, сарафан, платок. Праздничным утром разодетые участники действия отправлялись в лес. Там, среди зеленого приволья, они искали траву «кукушкины слезки». Вырвав с корнем парное количество стебельков или одну траву с раздвоенным корнем, обвивали их лентами, а затем обряжали в принесенные наряды. По преданиям, когда-то так одевали настоящую кукушку.

Ее наряжали в белую рубашку, а сарафан и платок полагались темные, так как птица эта слыла «вдовой». Поскольку же добыть вещую птицу нелегко, то приходилось утешаться «кукушкиными слезками». Траву украшали наряднее. Когда ряженье заканчивалось, девушки наклоняли ветки берез или орешника, свивали их в колыбельку, набрасывали туда платок и на него клали свою «кукушку», обвешанную крестиками.

Наступало время кумовства. Присутствующие юноши и девушки разбивались на пары, поочередно становились друг против друга над связанными ветками, приподнимали платок «с кукушкой», целовали свою избранницу до трех раз, каждый раз меняясь местами. Кумы обменивались платками и кольцами или нательными крестами. Покумившиеся крестьянки считались родными не меньше, как на год, а то и на всю жизнь.

Такое духовное родство, побратимство, посестринство восходит к очень отдаленным временам, когда люди верили, что, обмениваясь личными вещами, они вступали в родственный союз. Каждая вещь, в представлении древних, носит частицу своего владельца.

К вечеру «кукушку» «хоронили»: отрывали в заветном углу леса ямку, прихорашивали ее новыми лоскутами и лентами, клали туда «кукушку» и засыпали землей. Дней через десять крестьянки собирались в лес «воскресать кукушку». Чучело из земли вынимали, усаживали на ветки, напевая:

Кукушечка, рябушечка,
Пташечка плакучая,
К нам весна пришла,
Весна-красна,
Нам зерна принесла...

Слово «весна» здесь употреблялось в значении «тепло». В стародавние времена вообще год, как уже говорилось, делили на зиму и весну, других сезонов не выделяли, и весна продолжалась до самых холодов. Под напев этой обрядовой песни кумы одаривали друг друга орехами, бусами, обменивались платками. Затем устраивалось пиршество, на которое приглашали мужчин. Хороводы водили далеко за полночь. Общее веселье должно было способствовать зарождению хорошего урожая.

После обряда в одних местах «кукушку» оставляли на ветвях, в других — несли в деревню. Молодые женщины по ее корням пытались дознаться, кто у них будет — мальчик или девочка: корень длинный предвещал мальчика, круглый — девочку. Травка хранилась в доме для счастья и на случай размолвки между супругами.

21 (8) июня — Стратилат, он «грозами богат». Считался астрономическим рубежом весны и лета.

22 (9) июня — Кирилл: «На Кириллу земля солнышку отдает всю силу».

24 (11) июня. Народное празднество, устраивавшееся на Руси в Купальскую ночь, известно во всем славянском мире. Отличительные обряды празднества — зажженные костры, песни, игры, перепрыгивание через огонь и крапивные кусты, купание ночью в росе, а днем в реках, пляски вокруг дерева, которое потом бросали в воду, зарывали в землю травы. У славян существовало поверье о полете ведьм на Лысую гору.²⁰⁶

²⁰⁶ Существовало несколько «священных гор», разбросанных по всему древнеславянскому миру; с ними были связаны ритуальные традиции. Лысая гора — одно из наиболее распространенных названий этих гор.

Известны предания о том, что на Лысой горе под Киевом ведьмы устраивали шабаши. Упоминается в преданиях и Лысая гора под Днепропетровском. Еще одна Лысая гора находится на том месте, о котором, согласно Б. А. Рыбакову, повествует рассказ Геродота «Священные пути» («из земли скифов-пахарей», т. е. праславян). В Польше, между Кельцами и Сандомиром, известна Лысая гора с идолами славянских языческих божеств. Археологи установили, что в языческие времена венец Лысой горы, представлявший огромное святилище под открытым небом и вмещавший тысячи человек, был обнесен мощным каменным валом длиной 1,5 км.

Согласно предположениям ученых, «лысыми» эти горы назывались потому, что их верхняя часть расчищалась от лесов и кустарников для ритуальных сборищ всего племени.

Имя «Купала» на санскрите означает «блистать», откуда «купавый» значит «белый»; в словах «кипеть», «купать» как бы соединялись огонь и вода. Купала — праздник света и огня, всемирное торжество стихии и небесных светил. Человек, сливаясь с природой, крепнет ее могучей силой и перерождается в ее таинственной плодотворной жизни.

Купала и Купальские огни больше известны в России, на Украине, в Белоруссии. Купальский огонь добывается трением дерева и называется «живой огонь», он же — «лесной», «лекарственный».

Плита с изображением льва (Старая Загора, Болгария. X–XI вв.)

В Тульской губернии вечером *23 (10) июня* крестьяне выходили в поле в чистых белых рубашках и складывали костры из хвороста. Старики садились в кружок и начинали трением старых сухих деревьев добывать огонь. Все стояли в течение этой процедуры в молчании. Едва показывался огонь, все оживало, начинались песни, веселье. Зажигали костры. Молодые пели и плясали, старушки, матери сжигали сорочки, снятые с больных детей. Считалось, что таким образом можно прекратить болезни, а перепрыгивание через огонь избавляло от сглаза и наговора.

Купанье в утренней росе очищало тело и избавляло от болезней. Пели Купальские песни, содержание которых восходит к древним языческим временам.

Девки, бабы —
На купальню!
Ладу-Ладу,
На купальню!

Ой, кто не выйдет
На купальню,
Ладу-Ладу,
На купальню,

Ой, тот будет
Пень-Колода,
Ладу-Ладу,
Пень-Колода!

А кто пойдет
На купальню,
Ладу-Ладу,
На купальню,

А тот будет
Бел-береза!
Ладу-Ладу,
Бел-береза!

Прыгали через костер с самодельной куклой Ладой. По прыжку судили об удаче в супружестве. Потом водили хороводы до самой зари, а

Особый интерес представляет гора Сленжа (Собутка) близ Вроцлава и Силезии: вокруг нее славянское племя силезян создало целый комплекс урочищ и языческих сооружений железного века.

куклу сжигали или топили в реке.

Еще собирали траву «Купальницу». Называли ее и «кошечьей дрёмой», некоторые так называли цветок лютик. Этой траве приписывали разные целебные действия. В Вологодской губернии собирали утром траву-купальницу, когда она бывает еще в росе, и сохраняли в банках — для лечения. В селах взрослые вязали из нее веники и парились ими в банях, дети плели венки и надевали их на голову во время игр. На Руси исстари повелось париться в этот день утренней порой в банях, а днем купаться в реках и прудах. Старики парились «лютыми кореньями», чтобы помолодеть, исцелиться от хворей. После бани садились за стол, ели обетную кашу. Больных стариков и старух выносили в баню на жгучей крапиве и напаривали целебными травами. Купанье в реках начиналось с полудня и продолжалось до вечера. Между купаньями устраивали игры, пели песни.

Обетную кашу варили из ячменя, который толкли в ступе. Эта процедура тоже сопровождалась песнями и веселыми играми. Крупу для каши оставляли от первого рушения. Зажиточные семьи варили кашу для бедняков, что считалось их неременной обязанностью.

На Иванов день зарывали травы. Поверье о цветке папоротника, цветущего огненным цветком, было повсеместным. Знахарки отыскивали «разрыв-траву». Народ собирал, помимо купальницы, медвежье ушко, богатеньку. Последнюю вешали на стену на имя каждого человека. Чей цвет завянет, тот в течение года либо умрет, либо заболит. В муравьиных кочках собирали целебное масло. В садах, под корнем черныбыльника, отыскивали земляной уголь, исцеляющий черную немочь и падучую болезнь.

25 (12) июня — Петров день. Об этом дне было сложено много поговорок: «На Петров день и солнышко играет»; «С Петрова дня красное лето, зеленый покос»; «С Петрова дня и зорница зорит хлеб»; «Петр и Павел два часа прибавил»; «Не хвались, баба, что зелен луг, а смотри, каков Петров день».

На Петров день ходили караулить солнце, как оно будет играть на небе при восходе. Крестьяне самых разных возрастов собирались на пригорки, раскладывали костры в ожидании солнца и проводили всю ночь в песнях и играх. Молодые пели «Ой, Ладо!».

29 (16) июня. В народном календаре — Тихон. На Тихона певчие птицы затихают. У земли за год самый тихий ход. На Тихона вези навоз на пар; «Кто много назему в поле кладет, тот всегда верной прибыли ждет».

30 (17) июня — Проводы весны.

Собираясь на сенокос, крестьяне одевали лучшее платье и веселились весь вечер. Это и называлось проводами весны. В **Саратовской губернии** делали соломенную куклу, наряжали ее в кумачовый сарафан, на голову надевали кокошник с цветами, на шею вешали ожерелье. Куклу носили по селу с песнями, потом ее раздевали и бросали в реку. Собственно, это было продолжением купальского обряда.

В **Тульской губернии** последнее заклинание весны происходило на закате солнца — поселяне выходили на пригорки, водили хороводы, пели песни: «Весна, весна, ты когда прошла, когда проехала?..» Потом садились в кружки, обменивались яйцами, окрашенными в желтую краску, угощались.

ИЮЛЬ — «СТРАДНИК»

Предки славян называли июль «червень», позже украинцы, поляки — «липец», чехи и словаки — «червень», «сечены», венды — «седмик», «серпан», русские — «страдник», в Тульской губернии его называли «сенозорник».

Об этом времени года сложены пословицы: «В июле на дворе пусто, да в поле густо»; «Не топор кормит мужика, а июльская работа»; «Сбил сенозорник у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь»; «Плясала бы баба, плясала, да макушка лета настала»; «Всем лето пригоже, да макушка тяжела».

17 (4) июля в степных местах на Руси замечали, что к этому дню озимый хлеб вполне налился. Поселяне говорили: «Озимы в наливах дошли»; «Батюшка овес до половины урос»; «Овес в кафтане, а на грече и рубахи нет»; «Озимы в наливах, а греча на всходе».

18 (5) июля в Подмоскovie вечером выходили смотреть на «играние» месяца. Если месяц при восходе виден, то кажется, будто он перебегает с места на место, изменяет свой цвет и прячется за облака. Люди думали, что в этот день у месяца

свой праздник, а коли «месяц играет — хороший урожай обещает».

25 (12) июля — Прокл. «На Прокла от росы промокло»; «Роса мочит по зорям»; «Роса да туман живут по утрам».

29 (16) июля — жатва. В средней полосе России начинали жать рожь. Первый сноп назывался именинным. Его встречали как дорогого гостя. С него начинали молотьбу, соломой кормили больной скот, а зерна ржи считались целебными для людей и птиц. Начав жатву, оставляли на поляне несжатую полоску хлеба — «Волосу на бородку». Замолкают птицы. Лето перешагивает свой знойный возраст.

АВГУСТ — «СЕРПЕНЬ»

1 августа — по старому стилю *19 июля*.

Август в народе получил много названий: «жнивень», «серпень» — от разгара жатвы; «зарев» — от холодных и ярких зорь. В Сербии август — «женчь», «жнейска», «прашник», в Белоруссии — «ленораст», потому что в августе расстилали лен на росные луга. Люди давно заметили: пропитанная влагой соломка легче отдает волокно. Из такого льна ткань получалась светлее, мягче, крепче. Об августе говорили: «Батюшка август крушит, да поле тешит»; «Овсы да льны в августе смотри».

1 августа (19 июля) — «мокриды». Существовали приметы: «Смотри осень по мокридам»: хороший день предвещал сухую осень, а дождливый — сырую.

2 августа (20 июля) — Илья. Пословицы гласили: «На Илью до обеда лето, а после обеда — осень»; «До Ильина дня под кустом сушит, а после Ильина на кусте сохнет»; «Илья-Пророк два часа уволок»; «Ильинская соломка — деревенская перинка»; «Новый хлеб — на Ильин день»; «До Ильина дня мужик купается, а после Ильина с рекой прощается».

По народным наблюдениям, с Ильина дня начиналась осень, появлялись холодные утренники. Отсюда пошла поговорка: «На Ильин день и камень прозябает». Теперь охотники могут выезжать в поле травить волков. У них была своя примета: если зверя затравят, то весь год счастливы будут. Крестьяне считали, что волки выходят из своих нор после покосов, а до тех пор будто никто не может открыть волчьих выходов.

Существовало поверье, что в этот день звери и гады выбирают из своих нор и бродят по лесам и лугам, что скотину, выпущенную на луг, непременно растерзают звери или ужалит змея. На Ильин день «нечистые духи» вселяются в зверей и гадов, чтобы мстить домашнему скоту и людям, и только одному грому под силу разогнать этих врагов.

Несмотря на все предполагаемые опасности, знахари отваживались собирать в этот день змей и вытаскивать из них сало на свечи. Крестьяне верили, что в руках знахаря змеиные свечи производят непостижимые чудеса. В Тульской губернии крестьяне отыскивали старые дубы, из-под которых били ключи. Сдирали с дубов кору, вымачивали ее в ключах, а потом привешивали себе как ладанки, чтобы зубы не болели.

4 августа (22 июля) — Марья. По наблюдениям крестьян Тульской губернии, обильная роса уничтожает белизну льна и укорачивает рост. Оттого и родилась поговорка: «Коль на день святой Марьи росы, то льны будут серы и косы».

6 августа (24 июля) на Руси и на Украине называли «паликопны», потому что он был известен сильными грозами, которые спаливали копны в поле.

9 августа (27 июля) — Николай-Кочанский. Вилки и кочаны завиваются.

Пантелеймон-целитель. В этот день ходят за целительными травами и кореньями к заповедным лощинам, полянам, болотным урочищам.

12 августа (30 июля) — Сил. «Озимая рожь, посеянная на Сила, родится сильной».

14 (1) августа — первый Спас²⁰⁷ — проводы лета. Улетают ласточки: «Ласточка

²⁰⁷ По народному календарю православных славян в августе отмечались три праздника,

весну начинает, осень накликает»; «У Спаса всего в запасе — и дождь, и ведро, и серпоугодь».

15 (2 августа) — Степан-сеновал. Крестьяне косят траву на сено.

На другой день — Антоны-вихреви, затем Авдотьи-сеногойки.

19 (6) августа — второй Спас. Время срывать спелые яблоки. Спасовка-лакомка.

Через день — Мироны-ветрогоны.

23 (10) августа — Лаврентий. Крестьяне гадали, смотрели в воду: коли спокойная, не волнуется, значит, осень обещает быть тихой и зима без злых метелей.

27 (14) августа — Михеев день. «На Михея дуют ветры-тиховеи — к хорошей осени»; «Михей с бурей — к ненастному сентябрю»; «Михеев день с бурей, ветром, с бабьим летом перекликается».

28 (15) августа — Дожинки (Оспожинки) — праздник окончания жатвы. Называли его еще Успенье.

Крестьяне устраивали в складчину угощение, варили пиво, забивали барана, пекли пироги, созывали родных и соседей. Крестьянки выходили в поле, обвязывали последней соломой серпы, катались по жнитве, приговаривая: «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку на пест, на колотило, да на молотило, да на криво веретено». После этого наряжали последний сноп (именинный) в сарафан да кокошник и с песнями несли на гостиный двор. Там их встречали и угощали вином и обедом.

На Украине со сжатием последнего снопа сплетали с песнями венки и одевали его на голову почетной девице, после чего отправлялись на боярский двор ударить челом своему боярину. Девица на дворе вручала боярину венок, а боярин, принимая его, целовал девицу и угощал поселян.

С 28 (15) августа — в селах Руси начиналось «бабье лето» и продолжалось до *11 сентября (29 августа)*.

Перед «бабьим летом» крестьяне обычно заканчивали посев озимых хлебов, иногда сев продлевался еще на три дня — все зависело от погоды и скорости уборки. Женщины провожали мужей на посевную хлебом-солью, на телегу клали три снопа, а на них — семенную рожь в мешках. На поле засеивальщиков встречали ребята с гречневой кашей. После того как мужчины отсеются, пирог и кашу съедали всей семьей. Досевки праздновались в складчину. В городах и селах с этого дня начинались великоденские гулянья с хороводами.

К этому дню заканчивали сев, но нередко оставались такие, кто не очень поспешал с работой, сеял с ленцой. О таких говорили: «С Фролова дня засевают ретивые, а с Семена — ленивые». Крестьяне праздновали окончание сева со своими лошадьми: купали их в реке и в благодарность за помощь в нелегком крестьянском труде заплетали в гривы ленточки. Отсеявшись, начинали «помочи» — работы всем миром в пользу вдов и сирот: косили им сено, удобряли поля, рубили дрова, молотили снопы.

И. П. Сахаров приводит народное сказание об августовских чудесах, существовавшее в Рязанской губернии, в селениях, расположенных на берегах рек Вожи и Быстрицы.

Живет на Прекольских болотах чудо чудное, диво дивное. Там, на болоте Ермаковом, слышатся свист и пение. Кто свистит, кто поет — никто не ведает.

Из могилки на болоте выбегает белая лошадь, обегает все могилки, прислушивается к земле, раскапывает землю копытами и жалобно плачет над покойниками. Зачем она бежит, что слушает, о чем плачет — об этом никто не знает.

посвященные Всемиловейшему Спасу (Христу Спасителю): 1 августа (14 авг. по н. ст.) — «Спас на воде», 6 августа (19 авг. по н. ст.) — «Спас на горе» и 16 августа (29 авг. по н. ст.) — «Спас на полотне». На Руси говорили, что на первый Спас (его называли «медовым», поскольку будто бы с этого дня пчелы перестают носить мед с цветов) — «на воде стоять»; второй Спас — «яблочный», потому как в этот день «яблоки едят», а на третий Спас положено было «на зеленых горах холсты продавать».

Ночью на болоте появляются огни и перебегают от могилки к могилке. А огни те не такие, как в городах бывают на свечах, а как в деревнях на лучине. Они горят по-своему, светят иначе. Как загорят, так каждую могилку видно, а как засветят, видно, что на дне болота лежит, да уж так видно, как в избе лавку.

Пытались добрые люди поймать белого коня, но не тут-то было — конь никому в руки не дается. От свисту и от песен, что с болота несутся, люди глохнут, а про огонь и говорить нечего. Вестимо дело. Кто огонь поймают?

Поселяне говорят, что здесь когда-то давно-давно было побоище: сражались русские князья с татарами, бились не на живот, а на смерть. Татары уже начали одолевать князей, как ни отсюда, ни оттуда выезжает на белом коне неведомый богатырь со своими сотнями. Бьет и колет татар направо и налево и добил их чуть не всех. Но тут подоспел окаянный Батый: он убил богатыря, а его белого коня загнал в болото. С тех пор белый конь ищет своего богатыря, а его сотня удалая поет и свищет — авось откликнется удалой богатырь...

29 (16) августа — третий Спас — ореховый. К этому дню поспевают орехи. Ласточки отлетают в три раза, в три Спаса.

СЕНТЯБРЬ — «ХМУРЕНЬ»

1 сентября — 19 августа по старому стилю. Древнерусские названия сентября — «руен», «руин» связывались с желтым цветом осени, «ревун» — с дождями, непогодой, «рюи» — с гоном, ревом оленей, «хмурень» — с угасанием солнечного света и ранним наступлением сумерек.

Сентябрь начинался днем Стратилата — тепляка, про который на Руси говорили: «Батюшка юг пустил ветер на овес»; «Тепляк держится, ушедшему лету вслед кланяется».

8 сентября (26 августа), в Наталью-овсяницу косят овес. В первый день покоса крестьяне, скосивши немного овса, вяжут сноп и несут его с песнями на боярский двор или в свои избы. Сноп ставят в большой кут под образа. Хозяин со своими работниками садится за стол. Хозяйка начинает угощать их деженем — толокном, замешанным на кислом молоке или воде с медом, потом — овсяными блинами. Гости, вставая из-за стола, благодарят хозяев за сладкий дежен, за сытые блины.

11 сентября (29 августа) — Иван полетный, полетовщик: «Иван постный пришел, лето красное увел»; «Иван Предтеча гонит птицу далече». Так мирно соединялись христианские и языческие названия (по церковным святцам, 11 сентября — день усекновения головы Иоанна Предтечи).

13 сентября (31 августа) — улетают журавли. «На Куприянов день журавли собираются на болотине уговор держать, каким путем-дорогою на теплые воды летать».

14 (1) сентября — Семен-Летопроведец. В Подмосковье с этого дня начиналось настоящее «бабье лето». Его отмечали также чехи, словаки, сербы, украинцы, поляки... В Саратовской и Пензенской губерниях его называли «пасиковый», потому что на Семена-проводца убирали улья; в Ярославской и Вологодской губерниях — «луковый», так как в этот день вырывали лук и чеснок; в Рязанской губернии он слыл Аспосовым днем,²⁰⁸ и там говорили: «Бабье лето на Аспосов день».

В Московской и Тульской губерниях крестьяне под Семен день тушили всякий огонь, кроме лампадного, а едва начинала заниматься утренняя заря, зажигали новый свет. В старину огонь добывали старики и старухи из сухого дерева, а молодая невестка или сын зажигали спицей новый огонь — затопливали им печи в избах и банях, на посиделках зажигали свечи или лучину.

В селах с Семена дня начинались женские работы: с раннего утра мяти и трепали пеньку, мыли лен в воде, стелили по лугам. Вечером садились за пряслица и веретена. С «бабьего лета» начинались осенние хороводы.

В Семенов день устраивали «мушиные похороны». Разодетые в праздничные наряды девушки зарывали завернутых мух в землю, а

²⁰⁸ Аспосов день отмечали с 1 по 6 сентября по старому стилю.

тараканов засовывали в щепки. Проходило это шутейное действо с песнями, на девушек посматривали парни, выбирая себе подругу по сердцу.

21 (8) сентября — «осенины», вторая встреча осени. Аспосов день. Его встречали играми и песнями. Рано утром женщины выходили к берегам рек, озер, прудов встречать матушку осенину с овсяным хлебом. Старшая женщина стояла с хлебом, а молодые вокруг нее пели песни, после чего разламывали хлеб на куски по числу людей и кормили им домашний скот.

Заканчивается «бабье лето».

24 (11) сентября — Федора. Всякое лето — и «бабье», и обычное — кончается. «Не каждое лето до Федоры дотянет»; «Пришли Федоры — замочи хвосты» (начинаются дожди).

26 (13) сентября — Воздвижение, третья встреча осени. Улетают птицы, медведи залегают в берлогах, корень не растет в земле. Крестьяне рубят капусту. «Хлеб да капуста лихого не подпустят».

28 (15) сентября — «гусепролет», «гусарь». Темные предрассветные вечера и предрассветная свежесть остужают воздух и землю: «Гуси летят — зимушку на хвосте тащат».

ОКТАБРЬ — «ГРЯЗНИК»

Были у славян и более поэтические названия октября — «позимник», «листопад» и даже «свадебник».

1 октября (18 сентября) — Арина-журавлиный лет. Если на Арину журавли полетят, то на Покров 14 (1) октября ударит первый мороз, а если их не видно, то до 2 ноября (20 октября) мороза не будет вовсе.

2 октября (19 сентября) — Зосима-заступник пчел. Ставят ульи в омшаник.

За Зосимой — Астафьевы ветры. На Астафья свои приметы: коли дует северный сердитый ветер, то вскоре жди стужу, южак подул — к теплу, западный — к сырости, восточный — к ведру.

7 октября (24 сентября) — Фёкла-заревница. Молотят хлеба в натопленных овинах. Из-за неосторожности на Фёклу спалили не один овин, оттого она и «заревница».

14 (1) октября — Покров. «На Покров до обеда — осень, а после обеда — зимушка-зима»; «Чини избу до Покрова, не то не будет тепла».

На третьи сутки после Покрова — Ерофей. «С Ерофея и зима шубу надевает». Суеверные люди на Ерофея в лес не ходили, боялись лешего. Существовало поверье, будто в этот день лешак с лесом расстается. А перед тем как провалиться сквозь землю, бушует там, обтрясывает, обламывает деревья. Зверье и то со страху по норам разбегается.

18 (5) октября — Харитины-первые холстины. В избах начинают ткать холст.

За Харитинами — Денисы позимские. День становится короче ночи, раньше смеркается, позже светает.

20 (7) октября — Сергей. «Если Сергей снежком покроется, то с ноябрьской Матрены (22 ноября — 9 ноября по ст. ст.) зима встанет на ноги».

21 (8) октября — Трифон и Пелагея. «С Трифона и Пелагеи все холоднее».

А через день — Лампеи (Евламий). В этот день рога месяца показывают в ту сторону, откуда дуть ветрам. Если на Евлампия рога месяца на полночь — быть скорой зиме, на полдень — скорой зимы не жди, будет грязь до самой Казанской.

27 (14) октября — Параскева, «грязниха», «порошиха».

Через три дня, «на Осию, колесо расстается с осенью».

НОЯБРЬ – «ГРУДЕНЬ», «ПОЛУЗИМНИК»

Народный месяцеслов величает ноябрь «груднем» от смерзшихся груд грязи на дорогах, «листогноем» – от гниющих листьев.

«Ноябрь – сентябреев внук, октябреев сын, зиме родной батюшка». В ноябре зима с осенью борется. «Ноябрь – полужимник: и колесо и полоз любит».

4 ноября (22 октября) – Казанская.²⁰⁹ На Казанскую – первый зазимок. Снежно и морозно. «С позимней Казанской скачет морозко по ельничкам, по березничкам, по сухим берегам, по веретейкам».

8 ноября (26 октября) – Дмитриев день.²¹⁰ На него совместно справляли помин по усопшим, отчего Дмитрова неделя слыла «дедовой». Была такая пословица: «Коль отдохнут на дедовой неделе родители (т. е. потеплеет), то и всей зимушке-зиме быть с мокрыми теплинами».

Через день – Ненилы-льняницы.

За Ненилами – Настасьи-овчарницы. Кормили пастухов по дворам за то, что овец сберегали.

12 ноября (30 октября) – Зиновей. На Зиновея – синичкин праздник. «Не велика птичка-синичка, и та свой праздник помнит».

14 (1) ноября – Кузьминки, встреча зимы. «Закует Кузьма-Демьян – до весны красной не расковать»; «Не заковать реку зиме без Кузьмы-Демьяна».

15 (2) ноября – «Акундин разжигает овин». На гумнах цепами хлеб обмолачивали, в избах пряжу пряли, на пяльцах вышивали.

19 (6) ноября – «ледостав». Пруды и реки под ледяным панцирем. На другой день «Федот встает на лед». За ним, *21 (8) ноября* – «Михайло мосты мостит». На Михайлов день «зима морозы кует, земля мерзнет».

22 (9) ноября – Матрены. С зимних матрен зима встает на ноги, налетает мороз.

23 (10) ноября – Ераст (церковн.) и Родион. «С Ераста жди ледяного наста». И еще через два дня – Студит: «Федор Студит – землю студит»; «Со Студита стужа, что ни день, то хуже».

На Филипповки деревья приукрашиваются снегом, а дороги – первопутком.

29 (16) ноября – Матвей. «На Матвея зима потеет».

ДЕКАБРЬ – «СТУДЕНЬ», «ХМУРЕНЬ»

В народе говорили: «Декабрь и замостит, и загвоздит, и саням ходу даст».

4 декабря (21 ноября) – Введение. «Наложило Введенье на воду толстое леденье».

5 декабря (22 ноября) – Прокоп. «Пришел Прокоп, разрыл сугроб, по снегу ступает, дорожку копает».

7 декабря (24 ноября) – Катерина-санница. Крестьяне прокладывают санный путь.

9 декабря (26 ноября) – Юрий холодный. На зимнего Юрия в древние времена крестьяне переходили от одного владельца к другому. Требовалось только рассчитаться с прежним хозяином «за пожилое». Это право крестьян держалось до правления Бориса Годунова (1552–1605). После отмены Юрьева дня в 1581 г. пошла поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

12 декабря (29 ноября) – Парамон. Люди заметили: если на Парамона снег, значит, быть метелям вплоть до Николина дня, который отмечали *19 (6) декабря*.

²⁰⁹ «Казанская» – так называется икона в честь Пресвятой Богородицы.

²¹⁰ Дмитриев день – день поклонения святому Дмитрию Салунскому.

«Земля каменеет, а речка стынет».

14 (1) декабря — «день-грамотник». На Руси этот день назывался так потому, что дети шли в первый класс.

17 (4) декабря — Варвара. На Варвару «морозы трещат, зябких знобят». Стало быть, надо предупредить: «Трещит Варюха, береги нос да ухо».

19 (6) декабря — Никола. «Никола загвоздит, что Егорий замостит»; «Хвали зиму после Николы». Никола считался гостевым праздником. О гуляках сокрушенно говорили: «Что наковал, то и прониколит»; «Дониколится до сумы».

22 (9) декабря — День зимнего Солнцеворота. «Солнце на летний путь выезжает, а зима стороной идет». В старину на Руси зимний Солнцеворот отмечали не 22 декабря (в начале солнцестояния), а 25 (12) декабря, когда хоть «на воробьиный скок», да прибудет дня (см. начало календаря).

25 (12) декабря в народном календаре Спиридон-поворот, Спиридон-Солнцеворот. От Спиридона солнце на лето, зима на мороз. Если на Спиридона светло, лучисто, то новогодье простоит морозным, ясным, а хмуρο и на деревьях иней повиснет — теплым и пасмурным. Если утро пасмурное, то сев должен быть ранним; если пасмурно в полдень, то средним, если вечер хмурый, то наилучшим будет поздний сев.

26 (13) декабря в народном календаре — мученик Евстрат. Евстрат — солнышку рад. С этого дня наблюдают за погодой в течение 12 суток, считая, что каждый день покажет погоду одного следующего месяца года: 26 декабря соответствует январю, 27 — февралю, 28 — марту, и т. д. до Рождества Христова (7 января по н. ст.), которое укажет на погоду в декабре следующего года.

29 (16) декабря в народном календаре — Аггей. «Аггей иней сеет». Коли на Аггея сильный мороз, то он простоит до Крещенья. Если в этот день на деревьях иней, то святки будут теплые.

31 (18) декабря. Началом эры «От Рождества Христова» считается дата 1 января, а Рождество отмечается 25 декабря по новому стилю на Западе или 25 декабря по старому стилю в православной церкви (сейчас по новому стилю оно приходится на 7 января). Евангелисты считали более важной датой не день Рождения Христа, а день его смерти и Воскресения. Только в начале IV в. были предложены для Рождества Христова 25 и 28 марта, 2 и 19 апреля, 29 мая. Выбор 25 декабря был сделан в эпоху византийского императора Константина (306–337) и был связан с древним обрядом поклонения Солнцу.

Солнце всегда было для славян главным богом, которому они поклонялись. Жизнь настраивала на Солнцелад. Древний славянин жил в гармонии с природой и космосом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азбелев С. Н.* Родовая сага в Древней Руси // Тезисы докладов III науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. — Тарту, 1966.
2. *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая поэзия на Западе и у славян. От обряда к песне. — СПб., 1903.
3. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: В 3 т. — М., 1958.
4. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1861.
5. *Болсуновский К. В.* Памятники славянской мифологии. — Киев, 1914.

6. *Буслаев Ф. И.* Русский богатырский эпос. — Воронеж, 1987.
7. *Буслаев Ф. И.* О влиянии христианства на славянский язык. — М., 1848.
8. *Велецкая Н. Н.* Языческая символика. — М., 1978.
9. *Виноградов Н. Н.* Заговоры, обереги, спасительная молитва. — СПб., 1907.
10. *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. — М., 1982.
11. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. — Харьков, 1916. — Т. 1–2.
12. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1–4.
13. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. — М., 1957.
14. *Державин Н. С.* Славяне в древности. — М., 1946.
15. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.; Л., 1958.
16. Древняя Русь и славяне. — М., 1978.
17. *Есенин С. А.* Ключи Марии. Собр. соч.: В 5 т. — Т. V. — М., 1979.
18. *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. — М., 1876–1879.
19. *Знойко А. П.* Русь и этруски. — М., 1984.
20. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. — М., 1974.
21. *Истрин В. А.* Развитие письма. — М., 1961.
22. *Касторский М. И.* Начертание славянской мифологии. — СПб., 1841.
23. *Классен Е. И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяноруссов в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова, — Вып. 1–3. — СПб., 1861.
24. *Костомаров Н. И.* Славянская мифология. — Киев, 1847.
25. *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. — Рязань, 1969.
26. *Леже Л. П.* Славянская мифология: Пер. с франц. — Воронеж, 1908.
27. *Лионне.* Начертания мифологии: В 4 ч. — СПб., 1839.
28. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. — М., 1976.
29. *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история. — Архангельск, 1980.
30. *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. — Л., 1978.
31. *Майков А. Н.* Великорусские заклинания. Записки Русского географического Общества. Отделение географии. — Т. 2. — СПб., 1869.
32. *Матвеев В.* Египет — сын тысячелетий. — Л., 1959.
33. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. — М., 1982.
34. *Попов Т. С.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро княгини В. Н. Тенишевой. — СПб., 1903.
35. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. — Л., 1963.
36. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.
37. Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л., 1973.
38. *Потебня А. А.* Объяснение малорусских и сродных народных песен. — Варшава, 1887.
39. *Потебня А. А.* Философия языка и мифа. — М., 1989.
40. Ригведа (изд. Т. Я. Елизаренковой). — М., 1989.
41. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита. — М., 1965.
42. *Рыбаков Б. А.* Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979.
43. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М., 1980.
44. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. — М., 1987.
45. *Сахаров И. П.* Сказания русского народа, семейной жизни своих предков. — Ч.

- 1–3. – СПб., 1836–1837.
46. *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – Вып. 1–4. – М., 1837–1839.
47. *Семенцов В. С.* Молния в «Упанишадах». Санскрит в древнейшей культуре. – М., 1979.
48. *Седов Н. Н.* Проблема происхождения и начальной истории славян. – Л., 1978.
49. Славяне и скандинавы. – М., 1986.
50. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. – М., 1959.
51. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. – М., 1978.
52. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М., 1991.
53. *Трубачев О. Н.* В поисках единства. – М., 1992.
54. *Третьяков П. Н.* По следам древнейших славянских племен. – Л., 1982.
55. Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л., 1978.
56. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. – М., 1980.
57. *Чертков А. Д.* Пеласго-фракийские племена, населявшие Италию. – М., 1853.
58. *Чертков А. Д.* Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества, собранных А. Д. Чертковым. – 2-е изд., испр. – М., 1863.
59. *Чулков М. Д.* Пересмешник, или Славянские сказки. – СПб., 1766.
60. *Шилов Ю. А.* Космические тайны курганов. – М., 1990.
61. *Щербаков В. И.* Асгард и ваны // Дорогами тысячелетий. – М., 1989.
62. Этногенез. Ранняя этническая история и культура славян. – М., 1985.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ВОЛЬГА И МИКУЛА *К. А. Васильев, 1974*

Однажды славный богатырь Вольга Святославович выехал с дружиною во чисто поле, и услышал он во поле пахаря-оратая: «Как орет в поле оратай, понукивает. А у оратая-то сошка поскрипывает. Да по камешкам омешики почиркивают...» «Едет Вольга к оратаю день, едет другой, едет третий и, наконец, увидел он пахаря...» Момент встречи Вольги и Микулы Селяниновича из былины «Вольга и Микула» изображен здесь художником. Смелый композиционный прием выделяет фигуру пахаря Микулы – подлинного хозяина своей земли, труженика, который и пашет, и сеет, и кормит, и защищает, когда приходит нужда.

ОГНЕННЫЙ МЕЧ *К. А. Васильев, 1974*

Сделав героем этой картины русского былинного богатыря Вольгу, К. А. Васильев указал на преемственную связь его с древним славянским божеством Сварогом – вложил в руки Вольги огненный меч, являвшийся символом этого языческого бога огня.

Вольга – один из любимейших персонажей русского былинного эпоса. Он владел сокровенным знанием и, сказав заветное слово, а затем ударившись оземь, мог, приняв облик горноста, перегрызть тетиву лука у врага, если требовалось –

принимал облик волка, барана, сокола, щуки. Художник изобразил Вольгу в обрамлении принимаемых им ипостасей.